БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.
Шкафъ ~~XXXVI~~ VI
Полка 6
№ ~~4~~ 1

# СОЧИНЕНІЯ КСЕНОФОНТА

ВЪ ПЯТИ ВЫПУСКАХЪ.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

Г. А. ЯНЧЕВЕЦКІЙ.

---

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

## ВОСПОМИНАНІЯ О СОКРАТѢ

## (Memorabilia)

СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ И УКАЗАТЕЛЕМЪ.

---

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

БИБЛІОТЕКА
О-ва д. ι достав. средствъ
В. К. КУРСАМЪ.

БИБЛІОТЕКИ
Егора Егоровича
ЗАМЫСЛОВСКАГО

**Митава.**
ВЪ ТИПОГРАФІИ И. Ф. ШТЕФФЕНГАГЕНА И СЫНА.
1879.

Дозволено цензурою. Рига, 26. Ноября 1879.

11.112
Лен. Гос. Ун-т
...ая
...ска им.
...ерьского

# ОГЛАВЛЕНІЕ.


## КНИГА ПЕРВАЯ.

### ОПРОВЕРЖЕНІЕ ОБВИНЕНІЙ.

Гл. I. Сократъ, не отрицалъ боговъ, признаваемыхъ государствамъ, и не вводилъ новыхъ. Онъ приносилъ жертвы, вѣрилъ въ божественныя указанія, никогда не говорилъ и не дѣлалъ ничего преступнаго и былъ вѣренъ клятвѣ.

Гл. II. Сократъ не развращалъ юношества; онъ училъ не словами, но примѣромъ собственной жизни. Обвинитель неправильно объясняетъ ученіе Сократа о государственномъ устройствѣ, о вліяніи на Критія и Алкивіада, почтеніи къ родителямъ и родственникамъ и его ссылки на поэтовъ.

### УЧЕНІЕ СОКРАТА О ГЛАВНѢЙШИХЪ ДОБРОДѢТЕЛЯХЪ.

Гл. III. Сократъ былъ полезенъ своимъ ученикамъ какъ примѣромъ, такъ ученіемъ.

Гл. IV. Разговоръ съ Аристодемомъ объ особенной любви божества къ человѣку.

Гл. V. Сократъ внушалъ своимъ ученикамъ воздержаніе.

Гл. VI. Сократъ опровергаетъ софиста Антифонта.

Гл. VII. Противъ хвастовства.

## КНИГА ВТОРАЯ.

Гл. I. Разговоръ съ Аристиппомъ о самообладаніи и разсказъ Продика „Геркулесъ на перепутьи“.

Гл. II. Разговоръ съ сыномъ Лампрокломъ о признательности къ родителямъ.

Гл. III. Разговоръ съ Херекратомъ о братскомъ единодушіи.

Гл. IV. О дружбѣ.

Гл. V. Разговоръ съ Антисѳеномъ о выборѣ друзей.

Гл. VI. Разговоръ съ Критовуломъ о друзьяхъ.

Гл VII. Разговоръ съ Аристархомъ о помощи въ крайности.

Гл. VIII. Разговоръ съ Евѳиромъ о трудѣ свободнаго человѣка.

Гл. IX. Совѣтъ Критону противъ сикофантовъ.

Гл. X. Совѣтъ Діодору помочь бѣдному другу.

## КНИГА ТРЕТЬЯ.

### СОКРАТЪ ВЪ ОБРАЩЕНІИ СЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ПРАКТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ, НАУКИ, ИСКУСТВА И ВЪ ЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЯХЪ.

Гл. I. Разговоръ Сократа съ Діонисодоромъ о военномъ начальствованіи.
Гл. II. Объ обязанностяхъ полководца и правителя.
Гл. III. Объ обязанностяхъ начальника конницы.
Гл. IV. Разговоръ съ Никомахидомъ о полководцѣ и хозяинѣ.
Гл. V. Разговоръ съ Перикломъ — сыномъ объ аѳинянахъ.
Гл. VI. Разговоръ съ Главкономъ о необходимости соотвѣтствующаго образованія для государственнаго дѣятеля.
Гл. VII. Разговоръ съ Хармидомъ о необходимости занятій общественными дѣлами.
Гл. VIII. Разговоръ съ Аристиппомъ объ относительности добра и красоты.
Гл. IX. Опредѣленіе понятій: мужество, мудрость, воздержаніе, справедливость, безуміе, незнаніе, зависть, досугъ, царь и правитель, благополучіе и счастіе.
Гл. X. Разговоръ съ живописцемъ Паррасіемъ, ваятелемъ Клитономъ и панцырнымъ мастеромъ Пистіемъ.
Гл. XI. Разговоръ съ Ѳеодотой о средствахъ удерживать друзей.
Гл. XII. Разговоръ съ Епигеномъ о значеніи тѣлесныхъ упражненій.
Гл. XIII. Замѣчанія по поводу разныхъ вопросовъ.
Гл. XIV. Объ умѣренности за ужиномъ.

## КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

### СОКРАТЪ ВЪ ОБРАЩЕНІИ СЪ ЮНОШАМИ.

Гл. I. О необходимости образованія.
Гл. II. Разговоръ Сократа съ Евтидемомъ о необходимости ученія у знающихъ людей.
Гл. III. О необходимости богопознанія.
Гл. IV. Разговоръ съ софистомъ Гиппіемъ о справедливости.
Гл. V. О необходимости воздержанія для практической жизни.
Гл. VI. Діалектическій разговоръ съ Евтидемомъ о понятіяхъ: благочестіе, справедливость, мудрость, благо, красота, мужество, царство, тираннія, аристократія, плутократія и демократія.
Гл. VII. Сократъ побуждалъ своихъ слушателей къ изученію практическаго знанія.
Гл. VIII. Опроверженіе обвиненій противъ Сократа относительно вопроса о божествѣ, дававшемъ ему указанія. Заключеніе.

**Примѣчанія.**

**Указатель собственныхъ именъ.**

**Указатель предметовъ.**

# Книга Первая.

## ОПРОВЕРЖЕНІЕ ОБВИНЕНІЙ.

### ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Сократъ не отрицалъ боговъ, признаваемыхъ государствомъ, и не вводилъ новыхъ. Онъ приносилъ жертвы, вѣрилъ въ божественныя указанія, никогда не говорилъ и не дѣлалъ ничего преступнаго и былъ вѣренъ клятвѣ.

Я не разъ удивлялся, какими доводами обвинители Сократа убѣдили аѳинянъ въ томъ, что Сократъ передъ городомъ заслуживаетъ смертной казни. Самое обвиненіе было приблизительно слѣдующее: „Сократъ виновенъ въ томъ, что не признаетъ боговъ, которыхъ признаетъ городъ, и вводитъ другія, новыя божества; виновенъ и въ томъ, что развращаетъ юношество".

Итакъ, по первому обвиненію, какое они представили доказательство, что Сократъ не признавалъ боговъ, признаваемыхъ городомъ? Извѣстно было, что онъ приносилъ жертвы — часто дома, часто на общественныхъ аѳинскихъ жертвенникахъ; не было не извѣстно и то, что онъ обращался къ мантикѣ; о немъ прокричали даже, что онъ говорилъ, что *высшее существо даетъ ему указанія*, — откуда, главнымъ образомъ, какъ я думаю, и возникло это обвиненіе — „вводитъ новыя божества". Но Сократъ не вводилъ ничего новаго въ сравненіи съ тѣми, которые, вѣруя въ мантику, обращаются къ птицамъ, человѣческому голосу, явленіямъ, жертвамъ. Вѣдь и эти люди того мнѣнія, что не птицы знаютъ то, что полезно спрашивающему, и не встрѣчающіеся люди, но что этими путями боги дѣлаютъ указанія. Точно также думалъ и Сократъ. Только всѣ говорятъ, что птицы или явленія по-

2.

3.

4.

буждаютъ или отклоняютъ (отъ извѣстнаго поступка). Сократъ же говорилъ такъ, какъ сознавалъ: онъ говорилъ, что ему указываетъ высшее существо. На основаніи указаній этого высшаго существа онъ многимъ близкимъ лицамъ совѣтовалъ одно дѣлать, другаго не дѣлать. И дѣйствительно, кто слушался, оставался
5. доволенъ, а кто не слушался, жалѣлъ послѣ. Да и кто въ самомъ дѣлѣ не согласится съ тѣмъ, что Сократъ не желалъ казаться близкимъ людямъ ни полуумнымъ, ни хвастуномъ? А его навѣрное считали бы тѣмъ и другимъ, если бы онъ, совѣтуя въ видѣ указаній свыше, вдругъ оказался лжецомъ. Очевидно, Сократъ не началъ бы говорить, если бы не былъ увѣренъ, что скажетъ правду. Но въ этомъ случаѣ кто станетъ вѣрить чему либо иному, какъ не божеству? Какимъ же образомъ Сократъ,
6. вѣруя въ боговъ, не признавалъ ихъ существованія? Кромѣ того онъ вотъ какъ поступалъ съ людьми близкими. Въ обыденныхъ случаяхъ совѣтовалъ дѣйствовать, какъ, по ихъ мнѣнію, будетъ лучше; но въ такихъ случаяхъ, когда неизвѣстно, каковы будутъ
7. послѣдствія, онъ отсылалъ спросить боговъ гаданіями. Такимъ образомъ онъ говорилъ, что мантика нужна для того, кто желаетъ благоустройства семьи или общества; между тѣмъ какъ плотничество, кузнечество, земледѣліе, начальствованіе, умѣлость въ подобныхъ вещахъ; дальше — счетоводство, домоводство, командованіе солдатами, — все это, по его мнѣнію, предметъ изученія
8. и изслѣдованія человѣческаго разума. Но самое существенное во всемъ этомъ боги, по его мнѣнію, оставили за собою, и здѣсь уже человѣку ничего неизвѣстно. Напримѣръ, тому, кто развелъ хорошій садъ, неизвѣстно, кто будетъ собирать плоды; тому, кто хорошо устроилъ свой домъ, неизвѣстно, кто будетъ въ немъ жить; стратегу неизвѣстно, счастливо-ли будетъ его командованіе; государственному дѣятелю — счастливо-ли будетъ его управленіе; женившемуся на красавицѣ, чтобы быть съ нею счастливымъ, неизвѣстно, не прійдется-ли изъ-за нея терпѣть горе, какъ и получившему вліятельныхъ родственниковъ въ государствѣ неизвѣстно,

не будетъ-ли онъ имп же удаленъ изъ государства. Относительно 9.
такихъ людей, которые все это признаютъ дѣломъ человѣческаго разума, и ничего — сверхъ-естественнымъ, онъ выражался, что эти люди безумствуютъ. Безумствуютъ также, по его словамъ, люди, обращающіеся къ богамъ за тѣмъ, чего допскиваться боги позволили посредствомъ знанія; напримѣръ, если спрашиваютъ, лучше-ли взять для лошадей человѣка, умѣющаго обращаться съ возжами, или неумѣющаго; или, напримѣръ, лучше-ли взять на корабль человѣка, умѣющаго править судномъ, или неумѣющаго, — вообще, если спрашиваютъ о томъ, что можно знать посредствомъ вычисленія, мѣры или вѣса. Онъ былъ убѣжденъ, что люди, спрашивающіе боговъ въ такого рода случаяхъ, поступаютъ преступно, и говорилъ, что изученіе нужно тамъ, гдѣ боги опредѣлили дѣйствовать на основаніи науки; гдѣ-же для человѣка неразгаданное, тамъ — пытаться узнать волю боговъ посредствомъ мантики, такъ какъ боги открываютъ свою волю тому, къ кому они милостивы.

Кромѣ того Сократъ всегда былъ на глазахъ у всѣхъ. Утромъ 10.
отправлялся въ мѣста для гулянья и въ гимнасіи, а когда Площадь была полна народа, его можно было видѣть на Площади; и остальную часть дня онъ всегда проводилъ тамъ, гдѣ могло собраться наибольше народа. Тамъ онъ говорилъ очень много, и желающіе могли слышать. Но никто никогда не видѣлъ и не слышалъ, чтобы 11.
Сократъ дѣлалъ или говорилъ что-либо безбожное или преступное. Даже о природѣ вещей онъ разсуждалъ не такъ, какъ большая часть другихъ (философовъ). Онъ не касался того, какъ произошелъ такъ называемый софистами „космосъ“ и по какимъ законамъ существуетъ каждое небесное явленіе; мало того, онъ изслѣдовавшихъ таковые вопросы обзывалъ чудаками. Сократъ прежде 12.
всего допскивался, приступаютъ-ли они къ изслѣдованію этихъ вопросовъ, считая себя достаточно знакомыми съ вопросами о человѣкѣ, или же они оставляютъ въ сторонѣ вопросы о человѣкѣ и думаютъ, что дѣло дѣлаютъ, занимаясь разборомъ вопросовъ о сверхъестественномъ. Онъ даже находилъ страннымъ, что эти 13.

люди не понимаютъ невозможности изслѣдованія небесныхъ явленій,
когда даже мудрецы, славящіеся своимъ трактованіемъ о предметахъ
этого рода, не только учатъ далеко не одинаково, но даже относятся
14. одинъ къ другому, какъ бѣсноватые. И дѣйствительно одни изъ
этихъ „бѣсноватыхъ“ не боятся ужаснаго, другіе пугаются того,
что вовсе не страшно; одни не считаютъ дурнымъ дѣлать или
говорить что либо публично, другіе находятъ, что не слѣдуетъ
даже показываться между людьми; одни не признаютъ рѣшительно
ничего: ни храмовъ, ни жертвенниковъ, ничего изъ предметовъ
священныхъ; другіе покланяются всякому камню, дереву, живот-
ному. Еще: одни изъ этихъ толкователей мірозданія признаютъ
единое сущее, другіе — многое множество; одни полагаютъ, что
все находится въ вѣчномъ движеніи, другіе, что ничто никогда
не можетъ двигаться; одни находятъ, что все рождается и уничто-
жается, другіе, что ничто никогда не можетъ ни родиться, ни
15. погибнуть. Кромѣ того Сократъ наблюдалъ у философовъ еще
вотъ что: какъ тѣ, кто изучилъ вопросы о человѣкѣ, знаютъ,
что свои свѣдѣнія могутъ приложить и къ самимъ себѣ, и къ
тѣмъ, къ кому пожелаютъ, то подобно имъ надѣются-ли изслѣдо-
ватели, доискавшись, что̀ и по какимъ причинамъ происходитъ,
распорядиться по своему желанію съ вѣтрами, дождями, време-
нами года и т. п. явленіями, или же они ничего подобнаго не
ожидаютъ и довольствуются одними свѣдѣніями, какъ происходитъ
16. каждое явленіе? Такъ относился Сократъ къ лицамъ, занимав-
шимся этими вопросами. Самъ же онъ всегда разсуждалъ только
о вопросахъ, касавшихся человѣка, разбирая, въ чемъ состоитъ
благочестіе, въ чемъ нечестіе; въ чемъ благоприличіе, въ чемъ
стыдъ, въ чемъ правота и неправота, въ чемъ благоразуміе и
неблагоразуміе, въ чемъ мужество и трусость; что такое госу-
дарство и что такое государственный дѣятель; что такое управ-
леніе людьми и что такое правитель и такъ далѣе. Знающихъ
эти предметы онъ считалъ людьми образованными, а не знающихъ
можно, по его мнѣнію, вполнѣ справедливо назвать рабскими душами.

Впрочемъ нисколько не удивительно, если судьи были превратнаго мнѣнія о Сократѣ по такимъ вопросамъ, относительно которыхъ неизвѣстны были убѣжденія Сократа, но какъ не удивляться, что они не обратили вниманія на то, что всѣ знали? Напр., когда онъ участвовалъ въ сенатѣ, давъ присягу нести это званіе согласно съ законами, то, въ то время какъ собраніе противозаконно, за однимъ голосованіемъ требовало казни девяти полководцевъ, сотоварищей Θрасилла и Ерасинида, онъ, какъ епистатъ дема, не допустилъ собиранія голосовъ, не смотря на то, что народъ негодовалъ, а многія вліятельныя лица даже грозили. Сократъ предпочелъ вѣрность присягѣ противозаконному угожденію собранію и боязни угрозъ. 17. 18.

Онъ былъ убѣжденъ, что боги заботятся о людяхъ далеко не такъ, какъ думаетъ большинство, которое полагаетъ, что боги одно знаютъ, другаго не знаютъ. Сократъ былъ того мнѣнія, что боги знаютъ все: и то, что говорится, и то, что дѣлается, и то, что замышляется въ душѣ; что боги вездѣсущи и даютъ человѣку указанія на всѣ вопросы, касающіеся человѣка. Такъ что я удивляюсь, какимъ образомъ аѳиняне повѣрили, что нечестиво мыслитъ въ отношеніи боговъ Сократъ, тотъ человѣкъ, который никогда ничего беззаконнаго не сказалъ и не сдѣлалъ, а поступалъ и разсуждалъ о богахъ такъ, что если бы подобное говорилъ и дѣлалъ кто либо иной, то навѣрное считали-бы его самымъ благочестивымъ человѣкомъ. 19. 20.

## ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сократъ не развращалъ юношества; онъ училъ ихъ не словами, но примѣромъ собственной жизни. Обвинитель неправильно объясняетъ ученіе Сократа о государственномъ устройствѣ, о вліяніи на Критія и Алкивіада, почтеніи къ родителямъ и родственникамъ и его ссылки на поэтовъ.

Точно также для меня кажется страннымъ убѣжденіе нѣкоторыхъ, будто Сократъ развращалъ юношество, тотъ Сократъ, который, кромѣ сказаннаго, былъ, во-первыхъ, скромнѣе всѣхъ людей въ половыхъ влеченіяхъ и въ пищѣ; во-вторыхъ, былъ са-

мымъ выносливымъ въ холодѣ, зноѣ и всякомъ трудѣ; и наконецъ, такъ пріучилъ себя къ скромнымъ желаніямъ, что, распо-
2. лагая чрезвычайно малымъ, былъ совершенно доволенъ. Какимъ же образомъ Сократъ, при такихъ личныхъ качествахъ, могъ дѣлать другихъ безбожниками, преступниками, чревоугодниками, неспособными къ труду? Напротивъ того, побуждая стремиться къ добродѣтели и внушая надежду, что путемъ самонаблюденія человѣкъ дѣйствительно дѣлается человѣкомъ, онъ многихъ людей
3. удержалъ отъ этихъ пороковъ. Да онъ никогда и не вызывался быть учителемъ, а только, будучи таковымъ по виду, давалъ поводъ своимъ собесѣдникамъ надѣяться, что, подражая Сократу, они сами будутъ такими-же.

4. Не нерадѣлъ онъ и о собственномъ тѣлѣ и не хвалилъ небрежныхъ. Онъ осуждалъ изнеможеніе и только то насыщеніе признавалъ нормальнымъ, когда душа охотно принимаетъ. Такой образъ жизни, по словамъ Сократа, вполнѣ соотвѣтствуетъ здо-
5. ровью и вмѣстѣ съ тѣмъ не стѣсняетъ заботъ о душѣ. Далѣе. Сократъ не былъ изнѣженъ или прихотливъ въ одеждѣ, обуви или въ чемъ либо подобномъ; не дѣлалъ онъ своихъ послѣдователей и любостяжательными; онъ вообще удерживалъ ихъ отъ прихотей и даже не бралъ денегъ съ лицъ, жадно его слушав-
6. шихъ. Отказываясь отъ всего, онъ полагалъ, что заботится о свободѣ, и тѣхъ людей, которые берутъ плату за уроки, называлъ самопоработителями, потому что они обязываютъ себя вести
7. бесѣды съ тѣми лицами, у которыхъ взяли плату. Онъ находилъ даже страннымъ, если кто либо, оповѣщая добродѣтель, беретъ за это деньги, не понимая, что онъ получитъ огромный выигрышъ въ пріобрѣтеніи хорошаго друга, и какъ будто боится, чтобы тотъ, кто сталъ хорошимъ другомъ, не питалъ признательности за эту услугу.

8. Сократъ никогда никого ни о чемъ подобномъ не оповѣщалъ. Онъ зналъ, что ученики, усвоивъ его убѣжденія, всю жизнь будутъ преданными друзьями какъ по отношенію къ нему, такъ по отношенію другъ къ другу. Какимъ-же образомъ такой человѣкъ

могъ развращать юношество? Развѣ уже и стремленіе къ добродѣтели представляетъ заразу.

„Положимъ“ говоритъ обвинитель; „но вѣдь Сократъ внушалъ своимъ слушателямъ презирать существующіе законы, такъ 9.
какъ доказывалъ, что *нельзя назначать правителя государства посредствомъ бобовъ, когда не желаютъ имѣть кормчаго, избраннаго такимъ-же образомъ, или плотника, флейтиста и т. д., въ каковомъ отношеніи ошибки далеко менѣе приносятъ вреда, чѣмъ ошибки государственныхъ дѣятелей.* Такія мысли, говоритъ обвинитель, внушали слушателямъ презрѣніе къ существующему порядку и вызывали ихъ на насиліе“.

Но я полагаю, что человѣкъ благоразумный и считающій 10.
себя въ возможности убѣждать согражданъ въ полезномъ менѣе всего способенъ къ насилію. Онъ знаетъ, что насиліе связано съ враждой и опасностью, тогда какъ убѣжденіемъ тоже самое достигается спокойно и дружелюбно. И дѣйствительно, человѣкъ, испытавшій насиліе, ощущаетъ ненависть, какъ испытавшій извѣстное лишеніе, тогда какъ человѣкъ, дѣйствовавшій въ силу убѣжденія, ощущаетъ любовь, какъ испытавшій нѣчто пріятное. Потому-то таковые поступки свойственны не такимъ людямъ, которые думаютъ объ образованіи, но такимъ, которые располагаютъ своими силами безумно. Кромѣ того человѣкъ, рѣшающійся на насиліе, нуждается въ достаточномъ числѣ помощниковъ, тогда какъ человѣкъ, располагающій убѣдительностью, не нуждается вовсе: онъ надѣется одинъ убѣдить. Такимъ людямъ меньше всего свойственно убивать: ибо кто сочтетъ за лучшее убить человѣка, а не пользоваться имъ живымъ и убѣжденнымъ? 11.

„Но у Сократа“ говоритъ обвинитель „были учениками Критій 12.
и Алкивіадъ, которые нанесли много вреда государству. Критій былъ самый ненасытный и самый жестокій изъ всѣхъ олигарховъ, а Алкивіадъ — самый необузданный и самый разрушительный изъ всѣхъ демократовъ“.

Я не стану оправдывать ихъ, если они сдѣлали что-либо 13.

дурное для государства; я только разскажу, какъ произошло
1. ихъ сближеніе съ Сократомъ. По своему характеру оба они были самые честолюбивые изъ всѣхъ аѳинянъ. Они желали, чтобы все дѣлалось черезъ нихъ и чтобы самимъ быть выше всѣхъ. Въ то-же время они знали, что Сократъ, жившій въ полномъ довольствѣ на самыя ничтожныя средства и удерживавшійся отъ всякихъ прихотей, вмѣстѣ съ тѣмъ такъ управлялъ своими со-
15. бесѣдниками въ теченіе разговора, какъ хотѣлъ. Если они видѣли это и если они были таковы, какъ выше упомянуто, то скажетъ-ли кто нибудь, что эти люди стремились съ сообществу съ Сократомъ потому, что искали его образа жизни и его скромности, а не потому, что надѣялись, что, послѣ сообщества съ нимъ, и сами сдѣлаются людьми, вполнѣ способными на слово и
16. на дѣло? Я полагаю, что если-бы божество предоставило имъ (на выборъ): или цѣлый вѣкъ жить такъ, какъ жилъ Сократъ, или умереть, они предпочли бы послѣднее. Это подтвердилось ихъ поступками. Лишь только они пришли къ мысли о собственномъ превосходствѣ надъ сверстниками, тотчасъ отпали отъ Сократа и занялись политикой, изъ-за чего и обращались къ Сократу.

17. Быть можетъ скажутъ, что Сократу слѣдовало учить своихъ слушателей политикѣ не прежде, чѣмъ здравомыслію. Я противъ этого не стану возражать, но я знаю, что всякій учитель выставляетъ своимъ ученикамъ примѣненіе своего ученія и по-
18. ощряетъ разсужденіями. Знаю также, что и Сократъ выказывалъ себя предъ учениками честнымъ человѣкомъ и высокимъ изслѣдователемъ добродѣтели и другихъ человѣческихъ вопросовъ; знаю, что и эти люди, пока находились при Сократѣ, были здравыхъ мыслей, и притомъ не потому, чтобы боялись взысканій Сократа или его ударовъ, но потому, что такой образъ дѣйствій считали тогда лучшимъ.

19. Быть можетъ многіе изъ тѣхъ, что считаютъ себя философами, скажутъ на это, что никогда честный человѣкъ не сдѣ-

лается безчестнымъ, разсудительный необузданнымъ, и что во всѣхъ предметахъ знанія знающій никогда не сдѣлается невѣждой. Но я не такъ думаю. Я вижу, что человѣкъ, не развивающій своего тѣла, не въ состояніи выполнить физическаго труда; такъ точно человѣкъ, не развивающій своихъ душевныхъ способностей, не въ состояніи выполнить умственнаго труда: онъ не можетъ дѣлать того, что слѣдуетъ дѣлать, и не можетъ удержаться отъ того, отъ чего слѣдуетъ удержаться. Оттого-то родители удаляютъ своихъ дѣтей отъ дурныхъ людей, хотя бы дѣти были хорошихъ правилъ, такъ какъ знакомство съ добрыми людьми служитъ развитіемъ добродѣтели, а знакомство съ дурными — ея порчей. Это подтверждаетъ и поэтъ, когда говоритъ: 20.

Доброму будешь учиться у добрыхъ, когда-же съ дурными
Въ дружбу войдешь, то и тотъ разумъ теряешь, что есть.

И другой также говоритъ:

Впрочемъ, и честный бываетъ дурнымъ, бываетъ и добрымъ.

И я согласенъ съ этимъ. Извѣстно, что люди, не упражняющіеся въ стихотвореніяхъ, забываютъ ихъ; такъ точно слѣдуетъ забвеніе и за наставительными словами, если на нихъ не обращаютъ вниманія. Если же забываются эти слова, то забывается и то давленіе, подъ впечатлѣніемъ котораго человѣкъ стремится къ здравомыслію; а съ забвеніемъ послѣдняго, неудивительно, если забывается и самое здравомысліе. Извѣстно 21. 22. также, что люди, предавшіеся пьянству, или получившіе наклонность къ извѣстной страсти, менѣе способны думать о томъ, что слѣдуетъ дѣлать, и удерживаться отъ того, чего не слѣдуетъ. Точно также многіе, которые могли расчетливо обходиться съ своимъ имуществомъ прежде чѣмъ испытать любовь, испытавъ это чувство, уже не могутъ. И наоборотъ, люди, растратившіе свое имущество, уже не могутъ отказаться отъ тѣхъ барышей, отъ которыхъ прежде отказывались, считая это дѣломъ нечестнымъ.

Отчего же не можетъ случиться, что человѣкъ, прежде здра- 23.

вомыслящій, послѣ окажется не здравомыслящимъ, или что человѣкъ, который могъ поступать правдиво, не будетъ въ состояніи дѣйствовать также? По моему мнѣнію, все требуетъ упражненія и честное и прекрасное, тѣмъ болѣе здравомысліе, такъ какъ въ одномъ и томъ-же организмѣ врожденныя душѣ человѣческой чувственныя стремленія влекутъ ее не къ нравственной устойчивости, а къ скорѣйшей угодливости плоти и чувственнымъ удовольствіямъ.

24. Критій и Алкивіадъ, пока были при Сократѣ, пользуясь его вліяніемъ, могли сдерживать свои не хорошія влеченія; но они отпали отъ Сократа. Критій бѣжалъ въ Ѳессалію и тамъ вступилъ въ общество людей, скорѣе враждебныхъ, чѣмъ послушныхъ законамъ; а Алкивіадъ, за красотой котораго гонялось много женщинъ и при томъ знатныхъ, человѣкъ, который, въ силу своего вліянія на Аѳины и на союзниковъ, былъ избалованъ множествомъ ловкихъ льстецовъ, который стоялъ на большой высотѣ въ глазахъ народа и легко достигалъ первенства въ государствѣ, Алкивіадъ пересталъ упражняться также точно, какъ перестаютъ упражняться атлеты, легко одерживающіе побѣды на гимнастиче-
25. скихъ состязаніяхъ. Что же удивительно, если при такихъ обстоятельствахъ Критій и Алкивіадъ, гордившіеся своимъ происхожденіемъ, славившіеся богатствомъ, кичившіеся могуществомъ, избалованные обществомъ, и при всемъ томъ бывшіе долгое время внѣ Сократа, что удивительно, если они оказались на
26. столько высокомѣрны? И если они сбились съ прямаго пути, то неужели обвинитель ставитъ это въ упрекъ Сократу? А то, что во время ихъ молодости, когда они, само собой, были чужды всякой обдуманности и сдержанности, Сократъ внушилъ имъ здравомысліе, обвинитель не находитъ достойнымъ никакой похвалы?
27. Не такъ судятъ въ другихъ случаяхъ. Какой, напр., флейтистъ, какой кіоаристъ, однимъ словомъ, какой учитель, давшій хорошихъ учениковъ, подвергается обвиненію, если послѣдніе поступятъ къ другому учителю и сдѣлаются хуже? Если у извѣ-

стнаго отца сынъ, находясь въ сообществѣ съ кѣмъ-либо, ведетъ себя хорошо, но впослѣдствіи, познакомившись съ кѣмъ нибудь другимъ, оказывается негодяемъ, то обвинитъ ли отецъ перваго сообщника? И не настолько ли хорошо онъ отзывается о первомъ, насколько его сынъ сдѣлался хуже у втораго? Да и сами отцы, находясь вмѣстѣ съ сыновьями, не заслуживаютъ обвиненія въ проступкахъ дѣтей, если только сами поступаютъ здраво. Точно также слѣдовало бы судить и о Сократѣ. Если 28.
бы онъ самъ поступалъ въ чемъ либо зазорно, то, конечно, считался бы дурнымъ человѣкомъ; но если онъ самъ постоянно поступалъ нравственно, то на какомъ основаніи онъ будетъ заслуживать обвиненіе въ порокѣ, ему не присущемъ?

Пусть бы даже онъ самъ ничего дурнаго не дѣлалъ, но, 29.
видя дурные поступки другихъ, одобрялъ ихъ, тогда его по справедливости укоряли бы. Между тѣмъ Сократъ, слыша, напр., что Критій влюбленъ въ Евтидема, отклонялъ Критія, говоря, что низко и неприлично, чтобы образованный человѣкъ, подобно нищему, униженно выпрашивалъ у того, кого любитъ и передъ кѣмъ желаетъ казаться достойнымъ уваженія, подачку, притомъ не имѣющую никакой цѣнности. Когда же Критій не обращалъ 30.
на это вниманія и не бросалъ своихъ намѣреній, Сократъ, говорятъ, въ присутствіи многихъ и самого Евтидема сказалъ, что Критій, какъ ему кажется, ощущаетъ въ себѣ что-то свинское. За это-то Критій и возненавидѣлъ Сократа, такъ что когда онъ въ числѣ Тридцати тиранновъ вмѣстѣ съ Харикломъ былъ законодателемъ, то припомнилъ это и постановилъ въ законахъ „не учить искуству говорить“. Онъ мстилъ Сократу и не зналъ, какъ 31.
придраться, и то, въ чемъ сограждане упрекали философовъ вообще, перенесъ на Сократа и оклеветалъ его передъ гражданами, такъ какъ отъ Сократа никто никогда этого не слышалъ лично, и не слышалъ, чтобы кто другой говорилъ о своихъ слухахъ. Но Критій подвердилъ это впослѣдствіи. Именно, 32.
когда Тридцать тиранновъ казнили множество гражданъ и при-

томъ не изъ низшаго сословія; и когда они многихъ доводили до несправедливостей, Сократъ какъ-то выразился, что для него кажется страннымъ, если человѣкъ, взявшись быть пастухомъ стада коровъ и убавляя и ухудшая ихъ, не сознается, что онъ плохой пастухъ; но что еще болѣе для него странно, если человѣкъ, взявшись быть начальникомъ въ государствѣ и убавляя и ухудшая гражданъ, не стыдится этого и не сознаетъ, что онъ
33. плохой начальникъ. Когда дали знать объ этомъ Критію и Харіклу, послѣдніе призвали Сократа, указали ему упомянутый законъ и запретили вести бесѣды съ юношествомъ. На это Сократъ замѣтилъ, можно-ли спросить, если неизвѣстно что-либо
34. изъ запрещеннаго. Они отвѣчали, что можно. Тогда Сократъ сказалъ: „я готовъ повиноваться законамъ, но чтобы, по недоразумѣнію, какъ нибудь незамѣтно не поступить противъ законовъ, я желалъ бы точно узнать отъ васъ, приказываете ли вы не касаться искуства рѣчи, полагая, что оно заключается въ правильномъ сужденіи, или въ неправильномъ? Если въ первомъ, то, очевидно, я долженъ удерживаться отъ правильныхъ сужденій; если-же въ послѣднемъ, я долженъ стараться говорить правду“.
35. Тогда Харіклъ въ гнѣвѣ сказалъ: „Сократъ, такъ какъ ты не понимаешь, то мы запретимъ тебѣ яснѣе: *вовсе не вести бесѣдъ съ молодыми людьми*“.

„Хорошо“ отвѣчалъ Сократъ; „но чтобы не было сомнительно, такъ ли я поступаю, какъ приказано, то вы опредѣлите, до котораго года нужно считать человѣка молодымъ“. — „Пока человѣкъ“ сказалъ Харіклъ „не получаетъ права вступать въ сенатъ, какъ еще съ не зрѣлымъ разсудкомъ, т. е., ты не долженъ
36. вести бесѣдъ съ людьми моложе тридцати лѣтъ“. — „Даже если я покупаю что нибудь“ возразилъ Сократъ „а продаетъ человѣкъ моложе тридцати лѣтъ, то и тогда мнѣ не спрашивать, по чемъ онъ продаетъ?“ — „Конечно, это можно“ отвѣчалъ Харіклъ „но ты любишь распрашивать и тогда, когда знаешь, въ чемъ дѣло. Въ такомъ родѣ ты не спрашивай“. — Слѣдовательно“ возразилъ

Сократъ „мнѣ не отвѣчать, если молодой человѣкъ спроситъ меня
и я буду знать, напр., гдѣ живетъ Харикл, или гдѣ находится
Критій". — „Разумѣется, это можно" сказалъ Харикл. Но 37.
Критій замѣтилъ: „Ты, Сократъ, долженъ отказаться отъ этихъ
кожевниковъ, плотниковъ, кузнецовъ. Я даже думаю, что отъ
частаго употребленія эти слова совсѣмъ истрепались". — „Слѣ-
довательно" сказалъ Сократъ „и отъ того, что слѣдуетъ за этими
(сравненіями) — правды, святости и т. п.?" "Именно" отвѣтилъ
Харикл *„и отъ пастуховъ;* въ противномъ случаѣ берегись,
чтобы тебѣ собой-же не уменьшить числа коровъ". Отсюда и 38.
стало извѣстно, что, по донесеніи имъ разговора о коровахъ, они
были въ негодованіи на Сократа.

И такъ извѣстно, какъ образовалось знакомство Критія съ
Сократомъ и каковы были ихъ отношенія. Но я могу сказать, 39.
что не можетъ быть никакого воспитанія со стороны того, кого
не любятъ. Критій и Алкивіадъ во все время своего знакомства
съ Сократомъ были при немъ не потому, чтобы любили Сократа, но
потому что съ самаго начала хотѣли первенствовать въ государ-
ствѣ; такъ что даже во время знакомства съ Сократомъ они
принимались за бесѣды не съ кѣмъ либо инымъ, какъ только съ
лицами, занимавшимися политикой. Такъ, напр., говорятъ, что 40.
Алкивіадъ еще до двадцатилѣтняго возраста имѣлъ слѣдующій
разговоръ съ своимъ опекуномъ Периклом, правителемъ госу-
дарства. „Скажи мнѣ, Периклъ" говорилъ Алкивіадъ „можешь 41.
ли ты опредѣлить, что такое законъ?" — „Разумѣется" отвѣчалъ
Периклъ. — „Объясни же, пожалуста" говорилъ Алкивіадъ: „когда
я слышу, что нѣкоторыхъ людей хвалятъ за то, что они слѣдуютъ
законамъ, я полагаю, что человѣкъ, не знающій, что такое законъ,
получаетъ эту похвалу несправедливо". — „Ты требуешь далеко 42.
не труднаго, Алкивіадъ" отвѣтилъ Периклъ „если желаешь знать,
что такое законъ. Все то законъ, что постановляетъ большин-
ство въ своемъ собраніи, опредѣляя, что слѣдуетъ дѣлать и чего
не слѣдуетъ". — „Опредѣляя хорошо поступать или не хорошо?"

спросилъ Алкивіадъ. — „Конечно хорошо, юноша, а не дурно“. —
43. „А если на собраніи опредѣляетъ дѣйствія не большинство, а немногіе, напр., если гдѣ олигархія, это что такое?“ — „Все то“ отвѣчалъ Периклъ „что государственная власть рѣшается предписать для дѣятельности, называется закономъ“. — „Слѣдовательно“ спросилъ Алкивіадъ „если тираннъ, управляя государствомъ, предпишетъ гражданамъ, что̀ они должны дѣлать, то и это законъ?“ — „Да, и то, что предписываетъ тираннъ“ отвѣтилъ
44. Периклъ „и это называется закономъ“. — „Что же такое Периклъ, насиліе и беззаконіе?“ спросилъ Алкивіадъ: „не то ли, когда сильнѣйшій заставляетъ слабѣйшаго дѣйствовать какъ ему угодно, дѣйствуя не убѣжденіемъ, но принужденіемъ?“ — „Я полагаю, что это“ отвѣчалъ Периклъ. — „Слѣдовательно то, что тираннъ заставляетъ дѣлать гражданъ своими предписаніями, дѣйствуя не убѣжденіемъ, будетъ беззаконіе?“ — „Я думаю“ сказалъ Периклъ „впрочемъ я беру назадъ, что *предписанія*
45. *тиранна, не основанныя на убѣжденіи, есть законъ*“. — „А то, что меньшинство предписываетъ большинству не въ силу убѣжденія, но въ силу власти, назовемъ ли мы это насиліемъ, или нѣтъ?“ спрашивалъ Алкивіадъ. — „Я полагаю, что все то, къ чему принуждаютъ, дѣйствуя не путемъ убѣжденія, — будутъ ли это постановленія или нѣтъ, — все это скорѣе насиліе, чѣмъ законъ“ отвѣчалъ Периклъ. — „Затѣмъ, если цѣлая масса, управляя богатыми, предписываетъ, дѣйствуя не убѣжденіемъ, это тоже будетъ
46. скорѣе насиліе, чѣмъ законъ?“ спросилъ Алкивіадъ. — „Конечно, Алкивіадъ“ отвѣчалъ Периклъ: „и мы въ твоемъ возрастѣ были сильны въ подобныхъ спорахъ. Точно также спорили и философствовали, какъ вотъ и ты теперь“. На это Алкивіадъ, говорятъ, отвѣчалъ: „о если бы, Периклъ, я былъ знакомъ съ тобой тогда, когда ты былъ сильнѣе въ подобныхъ вопросахъ!“

47. Поэтому, какъ только Критій и Алкивіадъ замѣтили, что они сильнѣе самыхъ государственныхъ лицъ, то уже не стали ходить къ Сократу: съ одной стороны, онъ вообще не былъ имъ пріятенъ,

съ другой, имъ было досадно выслушивать упреки въ случаѣ какихъ либо проступковъ. И они принялись за государственныя дѣла, изъ-за которыхъ и обращались къ Сократу. Собственно 48.
учениками Сократа были: Критонъ, Херефонтъ, Херекратъ, Гермогенъ, Симія, Кевъ, Федондъ и другіе, которые ходили къ нему не для того, чтобы быть демагогами или сутягами, но для того, чтобы сдѣлаться людьми вполнѣ образованными и умѣть хорошо обращаться съ своимъ домомъ, домашними, родными, друзьями, государствомъ, согражданами. Изъ этихъ лицъ никто, ни въ молодости, ни въ старости, не сдѣлалъ ничего дурнаго и не заслужилъ обвиненія ни въ чемъ подобномъ.

„Положимъ“ скажетъ обвинитель: „но Сократъ училъ оскор- 49.
блять родителей. Онъ доказывалъ, что дѣлаетъ своихъ собесѣдниковъ умнѣе ихъ отцовъ, и утверждалъ, что, по закону, если кто найдетъ своего отца безумнымъ, можетъ связать его. Въ доказательство этого онъ приводилъ то, что вполнѣ законно, чтобы тотъ кто невѣжественнѣе былъ связанъ тѣмъ, кто умнѣе“. Но Сократъ былъ того мнѣнія, что человѣка, связывающаго (другихъ) за незнаніе, слѣдуетъ самого связать тѣмъ лицамъ, которые знаютъ ему не извѣстное. Потому-то онъ часто разбиралъ, чѣмъ отличается незнаніе отъ безумія; и, по его мнѣнію, связывать безумныхъ было бы полезно какъ для самихъ безумцевъ, такъ и для друзей, а не знающимъ того, что должно знать, слѣдуетъ учиться у знающихъ. 50.

„Но Сократъ“ говоритъ обвинитель „доводилъ до позорнаго 51.
положенія въ глазахъ людей близкихъ не только родителей, но и другихъ родственниковъ, когда говорилъ, что родственники не помогаютъ ни больнымъ, ни тяжущимся, но что первымъ помогаютъ врачи, а вторымъ люди, умѣющіе хлопотать“. Обвинитель 52.
продолжаетъ, будто Сократъ и относительно друзей выражался, что нѣтъ никакой пользы въ ихъ преданности, если они не умѣютъ помочь; что, по словамъ Сократа, только такіе друзья заслуживаютъ уваженія, которые знаютъ, что слѣдуетъ, и умѣютъ объ-

яснить; что, убѣждая молодыхъ людей въ собственной наибольшей мудрости его, Сократа, и наибольшемъ его умѣніи дѣлать другихъ умными, онъ такъ настраивалъ своихъ слушателей, что для нихъ другіе были ничего въ сравненіи съ Сократомъ.

53. Мнѣ извѣстно, что онъ говорилъ это относительно родителей и другихъ родственниковъ, какъ и относительно друзей, но съ прибавленіемъ, что по удаленіи души (изъ тѣла), въ которой одной находится разумъ, люди какъ можно скорѣе удаляютъ
54. съ глазъ тѣло самаго близкаго человѣка. Онъ говорилъ также, что каждый человѣкъ съ своей жизни отъ собственнаго болѣе всего любимаго тѣла или самъ отнимаетъ негодное и безполезное, или поручаетъ это другому. Такимъ образомъ собственные волосы, мозоли люди или сами снимаютъ, или предоставляютъ ихъ вырѣзывать и выжигать врачамъ, терпя боль и мученія; даже за это считаютъ себя обязанными имъ благодарностью и платой. И слюну человѣк[redacted]левываетъ какъ можно дальше изо рта, потому что она пол[redacted]никакой не приноситъ, если находится во рту,
55. а скорѣе [redacted]редитъ. Все это онъ говорилъ не потому, чтобы училъ живаго отца зарывать или чтобы человѣкъ себя же рѣзалъ, но, доказывая непочитаемость неосмысленнаго, онъ побуждалъ заботиться о возможномъ развитіи и пригодности, чтобы человѣкъ, желающій уваженія со стороны отца, брата или кого бы то ни было, не оставался равнодушенъ, полагаясь на родство, но чтобы старался быть полезнымъ тому, отъ кого ожидаетъ уваженія.

56. Обвинитель говорилъ, что Сократъ, выбирая худшія мѣста изъ знаменитѣйшихъ писателей и пользуясь этими ссылками, училъ своихъ учениковъ преступленіямъ и тираніи. Напр., слѣдующее мѣсто изъ Гезіода:

„Дѣла позорнаго нѣтъ, и только бездѣйствіе позорно“ —

Сократъ приводилъ въ томъ смыслѣ, будто поэтъ внушаетъ не отказываться ни отъ какого дѣла дурнаго, или позорнаго: будто онъ даже внушаетъ дѣлать это въ видахъ пользы.

Но когда Сократъ заявлялъ, что быть работникомъ для человѣка полезно и честно, а быть лѣнтяемъ вредно и безчестно, что трудъ хорошее дѣло, а лѣность дурное, то онъ говорилъ, что человѣкъ, дѣлающій что либо хорошее, работаетъ, но играющихъ въ кости или занимающихся чѣмъ либо другимъ порочнымъ или предосудительнымъ называлъ лѣнивцами. Въ этомъ смыслѣ вѣрно будетъ сказано, что 57.

Дѣла позорнаго нѣтъ, и только бездѣйствіе позорно.

„Часто“ говорилъ обвинитель „Сократъ приводилъ слѣдующее мѣсто изъ Гомера, гдѣ Одиссей 58.

Если встрѣчался съ однимъ изъ царей или съ мужемъ достойнымъ,
Ставши при немъ, удерживалъ ласковой рѣчью такою:
„Странный! Тебѣ неприлично, какъ трусу какому, бояться.
„Лучше ты самъ оставайся и другихъ заставляй оставаться“.
Если жъ кого заставалъ онъ кричащимъ изъ черни народной,
Скипетромъ тѣхъ ударялъ, обращаясь съ такими словами:
„Смирно сиди, сумасшедшій, и слушай другихъ [illegible]жденья,
Тѣхъ, что получше тебя. И трусливъ ты, и [illegible]славенъ;
Ты и въ войнѣ никогда не замѣтенъ, и въ мирно[illegible]ѣ“.

„Это мѣсто“ говорилъ обвинитель „Сократъ при[illegible]дилъ въ томъ смыслѣ, будто поэтъ одобряетъ нанесеніе ударовъ простому народу и вообще бѣднымъ людямъ“.

Сократъ говорилъ не такъ; и если бы онъ былъ такихъ 59.
мыслей, то, по его словамъ, его самого слѣдовало бы подвергнуть ударамъ; но онъ говорилъ, что людей, безполезныхъ словомъ и дѣломъ, и непригодныхъ въ случаѣ надобности ни для войска, ни для города, ни для самаго народа, особенно если они будутъ дерзки, слѣдуетъ всячески удерживать, хотя бы они были и очень богатые. Напротивъ, относительно Сократа извѣстно было, что 60.
это человѣкъ преданный народу и всему человѣчеству. Принявъ въ свои ученики многихъ соотечественниковъ и иностранцевъ, онъ ни съ кого никогда не бралъ платы за ученіе, и всѣхъ щедро надѣлялъ изъ того, что имѣлъ, такъ что нѣкоторые, получивъ у него небольшую часть и при томъ совершенно даромъ, продавали другимъ, и все таки не были такъ преданны народу,



Акад. Гос. [illegible]

какъ онъ, потому что не хотѣли вести бесѣдъ съ людьми, не имѣвшими денегъ.

61. Сократъ, не въ примѣръ другимъ, доставлялъ славу Аѳинамъ далеко болѣе, чѣмъ извѣстный въ этомъ отношеніи лакедемонянинъ, Ликасъ, который въ Гимнопедіи угощалъ пріѣзжавшихъ въ Лакедемонъ иностранцевъ, тогда какъ Сократъ цѣлую жизнь надѣлялъ всѣхъ желающихъ тѣмъ, что у него было, и приносилъ имъ величайшую пользу, потому что отпускалъ отъ себя учениковъ,
62. дѣлая ихъ лучше. Поэтому Сократъ, будучи такимъ человѣкомъ, по моему мнѣнію, заслуживалъ у города скорѣе награды, чѣмъ смерти. И всякій, если станетъ судить по законамъ, придетъ къ тому же заключенію, потому что, по законамъ, смерть служитъ наказаніемъ для такого человѣка, который окажется воромъ, грабителемъ, отрѣжетъ кошелекъ, проломаетъ стѣну, обратитъ въ рабство, ограбитъ храмъ, — отъ каковыхъ пороковъ онъ
63. болѣе всѣхъ удерживалъ. Помимо этого, онъ передъ городомъ никогда не былъ виновенъ въ дурномъ окончаніи войны, мятежѣ, измѣнѣ, или въ другомъ бѣдствіи. Даже въ частной жизни онъ никогда никого не лишилъ имущества и не впуталъ въ несчастіе;
64. даже упрека въ чемъ либо подобномъ никогда не получалъ. За что же ему было подлежать суду? Вмѣсто непочтенія къ богамъ, какъ было сказано въ приговорѣ, онъ, какъ всѣмъ извѣстно, былъ богопочтителенъ болѣе всѣхъ; вмѣсто развращенія юношества, что возводитъ на него обвинитель, онъ, что также было извѣстно, удерживалъ своихъ учениковъ, имѣвшихъ дурныя наклонности, отъ этихъ наклонностей, — съ другой стороны, побуждалъ ихъ стремиться къ той высокой и величественной добродѣтели, на которой зиждутся семейства и государства. Какимъ же образомъ Сократъ при такихъ поступкахъ не заслуживалъ великой славы передъ городомъ?

# УЧЕНІЕ СОКРАТА О ГЛАВНѢЙШИХЪ ДОБРОДѢТЕЛЯХЪ.

## ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Сократъ былъ полезенъ своимъ ученикамъ какъ примѣромъ, такъ ученіемъ.

Теперь я укажу, на сколько припомню, какимъ образомъ, на мой взглядъ, Сократъ былъ полезенъ своимъ ученикамъ, съ одной стороны, собственнымъ примѣромъ, съ другой, своими разсужденіями.

Извѣстно, что онъ, по отношенію къ богамъ, поступалъ и говорилъ такъ, какъ отвѣтила Пиѳія на вопросъ: „какъ слѣдуетъ поступать съ жертвами, съ почтеніемъ предкамъ и т. п.“ Пиѳія вѣщала, что *поступающіе по законамъ страны поступаютъ богочестно.* Такъ Сократъ и самъ поступалъ и другимъ совѣтовалъ; тѣхъ-же, которые иначе поступаютъ, считалъ суевѣрами и глупцами. Молился 2.
онъ богамъ просто о поданіи блага, предполагая, что боги лучше знаютъ, въ чемъ оно состоитъ; относительно-же тѣхъ, что молятся о поданіи золота, серебра, власти, и тому подобнаго, онъ думалъ, что они молятся нисколько не отлично отъ того, какъ если-бы люди молились объ игрѣ въ кости, о боѣ или о другомъ, относительно чего точно неизвѣстно, какъ оно выйдетъ.

Когда онъ приносилъ изъ малыхъ средствъ малыя жертвы, 3.
онъ полагалъ, что нисколько не уступаетъ тѣмъ, что изъ большихъ и роскошныхъ средствъ приносятъ большія и роскошныя жертвы. Да и богамъ, говорилъ онъ, не подобаетъ охотнѣе принимать большія жертвы, чѣмъ малыя: въ такомъ случаѣ имъ нерѣдко были бы болѣе пріятны жертвы порочныхъ людей, чѣмъ честныхъ, да и людямъ не стоило бы жить, если бы жертвы отъ людей порочныхъ были болѣе угодны богамъ, чѣмъ отъ честныхъ. Онъ былъ того мнѣнія, что боги очень радуются почтенію людей благочестивыхъ и хвалилъ этотъ стихъ:

„Жертвы безсмертнымъ богамъ совершай ты по собственнымъ силамъ“.

Даже въ отношеніи друзей, гостей и вообще въ жизни прекрасное правило, говорилъ Сократъ — *по собственнымъ силамъ.*

Но если онъ находилъ, что въ извѣстномъ случаѣ даютъ ему 4.
указанія боги, то труднѣе было убѣдить его поступить вопреки

этимъ указаніямъ, чѣмъ если бы его убѣждали взять въ проводники слѣпца или незнакомаго съ дорогою вмѣсто зрячаго и знакомаго. Уличалъ онъ и другихъ въ глупости, которые, во избѣжаніе дурной молвы, поступаютъ вопреки указаніямъ боговъ; лично же онъ всѣ человѣческія соображенія ставилъ ни во что передъ опредѣленіемъ боговъ.

5. Онъ пріучилъ душу и тѣло къ такому образу жизни, при которомъ всякій, — за исключеніемъ развѣ необычайныхъ случайностей, — могъ бы жить спокойно и беззаботно и не сталъ бы въ затрудненіе при подобныхъ издержкахъ, потому что Сократъ былъ на столько бережливъ, что я не знаю, могъ ли кто такъ мало заработать, чтобы не получить достаточно для Сократа. Въ отношеніи пищи онъ столько ея употреблялъ, сколько могъ съѣсть съ пріятностью и къ этому на столько приготовлялся, что приправой служилъ для него апетитъ, а напитокъ ему былъ всякій пріятенъ, потому что онъ не пилъ, если не испытывалъ жажды.

6. Если когда по приглашенію соглашался на обѣдъ, то очень легко удерживался отъ того, что для большей части людей даже трудное дѣло — удержаться отъ того, чтобы не нагрузиться сверхъ силъ; а тѣмъ, которые не въ состояніи сдѣлать это, совѣтовалъ избѣгать того, что возбуждаетъ апетитъ, если не хочется ѣсть, и не пить, если нѣтъ жажды. Онъ говорилъ, что это вредно какъ для желудка, такъ

7. для головы и для души. Онъ говорилъ, шутя, что, по его мнѣнію и Цирцея превратила (спутниковъ Одиссея) въ свиней потому, что наставила передъ ними много пищи, между тѣмъ какъ Одиссей, который, въ силу наставленій Герма и по собственной умѣренности, удержался отъ чрезмѣрнаго насыщенія, не сдѣлался свиньей. Такимъ образомъ Сократъ и съ шуткой соединялъ серіозное.

8. Въ отношеніи чувства любви онъ совѣтовалъ всячески удаляться отъ красивыхъ лицъ, потому что, говорилъ онъ, если человѣкъ испыталъ это, ему не легко удержать нравственную устойчивость. Поэтому, когда онъ однажды узналъ, что Критовулъ, сынъ Критона, поцѣловалъ красиваго сына Алкивіада, то

въ присутствіи Критовула, предложилъ слѣдующій вопросъ Ксенофонту: „Ксенофонтъ, считалъ ли ты Критовула скорѣе сдержаннымъ, чѣмъ рѣшительнымъ, и скорѣе осторожнымъ, чѣмъ безразсуднымъ и рискующимъ? — „Да, я считалъ его скорѣе первымъ“ отвѣчалъ Ксенофонтъ. — „Такъ теперь“ сказалъ Сократъ „ты считай его самымъ пылкимъ и самымъ рѣшительнымъ; онъ можетъ пойти на ножи и броситься въ огонь“. — „Какой же ты замѣтилъ въ немъ поступокъ, что пришелъ къ такому мнѣнію?“ спросилъ Ксенофонтъ. — „А развѣ онъ“ отвѣчалъ Сократъ „не рѣшился поцѣловать красивѣйшаго сына Алкивіада?“ — „Если это поступокъ рискованный, то и я, кажется, подвергъ бы себя этому риску“ отвѣчалъ Ксенофонтъ. — „Жалкій человѣкъ!“ сказалъ Сократъ: „чего-же ты ожидаешь отъ поцѣлуя краснаго мальчика? не того-ли, чтобы изъ свободнаго сдѣлаться рабомъ? дѣлать большія издержки на гибельныя удовольствія? имѣть полный недосугъ на заботы о чемъ либо хорошемъ? быть въ необходимости думать о томъ, о чемъ не подумаетъ даже сумасшедшій?“ — „Что ты!“ отвѣчалъ Ксенофонтъ: „да это ты страшную силу придаешь поцѣлую“. — „А для тебя это удивительно?“ спросилъ Сократъ: „развѣ ты не знаешь, что паукъ, который величиной меньше полъобола, прикосновеніемъ одного рта производитъ въ человѣкѣ боль и заставляетъ его выходить изъ себя?“ — „Разумѣется“ сказалъ Ксенофонтъ „потому что паукъ что-то впускаетъ своимъ кусаніемъ“. — „Чудакъ!“ отвѣчалъ Сократъ: „и ты думаешь, что красивые не впускаютъ чего-то въ цѣлующихъ, чего ты не видишь? Неужели ты не знаешь, что этотъ звѣрекъ, называемый красавцемъ и цвѣтущимъ, на столько опаснѣе паука, на сколько послѣдній впускаетъ нѣчто посредствомъ прикосновенія, тогда какъ первый, если на него смотрятъ, впускаетъ нѣчто безъ прикосновенія и даже издали, но при томъ такъ, что доводитъ до безумія? Потому-то быть можетъ и эроты называются стрѣлками, что красивыя лица издали наносятъ раны. Совѣтую тебѣ, Ксенофонтъ, какъ только увидишь красивое лицо, скорѣ бѣжать;

9. 10. 11. 12. 13.

а тебѣ, Критовулъ, совѣтую выѣхать на годъ: быть можетъ ты за это время вылечишься отъ укушенія".

14. Такимъ же образомъ, по мнѣнію Сократа, люди, не твердые въ чувственныхъ влеченіяхъ, для удовлетворенія ихъ должны обращаться къ тому, къ чему, при не сильной потребности въ организмѣ, душа не чувствовала бы влеченія, и что, въ случаѣ потребности въ организмѣ, не представляло бы для души стѣсненій. Самъ же онъ, какъ извѣстно, такъ пріучилъ себя, что гораздо легче могъ удержатся отъ самаго красиваго и цвѣтущаго, чѣмъ другіе отъ самаго противнаго и самаго безобразнаго.

15. Такъ Сократъ привыкъ держаться въ отношеніи пищи, питья и чувственныхъ влеченій, и потому думалъ, что онъ не въ меньшей мѣрѣ получаетъ удовольствій и далеко менѣе огорченій, чѣмъ тѣ, которые слишкомъ отдаются весму этому.

## ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Разговоръ съ Аристодемомъ объ особенной любви божества къ человѣку.

Если кто думаетъ, — какъ нѣкоторые пишутъ и говорятъ на какихъ то основаніяхъ, — будто Сократъ превосходно умѣлъ побуждать людей къ добродѣтели, но не былъ въ состояніи довести до нея, то пусть обратитъ вниманіе не только на то, какъ онъ, ради внушенія, опровергалъ своими вопросами тѣхъ лицъ, которые думали, что все знаютъ, но и на то, какъ онъ ежедневно разсуждалъ съ своими учениками, и тогда пусть судитъ, въ состояніи ли онъ былъ дѣлать своихъ собесѣдниковъ лучше.

2. Я разскажу сперва, что я однажды слышалъ отъ него въ разговорѣ о божествѣ съ Аристодемомъ, называемымъ Младшимъ. Узнавъ, что Аристодемъ не приноситъ жертвъ богамъ и не обращается къ мантикѣ, даже смѣется надъ тѣми людьми, которые дѣлаютъ это, Сократъ спросилъ его: „Аристодемъ, есть ли такіе
3. люди, мудрости которыхъ ты удивляешься?" — „Конечно" отвѣчалъ тотъ. — „Такъ назови мнѣ ихъ по именамъ" сказалъ Сократъ. — „Въ поэмахъ я наиболѣе удивляюсь Гомеру" отвѣчалъ

Аристодемъ, „въ дифирамбахъ Меланиппиду, въ трагедіи Софоклу, въ ваяніи Поликлиту, въ живописи Зевксису". — „Болѣе ли, по 4.
твоему мнѣнію, достойны удивленія тѣ, что производятъ бездушныя и неспособныя къ движенію изображенія, или тѣ, что производятъ живыя существа, одаренныя разумомъ и дѣйствіемъ?" спросилъ Сократъ. — „Разумѣется, гораздо больше послѣдніе, если только это происходитъ по разуму, а не по какому либо случаю". — Но изъ тѣхъ ъпредметовъ, относительно которыхъ неизвѣстно, ради чего они существуютъ, и изъ тѣхъ, относительно которыхъ извѣстно, что они существуютъ для извѣстной пользы, которые ты считаешь дѣломъ случая и которые дѣломъ разума?" — „Разумѣется, существующіе для извѣстной пользы суть дѣло разума" отвѣчалъ Аристодемъ. — „Неужели ты не видишь, что 5.
Тотъ, кто издревле творитъ человѣка, далъ ему для извѣстной пользы (органы), посредствомъ которыхъ человѣкъ получаетъ впечатлѣнія отъ каждаго предмета, напр., глаза, чтобы видѣть видимое, уши, чтобы слышать слышимое? Дальше. Была ли бы польза изъ запаха, если бы намъ не были даны ноздри? Было ли бы ощущеніе сладкаго, горькаго, всего пріятнаго во рту, если бы мы не были надѣлены языкомъ, который различаетъ это? Кромѣ того, не кажется ли тебѣ дѣломъ промысла и то, что 6.
такъ какъ глазъ нѣженъ, то (Промыслъ) оградилъ его вѣками, которыя, въ случаѣ надобности въ зрѣніи, раскрываются, а во время сна закрываются? Чтобы и вѣтеръ не принесъ вреда, (Промыслъ) далъ (своего рода) сито — рѣсницы, а повыше глазъ защитилъ бровями, чтобы каплющій съ головы потъ не нанесъ вреда; (онъ далъ то, что) слухъ воспринимаетъ всякіе звуки и никогда не наполняется; онъ же далъ всякому животному передніе зубы, чтобы они могли рѣзать, и коренные, чтобы они могли принятое отъ переднихъ зубовъ растирать. Ротъ, которымъ животное принимаетъ въ себя то, чего желаетъ, онъ помѣстилъ вблизи глазъ и носа. Съ другой стороны, такъ какъ извержения противны, то самые каналы онъ направилъ въ проти-

воположную сторону и удалилъ ихъ какъ можно дальше отъ чувствъ. Неужели же ты станешь еще колебаться, есть ли все это такъ устроенное дѣло случая или оно дѣло разума?“

7. „Конечно, если такъ смотрѣть, то все это выходитъ дѣломъ мудраго и любящаго художника“ отвѣчалъ Аристодемъ. — „А то, что (Промыслъ) вдохнулъ любовь къ произведенію потомства, родителямъ — любовь къ воспитанію дѣтей, и выросшимъ существамъ — величайшую любовь къ жизни и величайшій страхъ смерти?“ спрашивалъ Сократъ. — „Разумѣется, и это выходитъ какъ будто распорядительность такого лица, которому угодно,
8. чтобы были живыя существа“, отвѣчалъ Аристодемъ. — „Приходитъ ли тебѣ на мысль, что ты имѣешь въ себѣ нѣчто разумное и знаешь ли ты, что больше нѣтъ нигдѣ разума? Кромѣ того, ты долженъ знать, что въ твоемъ тѣлѣ есть малая часть столь обширной земли и малая часть столь обширной влаги; изъ прочихъ очень многихъ (стихій) ты имѣешь тоже по небольшой части и все это находится въ тебѣ въ гармоніи. Тебѣ, вѣроятно, кажется, что ты по счастливой случайности восхитилъ умъ, котораго нигдѣ нѣтъ, и что все это столь величественное и безпредѣльное по какому-то недоразумѣнію находится въ такомъ
9. прекрасномъ порядкѣ?“ — „Именно я это думаю: потому что не вижу правителей такъ, какъ вижу мастеровъ того, что здѣсь дѣлается“, отвѣчалъ Аристодемъ. — „Но вѣдь ты“ возразилъ Сократъ „не видишь и собственной души, которая есть правитель тѣла, — въ силу чего ты могъ бы сказать, что ты все дѣлаешь
10. не сознательно, но случайно?“ — „Сократъ, я не отвергаю высшаго существа“ отвѣчалъ Аристодемъ „но я считаю его слишкомъ величественнымъ для того, чтобы нуждаться въ моемъ поклоненіи“. — „Стало быть“ сказалъ Сократъ „чѣмъ болѣе оно удостоиваетъ тебя своими величественными заботами, тѣмъ болѣе
11. ты долженъ чтить его“. — „Будь увѣренъ“ отвѣчалъ Аристодемъ „что я не былъ бы невнимателенъ къ богамъ, если бы зналъ, что они заботятся о человѣкѣ“. — „Такъ ты думаешь“ возразилъ

Сократъ „что о немъ не заботятся тѣ, которые, во первыхъ, изъ всѣхъ животныхъ одному только человѣку дали прямое положеніе — а прямота даетъ большую возможность смотрѣть вдаль, видѣть то, что сверху, и менѣе подвергаться непріятному положенію, — и приноровили къ этому глаза, уши и ротъ? За тѣмъ, всѣмъ животнымъ они дали ноги, чтобы способствовать только ходьбѣ, но человѣку они дали еще руки, чтобы совершать все то, чѣмъ мы счастливѣе животныхъ. Кромѣ того, хотя и 12.
всѣ животныя имѣютъ языкъ, но только языкъ человѣка боги сдѣлали способнымъ, посредствомъ такого или иного соприкосновенія со ртомъ, произносить членораздѣльные звуки и выражать нашимъ ближнимъ наши желанія. Затѣмъ, чувство любви они дали всѣмъ животнымъ, ограничивъ только временами года, тогда какъ намъ они предоставили это навсегда, до самой старости.
И не только богу угодно было позаботиться о тѣлѣ, но, что 13.
особенно важно, они вдунули въ человѣка и прекрасную душу. Въ самомъ дѣлѣ, какого другаго живаго существа душа сознаетъ прежде всего бытіе боговъ, устроителей всего великаго и прекраснаго? Какое другое племя, кромѣ человѣческаго, почитаетъ боговъ? Какая душа болѣе человѣческой въ состояніи напередъ принять предосторожности противъ голода, жажды, холода, зноя, помочь въ болѣзни, развить физическія силы, заняться ученіемъ и быть способной держать въ памяти все то, что она услышитъ, увидитъ, выучитъ? Развѣ для тебя не очевидно, что въ сравне- 14.
ніи съ другими животными люди, возвышаясь своей природой какъ физической, такъ и духовной, живутъ какъ боги? Если бы кто имѣлъ тѣло вола, а разумъ человѣка, онъ не могъ бы исполнять своихъ желаній; такъ точно какъ животныя, имѣя руки, но будучи неразумны, не имѣютъ большаго успѣха, между тѣмъ какъ ты, получивъ то и другое — предметы величайшей важности, думаешь, что боги о тебѣ не заботятся! Что же они должны сдѣлать, чтобы ты былъ убѣжденъ въ ихъ заботливости? Послать, 15.
по твоему выраженію, совѣтника относительно того что должно

дѣлать и чего не должно? Но если они дѣлаютъ указанія аѳи-
нянамъ на ихъ вопросы посредствомъ мантики, то развѣ они не
дѣлаютъ указаній въ томъ числѣ и тебѣ? не дѣлаютъ и тогда,
когда посылаютъ эллинамъ чудеса и предостерегаютъ, или когда
посылаютъ ихъ всему міру? или только тебя одного исключаютъ
16. и оставляютъ внѣ попеченій? Думаешь ли ты, что боги внушили
бы человѣку представленіе о своей силѣ дѣлать добро и зло,
если бы не могли этого сдѣлать, и что человѣкъ въ вѣчномъ за-
блужденіи никогда ни на что не обратилъ бы вниманія? Развѣ
тебѣ неизвѣстно, что самые древніе и самые образованные госу-
дарства и народы — самые набожные и что возрастъ самый раз-
17. судительный есть вмѣстѣ самый богобоязненный? Знай, другъ
мой, что и присущій тебѣ умъ управляетъ твоимъ тѣломъ, какъ
хочетъ, а отсюда нужно придти къ той мысли, что и разумъ
всемірный располагаетъ всѣмъ такъ, какъ ему угодно, но не къ
той, что твой глазъ можетъ проникнуть на нѣсколько стадій, а
божье око не можетъ быть всевидящимъ, не къ той, что твоя
душа можетъ думать о томъ, что здѣсь дѣлается, и о томъ, что
въ Египтѣ, и о томъ, что въ Сициліи, а разумъ божественный не
18. въ силахъ помышлять о вселенной. Если же ты, оказывая поч-
теніе людямъ, знаешь, что они съ своей стороны охотно окажутъ
почтеніе и тебѣ; или, если, напр., при услугахъ съ твоей стороны
платятъ тебѣ тѣмъ же, или если при обращеніи за совѣтомъ, ты ви-
дишь, кто разсудителенъ; точно такъ, если ты начнешь оказывать
почтеніе богамъ съ цѣлью испытать, захотятъ ли они подавать тебѣ
совѣты относительно неизвѣстныхъ человѣку вопросовъ, то узнаешь,
что божество такъ велико и такими свойствами обладаетъ, что оно
вмѣстѣ и всевидящее и вездѣсущее и всепромышляющее“.

19. Я полагаю, что Сократъ такими разсужденіями заставлялъ
своихъ учениковъ воздерживаться отъ нечестія, неправды и по-
рока не только тогда, когда ихъ видѣли другіе, но и тогда, когда
они были въ уединеніи, потому что они знали, что, что бы они
ни дѣлали, отъ боговъ не скроются.

## ГЛАВА ПЯТАЯ.

Сократъ внушалъ своимъ ученикамъ воздержаніе.

Если воздержаніе съ своей стороны составляетъ для человѣка прекрасное пріобрѣтеніе, то посмотримъ, внушалъ ли его Сократъ, когда говорилъ слѣдующее: „Друзья, если бы, въ случаѣ войны, мы желали выбрать такого человѣка, отъ котораго наиболѣе могли бы ожидать для себя защиты и для враговъ пораженія, то выбрали-ль мы того, о которомъ слышали, что онъ слабѣе желудка, вина, любви, труда, сна и т. п.? Да и какъ мы могли бы ожидать отъ такого человѣка, что онъ насъ защититъ или что онъ побѣдитъ враговъ? Точно также, если бы мы, при концѣ жизни, 2.
желали поручить кому-либо или воспитаніе мальчиковъ или присмотръ за не замужними дочерьми, или охрану имущества, то считали бы мы болѣе надежнымъ человѣка невоздержнаго? Поручили бы мы невоздержному рабу стада, кладовыя, присмотръ надъ полевыми работами? Согласились бы мы даже даромъ держать такого слугу или такого покупателя припасовъ на базарѣ? Если 3.
же мы не станемъ держать невоздержнаго раба, то не слѣдуетъ ли остерегаться, чтобы самому не быть такимъ? Тѣмъ болѣе, что человѣкъ невоздержный даже не столько другимъ вреденъ и себѣ полезенъ, какъ корыстолюбецъ, который считаетъ себя обогащающимся, если отнимаетъ имущество у другихъ. Невоздержный человѣкъ вреденъ для другихъ, но еще болѣе вреденъ для себя, а что особенно вредно, такъ это то, что онъ губитъ не только свой домъ, но и свою душу и свое тѣло. Да и въ обществѣ для 4.
кого будетъ пріятенъ такой человѣкъ, для котораго кушанья и вино дороже друзей или который болѣе думаетъ о публичныхъ женщинахъ, чѣмъ о товарищахъ? Не слѣдуетъ ли всякому человѣку, который пришелъ къ убѣжденію, что въ воздержаніи основа добродѣтели, прежде всего утвердить въ своей душѣ эту добродѣтель? Кто безъ этой добродѣтели изучитъ что-либо основательно или достигнетъ навыка? Какой человѣкъ, будучи рабомъ 5.
удовольствій, не развратитъ своего тѣла и своей души? Клянусь

Герою, по моему мнѣнію, человѣкъ свободный долженъ желать, чтобы не имѣть такого раба, а человѣкъ, преданный подобнымъ страстямъ, долженъ молить боговъ, чтобы получить хорошихъ господъ. Только въ такомъ случаѣ подобный человѣкъ можетъ спастись".

6. При такихъ разсужденіяхъ Сократъ еще болѣе держалъ себя сдержаннѣе на дѣлѣ, чѣмъ на словахъ. Онъ не только владѣлъ страстями, происходящими отъ организма, но и тѣми, которыя возбуждаются деньгами: онъ полагалъ, что человѣкъ, получившій гдѣ бы то ни было деньги, создаетъ надъ собой господина и отдается въ такое рабство, которое не хуже всякаго другаго.

## ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Сократъ опровергаетъ софиста Антифонта.

Нельзя также пройти молчаніемъ его разговоръ съ софистомъ Антифонтомъ. Однажды Антифонтъ, желая отнять у Сократа учениковъ, пришелъ къ Сократу и въ ихъ присутствіи сказалъ слѣдующее:

„Сократъ, я былъ того мнѣнія, что лица, занимающіеся
2. философіей, должны бы болѣе или менѣе пользоваться благополучіемъ; между тѣмъ я нахожу, что ты отъ философіи получаешь совершенно противоположное. Ты живешь такъ, что подобнымъ образомъ не сталъ бы жить ни одинъ рабъ у своего господина; пищу и питье ты употребляешь бѣдныя, а одежду носишь не только бѣдную, но одну и туже какъ лѣтомъ, такъ зимой; всегда ты безъ обуви и безъ хитона. Денегъ ты тоже не берешь, тогда
3. какъ деньги доставляютъ удовольствіе получателю, а тому, кто ихъ имѣетъ, даютъ возможность жить болѣе или менѣе независимо и пріятно. Такимъ образомъ, если ты, подобно тому какъ учители прочихъ предметовъ дѣлаютъ своихъ учениковъ подражателями, также настроишь и своихъ учениковъ, знай, что ты учитель злополучія".

4. На это Сократъ отвѣчалъ: „Антифонтъ, кажется ты пред-

ставляешь мою жизнь такою плачевною, что я убѣжденъ, что ты предпочелъ бы скорѣе умереть, чѣмъ жить такъ, какъ я живу. Такъ вотъ мы разсмотримъ, что ты замѣтилъ непріятнаго въ моей жизни: то-ли, что человѣку, получающему деньги, необходимо отработать то, за 5.
что онъ получилъ ихъ, тогда какъ мнѣ, не получающему платы, нѣтъ надобности вести бесѣды, съ кѣмъ я не желаю; или же ты порицаешь мой образъ жизни, потому что будто бы я употребляю пищу менѣе здоровую, чѣмъ ты, и менѣе укрѣпляющую? или потому, что будто бы мою пищу труднѣе достать, чѣмъ твою, по ея рѣдкости и дороговизнѣ? или-же потому, что, быть можетъ, твои приправы для тебя пріятнѣе, чѣмъ мои для меня? Извѣстно-ли тебѣ, что чѣмъ съ большей пріятностью кушаешь, тѣмъ менѣе надобности въ приправахъ, и чѣмъ съ большей пріятностью пьешь, тѣмъ менѣе хочется того, чего нѣтъ? Относительно-же платья ты знаешь, 6.
что люди перемѣняютъ его ради холода и жары, а обувь надѣваютъ для того, чтобы, въ виду того, что можетъ причинить боль ногѣ, не затрудняться на ходу. Но слышалъ ли ты когда, чтобы я, вслѣдствіе холода, болѣе чѣмъ кто другой оставался дома, вслѣдствіе жары ссорился съ кѣмъ либо за тѣнь, вслѣдствіе боли въ ногахъ не шелъ туда, куда мнѣе надо? Развѣ ты не знаешь, 7.
что люди съ слабымъ организмомъ, если только станутъ упражняться, оказываются въ предметахъ своихъ упражненій сильнѣе крѣпкихъ, но запущенныхъ организмовъ, и гораздо болѣе выносливы? Неужели ты увѣренъ, что я, пріучивъ себя переносить все, чему подвергается мой организмъ, перенесу это не легче, чѣмъ ты, который не пріучилъ себя къ этому? Другое ли что 8.
ты считаешь главной причиной моей неподатливости желудку, сну и половымъ влеченіемъ, а не то, что у меня есть нѣчто иное, болѣе пріятное, что не только доставляетъ мнѣ удовольствіе, когда я ощущаю потребность, но заставляетъ меня надѣяться, что всегда будетъ полезно? Кромѣ того, ты самъ знаешь, что человѣкъ не увѣренный въ томъ, что онъ хорошо дѣлаетъ, всегда недоволенъ, тогда какъ человѣкъ, увѣренный въ счастливомъ

исходѣ, — занимается онъ земледѣліемъ или судоходствомъ, —
9. всегда доволенъ, потому что чувствуетъ благополучіе. Согласенъ-ли ты теперь, что отъ всего этого бываетъ такое-же удовольствіе, какое бываетъ отъ сознанія, что дѣлаешься лучше и пріобрѣтаешь лучшихъ друзей? Покрайней мѣрѣ я всегда такъ думаю. И если бы пришлось оказать помощь друзьямъ или государству, у кого будетъ больше досуга на заботы: у того-ли, кто живетъ, какъ я, или у того, кто благоденствуетъ, какъ ты? Кому удобнѣе предводительствовать на войнѣ: тому-ли, кто не можетъ жить безъ роскошной обстановки, или тому, для кого достаточно того, что̀ есть? и наоборотъ, кто можетъ быть скорѣе разбитъ: тотъ-ли, кто нуждается въ предметахъ, которыхъ очень трудно достать, или тотъ, кто довольствуется употребленіемъ
10. предметовъ, которые легко достаются? По всему видно, что ты, Антифонтъ, счастіе полагаешь въ нѣгѣ и въ роскоши; но я думаю, что ни въ чемъ не нуждаться свойственно богамъ, нуждаться же какъ можно въ меньшемъ есть качество наиболѣе близкое къ этому. Первое есть самое высокое качество, послѣднее — наиболѣе близкое къ самому высокому“.

11. Въ другой разъ Антифонтъ, разсуждая съ Сократомъ, сказалъ: Сократъ, я могу назвать тебя человѣкомъ справедливымъ, но умнымъ ни въ какомъ случаѣ. Кажется ты и самъ это сознаешь. Ты, напр., ни съ кого не берешь денегъ за собесѣдованіе, между тѣмъ ты-же, не говорю, не отдалъ бы никому даромъ своего платья, дома или другой вещи, которую считаешь стоющею
12. денегъ, но даже не взялъ-бы меньше стоимости. Очевидно, если-бы ты считалъ свое собесѣдованіе что нибудь стоющимъ, ты бралъ бы за него деньги не менѣе стоимости. Ты, можетъ быть, справедливъ, потому что никого не обманываешь изъ-за любостяжанія, но ты не можешь быть умнымъ, потому что знаешь, то, что ничего не стоитъ.

13. На это Сократъ отвѣчалъ: Антифонтъ, у насъ существуетъ мнѣніе, что какъ красоту, такъ и знаніе, можно направить въ

хорошую сторону и въ дурную. Если кто продаетъ свою красоту желающему за деньги, того называютъ публичнымъ мужчиной, но если кто, познакомившись съ любителемъ прекраснаго, дѣлаетъ его своимъ другомъ, того мы считаемъ благоразумнымъ. Точно также и тѣхъ людей, которые продаютъ за деньги свою мудрость желающему, называютъ софистами, тогда такъ относительно того, кто, познакомившись съ человѣкомъ даровитымъ, учитъ его, по возможности, прекрасному, мы говоримъ, что онъ занимается дѣломъ, приличнымъ вполнѣ образованному гражданину. Я самъ, Антифонтъ, гораздо болѣе радъ добрымъ друзьямъ, чѣмъ иной 14.
радъ хорошей лошади, собакѣ, птицѣ; даже представляю ихъ другимъ людямъ, которые, по моему соображенію, могутъ помочь имъ въ добродѣтели. Съ такими друзьями я просматриваю сокровища древнихъ мудрыхъ мужей, которыя оставили намъ послѣдніе въ своихъ сочиненіяхъ; и если мы встрѣтимъ что либо хорошее, заимствуемъ и считаемъ великой для себя прибылью, если бываемъ полезны другъ другу.

Когда я слышалъ подобныя слова, мнѣ этотъ человѣкъ казался счастливцемъ, ведущимъ своихъ слушателей къ истинному добру и красотѣ. Еще разъ какъ-то Сократъ, на вопросъ Анти- 15.
фонта, какимъ образомъ онъ, Сократъ, надѣется сдѣлать другихъ государственными дѣятелями, самъ не занимаясь государственными дѣлами, хотя бы зналъ ихъ, отвѣчалъ: Антифонтъ, въ какомъ случаѣ я могъ бы болѣе выполнить политическихъ дѣлъ: тогда-ли, когда самъ ими занимался, или тогда, когда занялся бы тѣмъ, чтобы доставить какъ можно болѣе лицъ, способныхъ взяться за это дѣло?

## ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

### Противъ хвастовства.

Разсмотримъ также, побуждалъ-ли Сократъ своихъ учениковъ заботиться о добродѣтели, когда отклонялъ ихъ отъ хвастовства. Онъ всегда говорилъ, что нѣтъ лучшаго пути къ славѣ, какъ тотъ, идя по которому человѣкъ можетъ дѣйствительно сдѣлаться

хорошимъ, а не желать только казаться таковымъ; и слѣдующимъ
2. образомъ подтверждалъ истину своихъ словъ. Представимъ себѣ, говорилъ онъ, что извѣстный человѣкъ, не будучи хорошимъ флейтистомъ, желаетъ считаться таковымъ. Что ему дѣлать? Не слѣдуетъ-ли ему подражать хорошимъ флейтистамъ во внѣшней сторонѣ искуства? Хорошіе флейтисты достаютъ превосходные инструменты и водятъ за собой большое число прислуги, и онъ долженъ дѣлать то-же. За тѣмъ, такъ какъ ихъ многіе хвалятъ, то и ему нужно найти хвалителей. Но за самое музыкальное исполненіе онъ не долженъ браться, или же онъ сразу окажется смѣшнымъ, и не только плохимъ флейтистомъ, но и хвастливымъ человѣкомъ. Если-же онъ при этомъ понесетъ большія издержки и ничего не достигнетъ, и сверхъ того подвергнется осмѣянію, то не будетъ-ли его жизнь тягостной, без-
3. полезной и смѣшной? Точно также посмотримъ, что станется съ такимъ человѣкомъ, который желалъ бы казаться хорошимъ полководцемъ или кормчимъ, не будучи таковымъ. Не будетъ ли для него самаго непріятно, если онъ, стремясь къ славѣ мастера въ этомъ дѣлѣ, не въ состояніи будетъ доказать это? и не будетъ ли для него еще хуже, если бы онъ и доказалъ? Очевидно, если будетъ назначенъ начальникомъ корабля или войска человѣкъ не знающій, онъ навлечетъ гибель на тѣхъ людей, которымъ менѣе всего желалъ этого, и самъ удалится со стыдомъ и
4. позоромъ. Равнымъ образомъ онъ доказывалъ безполезность желанія казаться богатымъ, храбрымъ, сильнымъ при отсутствіи этихъ качествъ, потому что, говорилъ Сократъ, нѣтъ оправданія, когда берутся за то, что не по силамъ, и считаясь способными, оказываются
5. не въ состояніи. Обманщикомъ не малымъ называлъ онъ и того, кто, взявъ на слово деньги или вещь, не отдаетъ, но величай шимъ обманщикомъ называлъ того, кто, самъ будучи ничтожествомъ, обманно увѣритъ, что способенъ руководить государствомъ.

Я полагаю, что подобными разсужденіями Сократъ отклонялъ своихъ слушателей и отъ хвастовства.

# Книга Вторая.

## ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Разговоръ съ Аристиппомъ о самообладаніи и разсказъ Продика „Геркулесъ на перепутьи".

По моему мнѣнію, Сократъ такими и слѣдующими разсужденіями побуждалъ своихъ учениковъ наблюдать мѣру въ стремленіяхъ къ пищѣ, питью, половымъ влеченіямъ, сну, а также въ холодѣ, жарѣ и трудѣ. Узнавъ, что одинъ изъ его учениковъ, Аристиппъ невоздержно относился къ этому, онъ сказалъ ему: Аристиппъ. Если бы тебѣ пришлось взять на воспитаніе двухъ юношей, одного — чтобы былъ способенъ къ управленію, другаго — чтобы и не думалъ о власти, какъ бы ты ихъ воспитывалъ? Разсмотримъ и начнемъ съ пищи, какъ съ основнаго предмета. — Да, и мнѣ кажется, что пища — главное, отвѣчалъ Аристиппъ, потому что человѣкъ и жить не можетъ, если не будетъ питаться. — Итакъ. 2.
Желаніе приняться, въ извѣстное время, за пищу свойственно тому и другому? — Конечно, отвѣчалъ Аристиппъ. — Но котораго ты станешь пріучать прежде окончить дѣло настоятельной надобности, чѣмъ удовлетворить желудку? — Само собой разумѣется, отвѣчалъ Аристиппъ, того, который воспитывается для власти, чтобы въ его управленіи не оказывалось не оконченныхъ дѣлъ. — Значитъ, и тогда, когда они захотятъ пить, тому-же нужно сообщить силу удержаться при жаждѣ? — Да, отвѣчалъ Аристиппъ. — Дальше; быть воздержнымъ въ отношеніи сна, чтобы быть въ 3.
состояніи поздно заснуть, рано встать, и въ случаѣ надобности вовсе не спать, которому мы сообщимъ? — Тому-же, отвѣчалъ Аристиппъ. — Воздержность въ половыхъ влеченіяхъ, чтобы онъ,

въ случаѣ надобности, и здѣсь не встрѣчалъ помѣхи для своей дѣятельности? — Тому-же, отвѣчалъ Аристиппъ. — Не уклоняться отъ труда и охотно выносить его, которому внушимъ? — И это воспитываемому для власти. — Еще. Изученіе соотвѣтствующихъ знаній для побѣды надъ противниками, которому наиболѣе прилично внушить? — Разумѣется, воспитываемому для власти: безъ этого знанія нѣтъ никакой пользы и во всемъ прочемъ,
4. отвѣчалъ. Аристиппъ. — Значитъ, ты находишь, что человѣкъ, воспитанный такимъ образомъ, менѣе попадется въ руки своихъ противниковъ, чѣмъ, напр., животное, — такъ какъ извѣстно, что нѣкоторыя изъ нихъ, даже очень пугливыя, но влекомыя желудкомъ и побуждаемыя жадностью, попадаются на приманку, а нѣкоторыхъ ловятъ за питьемъ. — Совершенно вѣрно, отвѣчалъ Аристиппъ. — Не такъ-ли и другія чувственныя животныя, напр., перепелы и куропатки, подъ вліяніемъ чувства и ожиданія любви, идутъ на голосъ самки и, теряя представленіе опасности, попа-
5. даются въ силки? — Аристиппъ и съ этимъ согласился. — Не считаешь-ли ты, стало быть, для человѣка низкимъ быть въ состояніи безразсуднаго животнаго? Напримѣръ, развратникъ входитъ въ женскую комнату и въ то-же время знаетъ, что онъ рискуетъ не только подвергнуться карѣ закона, но и быть пойманнымъ и опозореннымъ. Но не смотря на угрожающую опасность и безчестіе, не смотря на то, что есть много средствъ безопасно удовлетворить эту страсть, онъ все-таки идетъ. Не есть-ли это положительно свойство сумасшедшаго? — И мнѣ такъ
6. кажется, сказалъ Аристиппъ. — Дальше. При исполненіи очень многихъ и при томъ самыхъ необходимыхъ занятій подъ открытымъ небомъ, каковы: военное искусство, земледѣліе и другія очень важныя занятія, не кажется ли тебѣ большимъ недостаткомъ то, что многіе не пріучены къ перенесенію холода и жары? — И это подтвердилъ Аристиппъ. — Такъ ты согласенъ съ тѣмъ, что человѣку, который намѣренъ быть начальникомъ, слѣдуетъ упражняться легко переносить и эти неудобства? — Непремѣнно,

отвѣчалъ Аристиппъ. — Слѣдовательно, людей воздержныхъ во 7.
всемъ мы причислимъ къ способнымъ къ власти, а тѣхъ, которые
не въ состояніи этого дѣлать, причислимъ къ не думающимъ о
власти? — Аристиппъ и съ этимъ согласился. — Такъ какъ ты
знаешь оба эти класса, сообразилъ ли ты, къ которому классу
ты, по справедливости, долженъ себя приписать? — Что касается 8.
меня, отвѣчалъ Аристиппъ, я ни въ какомъ случаѣ не причисляю
себя къ желающимъ власти. Даже, при большой трудности до-
быванія необходимаго, на мой взглядъ, только человѣку безраз-
судному свойственно не довольствоваться этимъ и браться за
доставленіе другимъ, чего имъ надо. И для себя многаго не-
достаетъ изъ предметовъ необходимыхъ; между тѣмъ если пра-
витель не дѣлаетъ всего, чего хочетъ государство, то подлежитъ
еще за это отвѣтственности; слѣдовательно, не есть ли это
полное безуміе? Государство даже считаетъ себя въ правѣ такъ 9.
обращаться съ правителями, какъ я обращаюсь съ своими слу-
гами. Я, напр., требую, чтобы мои слуги доставляли мнѣ, что
надо, въ полномъ изобиліи, но сами ничего не касались. Точно
также государства полагаютъ, что правители должны доставлять
имъ возможно большее благополучіе, но сами совершенно чуж-
даться его. Я, по крайней мѣрѣ, назначалъ бы такихъ началь-
никовъ и съ такимъ воспитаніемъ, которые сами желаютъ имѣть
много хлопотъ и другимъ желаютъ ихъ доставлять; себя же я
причисляю къ тѣмъ, которые желаютъ провести жизнь какъ можно
удобнѣе и пріятнѣе.

Сократъ на это отвѣчалъ: Такъ вотъ, мы разсмотримъ, кто 10.
ведетъ жизнь болѣе пріятную, начальствующіе или подчиненные. —
Хорошо, отвѣчалъ Аристиппъ. — Прежде всего, изъ народовъ,
намъ извѣстныхъ, въ Азіи управляютъ персы. Имъ подчинены
сирійцы, фригійцы и лидійцы. Въ Европѣ управляютъ скиѳы;
имъ подчинены меотійцы. Въ Ливіи управляютъ карѳагеняне,
имъ подчинены ливійцы. Кто изъ нихъ, по твоему мнѣнію, ве-
детъ болѣе пріятную жизнь? Или же изъ эллиновъ, къ которымъ

ты самъ принадлежишь, чья жизнь кажется тебѣ болѣе счаст-
11. ливою: управляющихъ или управляемыхъ? — Не въ томъ дѣло, отвѣчалъ Аристиппъ; я даже не причисляю себя къ рабству. На мой взглядъ, есть средній путь, по которому я и стараюсь идти: не путь власти и не путь рабства, а путь свободы, который,
12. главнымъ образомъ, и ведетъ къ счастью. — Да, сказалъ Сократъ; если бы этотъ твой путь велъ не черезъ людей, подобно тому какъ онъ ведетъ не черезъ власть и не черезъ рабство, то ты быть можетъ былъ бы правъ; но если ты, живя съ людьми, не захочешь ни власти, ни зависимости, ни добровольнаго уваженія начальниковъ, то, полагаю, ты собственными глазами видѣлъ, какъ сильнѣйшіе — въ общественной жизни и въ частной — умѣютъ доводить слабѣйшихъ до слезъ и обращаются съ ними,
13. какъ съ рабами. Да развѣ тебѣ неизвѣстно, что, въ то время какъ одни сѣютъ хлѣбъ и садятъ деревья, другіе собираютъ ихъ и рубятъ, и всячески притѣсняютъ слабѣйшихъ и не желающихъ подчиниться, пока наконецъ не заставятъ ихъ предпочесть рабство борьбѣ съ сильнѣйшимъ? И въ частной жизни развѣ ты не знаешь, что сильные и могущественные порабощаютъ и обираютъ робкихъ и безсильныхъ? — Да я, отвѣчалъ Аристиппъ, во избѣжаніе этого и не причисляю себя къ обществу и повсюду остаюсь
14. иностранцемъ. — Положимъ, это ты придумалъ тонкую гимнастическую хитрость. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ какъ не стало Синиса, Скирона и Прокруста, никто не наноситъ обидъ иностранцамъ; тѣмъ не менѣе въ наше время люди, завѣдующіе дѣлами отечества, не только издаютъ законы противъ нанесенія обидъ, но сверхъ такъ называемыхъ „своихъ людей“ запасаются еще другими защитниками; возводятъ по городамъ укрѣпленія, достаютъ оружіе для пораженія противниковъ; мало того, въ
15. чужихъ краяхъ пріобрѣтаютъ союзниковъ, и не смотря на это все таки на нихъ дѣлаются нападенія; а ты, не имѣя ничего этого и проводя много времени на такихъ дорогахъ, гдѣ очень многіе подвергаются нападеніямъ, въ какое отправишься государство,

когда ты ниже всякаго гражданина и когда на подобныхъ тебѣ людей нападаютъ ищущіе нападеній, между тѣмъ какъ ты не ожидаешь нападенія единственно потому, что ты иностранецъ? Или ты надѣешься на то, что государства обѣщаютъ тебѣ безопасность при въѣздѣ и при выѣздѣ? Или ты считаешь себя такимъ рабомъ, который не можетъ быть полезенъ никакому хозяину? Въ самомъ дѣлѣ, кто захочетъ держать въ своемъ домѣ такого человѣка, который вовсе не желаетъ трудиться и думаетъ только о роскошномъ образѣ жизни? Кстати разсмотримъ, какъ обращаются хозяева съ подобными слугами. Не выгоняютъ ли они половую ихъ страсть голодомъ? не тѣмъ ли не допускаютъ до воровства, что запираютъ всѣ мѣста, гдѣ что можно взять? не цѣпями ли удерживаютъ отъ бѣгства? не ударами ли выгоняютъ лѣность? Да и ты самъ какъ поступаешь, если кого либо изъ прислуги замѣтишь въ чемъ либо подобномъ? — Наказываю всякаго рода мученіями, отвѣчалъ Аристиппъ, пока не доведу до порабощенія. Однакоже, Сократъ, чѣмъ отличаются люди, воспитываемые для искуства царствовать, которое ты, какъ видно, считаешь счастіемъ, отъ людей, претерпѣвающихъ бѣдствія въ силу необходимости, если они добровольно переносятъ голодъ, жажду, холодъ, лишаются сна и терпятъ разнаго рода неудобства? По крайней мѣрѣ, я не вижу разницы, добровольно или недобровольно одна и та же кожа получаетъ удары, или, говоря вообще, добровольно или недобровольно одинъ и тотъ же организмъ изнуряется всѣмъ этимъ. Есть ли что еще кромѣ безумія въ этомъ добровольномъ перенесеніи непріятностей? 16. 17.

Какъ можно, Аристиппъ? сказалъ Сократъ; развѣ ты не находишь, что въ этомъ отношеніи настолько добровольное отличается отъ недобровольнаго, насколько добровольно голодающій кушаетъ тогда, когда ему угодно, такъ точно какъ и добровольно переносящій жажду и т. д.; тогда какъ человѣкъ, переносящій это по принужденію, не имѣетъ права перестать (терпѣть голодъ, жажду и т. п.), когда захочетъ. Кромѣ того человѣкъ, испыты- 18.

вающій непріятность по собственной волѣ, имѣетъ удовольствіе въ томъ, что трудится съ пріятной надеждой, въ родѣ того какъ охотники съ удовольствіемъ трудятся въ надеждѣ на поимку
19. звѣря. Конечно, такая награда за труды ничтожна, но если человѣкъ трудится для того, чтобы пріобрѣсть хорошихъ друзей, одолѣть враговъ, сдѣлаться сильнымъ тѣломъ и душею и хорошо управлять своимъ домомъ, благодѣтельствовать друзьямъ и приносить пользу отечеству, то какъ такому человѣку не думать, что онъ съ пріятностью испытываетъ эти труды и живетъ въ радости, когда онъ самъ на себя смотритъ съ уваженіемъ, и другіе отно-
20. сятся къ нему съ похвалами и удивленіемъ? Кромѣ того легкія занятія и минутныя удовольствія не могутъ доставить тѣлу здоровья и силы, какъ это утверждаютъ учителя гимнастики, и душѣ не сообщаютъ ничего особеннаго; тогда какъ занятія, соединенныя съ настойчивостью, побуждаютъ къ достиженію прекраснаго, по словамъ хорошихъ людей. Да и Гесіодъ говоритъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ:

Цѣлыми кучами можно порока набрать, и не трудно:
Путь къ нему ровный ведетъ, и по близости онъ обитаетъ.
Но предъ дверьми добродѣтели боги безсмертные горькій
Трудъ положили. Дорога къ ней дальняя, очень крутая,
Жесткая даже сначала. Но если вершины достигнешь,
Легкой дорога бываетъ тогда, хоть тяжелой казалась.

Это подверждаетъ и Епихармъ, говоря такимъ образомъ:

За трудъ
Все намъ боги подаютъ благіе.

И въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ:

Лѣнивый,
Не стремись ты къ нѣгѣ: жесткое получишь!

21. И мудрецъ Продикъ въ своемъ сочиненіи о Геркулесѣ, которое онъ всѣмъ читаетъ, о добродѣтели высказывается также. На сколько я помню, онъ говоритъ слѣдующее. Когда Геркулесъ переходилъ изъ дѣтскаго возраста въ юношескій, въ тотъ возрастъ, въ которомъ юноша становится самостоятельнымъ и даетъ замѣтить, пойдетъ ли въ своей жизни по пути добродѣтели или

по пути порока, онъ отправился въ уединеніе и здѣсь задумался,
по которой дорогѣ отправиться. Тогда къ нему подошли двѣ 22.
женщины, высокаго роста. Одна изъ нихъ была красивой наружности и благороднаго происхожденія; на тѣлѣ чистота, въ глазахъ скромность, во всей внѣшности приличіе; въ бѣлой одеждѣ. Другая была нѣсколько тучна и изнѣженна, съ нарумяненнымъ лицомъ, такъ что казалась бѣлѣе и румянѣе, чѣмъ въ дѣйствительности; и на видъ казалась выше своего роста; глаза широко раскрытые, и притомъ она была въ такомъ костюмѣ, который особенно выказывалъ ея красоту. Она постоянно осматривала себя, и замѣчала, не смотритъ ли кто на нее; нерѣдко оглядывалась на собственную тѣнь. Когда онѣ начали приближаться 23.
къ Геркулесу, первая шла тѣмъ же шагомъ, но вторая, желая предупредить, подбѣжала къ Геркулесу и сказала слѣдующее: Геркулесъ, я вижу, что ты недоумѣваешь, по которой дорогѣ направиться въ жизни. Если ты сдѣлаешь меня своей подругой, я поведу тебя по дорогѣ самой пріятной и самой удобной. Ты испытаешь всѣ удовольствія и проживешь, не зная огорченій.
Ты не будешь думать ни о войнѣ, ни о хлопотахъ, а будешь 24.
только думать, что̀ бы выбрать пріятное изъ пищи или изъ напитковъ, чѣмъ насладить свое зрѣніе или слухъ, съ какими мальчиками наиболѣе имѣть пріятности, какъ бы мягче поспать и
какъ бы легче всѣмъ этимъ воспользоваться. Если у тебя явится 25.
сомнѣніе въ недостаточности тѣхъ (источниковъ), откуда все это будетъ браться, не думай, что за доставленіемъ тѣлесныхъ и душевныхъ удовольствій я поведу тебя путемъ труда и бѣдствій. Нѣтъ, ты будешь пользоваться трудами другихъ, не получая отказа ни въ чемъ, гдѣ только можно будетъ извлечь какую-либо прибыль, такъ какъ я даю своимъ друзьямъ возможность со всѣхъ сторонъ извлекать наслажденіе.

Геркулесъ, выслушавъ это, сказалъ: Женщина, какъ твое 26.
имя? — Мои друзья, отвѣчала она, называютъ меня Счастьемъ, но ненавистники, по клеветѣ, Порокомъ.

27. Въ это время подошла другая женщина и сказала: И я прибыла къ тебѣ, Геркулесъ, потому что знаю твоихъ родителей и еще во время твоего воспитанія я знала твои дарованія. Поэтому я надѣюсь, что если ты направишься по дорогѣ, ведущей ко мнѣ, то непремѣнно сдѣлаешься ревностнымъ труженикомъ прекраснаго; я же для добра окажусь еще въ большемъ почетѣ и блескѣ. Не стану обманывать тебя указаніями на удовольствія,
28. но опишу тебѣ жизнь такъ, какъ ее боги устроили. Изъ того, что есть добраго и хорошаго, боги ничего не даютъ человѣку безъ труда и заботъ. Такимъ образомъ, если ты хочешь, чтобы боги были къ тебѣ милостивы, ты долженъ почитать ихъ; если желаешь, чтобы тебя любили друзья, ты долженъ дѣлать имъ добро; если стремишься къ уваженію со стороны извѣстнаго государства, ты долженъ приносить пользу этому государству; если ты добиваешься удивленія своей дѣятельности со стороны всей Эллады, ты долженъ стараться благодѣтельствовать всей Эллядѣ; если хочешь, чтобы земля давала тебѣ обильную жатву, ты долженъ отдаться землѣ; если находишь, что тебѣ слѣдуетъ извлекать богатства изъ стада, ты долженъ заботиться о стадахъ; стремишься ли достигнуть славы путемъ войны и быть въ состояніи доставлять свободу друзьямъ и порабощеніе врагамъ, ты долженъ изучать военныя науки у людей знающихъ и упражняться въ ихъ примѣненіи. Если-же ты желаешь имѣть сильный организмъ, ты долженъ пріучать его повиноваться разсудку и развивать его посредствомъ труда и пота.
29. Тогда Порокъ, прерывая ее, говоритъ Продикъ, сказалъ слѣдующее: Замѣчаешь-ли ты, Геркулесъ, какой трудный и далекій путь къ радости указываетъ тебѣ эта женщина? Я же поведу тебя по легкому и краткому пути къ счастію.
30. Добродѣтель отвѣчала: Несчастная, что у тебя хорошаго? Имѣешь-ли ты понятіе о пріятномъ, когда ты для него не хочешь ничего дѣлать? Ты не ожидаешь даже желанія пріятнаго, и прежде чѣмъ желать, ты уже удовлетворяешься всѣмъ. Ты пре-

даешься пищѣ, прежде чѣмъ почувствуешь голодъ, и предаешься питью, прежде чѣмъ почувствуешь жажду. Для того чтобы съ апетитомъ кушать, ты думаешь о поварахъ; а чтобы пить съ апетитомъ, ты приготовляешь дорогія вина и лѣтомъ бѣгаешь за льдомъ, а для того, чтобы съ пріятностью уснуть, ты приготовляешь не только мягкія постели, но и подушки и качающіяся кровати. Самаго сна ты желаешь не вслѣдствіе усталости, но въ слѣдствіе того, что тебѣ нечего дѣлать. Что-же касается чувственныхъ наслажденій, то ты вызываешь ихъ прежде потребности, пользуясь всѣми средствами и обращаясь съ мущинами какъ съ женщинами. Ты такъ воспитываешь своихъ друзей, что ночью предаешь ихъ позору, днемъ заставляешь просыпать самое полезное время. Будучи безсмертна, ты прогнана изъ сонма боговъ и 31.
находишься въ презрѣніи у честныхъ людей. Ты не слышишь самаго пріятнаго предмета для слуха — собственной похвалы, и не видишь предмета, самаго пріятнаго для зрѣнія: ты никогда не видѣла собственнаго хорошаго поступка. Кто станетъ вѣрить твоимъ рѣчамъ? Кто удовлетворитъ твою просьбу? Какой здравомыслящій человѣкъ рѣшится принадлежать къ твоему сборищу? Юноши у тебя — съ слабымъ тѣломъ, а сдѣлавшись стариками, они — съ слабой душой. Безъ труда, блестящіе проживаютъ они молодость въ трудахъ и въ изнуреніи проводятъ старость, стыдясь прошлаго и изнемогая подъ бременемъ настоящаго, быстро пролетѣвъ съ тѣмъ, что было пріятно въ молодости, и оставивъ на старость одни тяжести. Тогда какъ я 32.
причастна къ богамъ, причастна и къ честнымъ людямъ. Безъ меня не совершается хорошее дѣло ни божеское, ни человѣческое; болѣе всего мнѣ воздаются подобающія почести и у боговъ и у людей. Я желанная помощница художникамъ, вѣрный стражъ хозяевамъ, благосклонная помощница мирныхъ занятій, крѣпкая союзница на войнѣ и лучшій товарищъ въ дружбѣ. У моихъ 33.
друзей всегда пріятное и не вынужденное наслажденіе пищей и питьемъ, потому что они воздерживаются до того времени, пока

имъ захочется. Сонъ у нихъ пріятнѣе, чѣмъ у людей не трудившихся, и они не приходятъ въ негодованіе, когда лишаются его, а съ другой стороны, изъ-за сна не упускаютъ обязанностей. Юноши рады похваламъ старшихъ, а старшіе довольны почтеніемъ юношей. Они съ удовольствіемъ вспоминаютъ о прошлой дѣятельности и съ удовольствіемъ исполняютъ настоящую, потому что посредствомъ меня они любезны богамъ, дороги друзьямъ и чтимы отечествомъ. Когда-же наступаетъ предопредѣленная кончина, они не покоятся забытые и не оцѣненные, но прославляемые въ пѣсняхъ вѣчно живутъ въ воспоминаніяхъ. Вотъ надъ чѣмъ слѣдуетъ тебѣ потрудиться, Геркулесъ, сынъ хорошихъ родителей, чтобы достигнуть возможнаго счастія.

34. Въ такихъ приблизительно чертахъ Продикъ слѣдитъ за воспитаніемъ Геркулеса у Добродѣтели. Конечно, онъ украсилъ свои мысли далеко болѣе изящными выраженіями, чѣмъ это я сдѣлалъ. Тебѣ же, Аристиппъ, слѣдовало бы подумать объ этомъ и постараться принять заботы о томъ, что пригодится въ жизни и на будущее время.

## ГЛАВА ВТОРАЯ.

Разговоръ съ Лампроклемъ о признательности къ родителямъ.

Замѣтивъ однажды, что его старшій сынъ Лампроклъ дурно обращается съ матерью, Сократъ сказалъ ему: Сынъ мой, извѣстно-ли тебѣ, что нѣкоторыхъ людей называютъ неблагодарными? — Да, отвѣчалъ Лампроклъ. — Но замѣтилъ ли ты, за какіе поступки даютъ такое имя? — Конечно, отвѣчалъ Лампроклъ: тѣхъ облагодѣтельствованныхъ людей, которые, имѣя возможность оказать признательность, не оказываютъ ея, называютъ неблагодарными. — Значитъ, ты находишь, что неблагодарные принадлежатъ
2. къ числу несправедливыхъ? спрашивалъ Сократъ. — Да, я полагаю, отвѣчалъ Лампроклъ. — Но задумывался-ли ты вотъ надъ чѣмъ: такъ ли неблагодарность предосудительна по отношенію къ друзьямъ и законна по отношенію въ врагамъ, какъ, напр.,

продажа въ рабство предосудительна по отношенію къ друзьямъ и законна по отношенію въ врагамъ? — Да, я задумывался надъ этимъ, отвѣчалъ Лампроклъ, и нахожу, что если человѣкъ не старается быть благодарнымъ по отношенію къ тому, отъ кого получилъ благодѣяніе, — будетъ ли это другъ или врагъ, — онъ несправедливъ. — А если такъ, то неблагодарность будетъ чистѣйшая несправедливость? — Лампроклъ согласился. — Стало быть, чѣмъ болѣе человѣкъ облагодѣтельствованный неблагодаренъ, тѣмъ болѣе онъ несправедливъ? — Лампроклъ и съ этимъ согласился. — Кого-же и кѣмъ мы найдемъ болѣе благодѣтельствованныхъ, какъ не дѣтей родителями? Родители привели ихъ изъ небытія въ бытіе и дали возможность видѣть все то прекрасное и участвовать во всемъ томъ хорошемъ, что только боги предоставили человѣку. И мы считаемъ это дѣломъ такой величайшей важности, что всѣ главнымъ образомъ стараемся не лишиться его. Потому-то государства назначаютъ смерть наказаніемъ только за величайшія преступленія, въ томъ предположеніи, что угрозою другаго высшаго наказанія они не надѣются прекратить преступленія. Не думай также, что люди родятъ дѣтей ради чувственныхъ наслажденій: удовлетвореніемъ этого наполнены улицы и дома, и намъ доподлинно извѣстно, отъ какихъ женщинъ родятся лучшія дѣти и съ какими женщинами вступать въ союзъ для рожденія дѣтей. Дальше. Мужъ даетъ пропитаніе той женщинѣ, которая въ союзѣ съ нимъ раждаетъ дѣтей, и для будущаго потомства заготовляетъ все, что находитъ полезнымъ для его существованія и притомъ какъ можно въ большемъ количествѣ; тогда какъ женщина, послѣ зачатія, носитъ это бремя въ болѣзняхъ и съ опасностью собственной жизни. Она удѣляетъ своей ношѣ той пищи, которой сама питается, и послѣ великихъ трудовъ ношенія и рожденія, начинаетъ кормить и прилагаетъ всякія заботы, несмотря на то, что не испытала отъ него ничего хорошаго и что самый младенецъ не понимаетъ, отъ кого онъ испытываетъ благодѣянія, и даже не въ состояніи выразить, чего ему надо,

3.

4.

5.

такъ что мать, уже по догадкѣ, дѣластъ то, что для него здорово
и пріятно. Она продолжаетъ кормить его долгое время и дни
и ночи проводитъ въ заботахъ, не зная, какую получитъ за это
6. благодарность. Но недостаточно только выкормить. Когда дѣти
окажутся готовыми для ученія, тогда родители учатъ ихъ тому
полезному въ жизни, что сами знаютъ, но относительно чего
находятъ другаго человѣка болѣе способнымъ научить, они, не
жалѣя издержекъ, отсылаютъ дѣтей въ этому человѣку, и при-
лагаютъ всѣ старанія, чтобы ихъ дѣти были возможно лучшими.

7. На эти слова молодой человѣкъ отвѣчалъ: Положимъ, она все
это дѣлала и даже въ тысячу разъ больше, но никакой человѣкъ не въ
состояніи перенести ея дурнаго характера. — Сократъ сказалъ: Что
ты находишь болѣе невыносимымъ, дикость-ли звѣря или дикость
матери? — Я полагаю, что дикость матери, — покрайней мѣрѣ, такой,
какъ эта. — Что жъ она тебя укусила или ногой ударила и довела
до боли, въ родѣ того какъ это достается многимъ отъ живот-
8. ныхъ? — Положимъ нѣтъ, но, клянусь Зевсомъ, она говоритъ
такое, чего человѣкъ не желалъ бы слышать и за цѣлую жизнь,
отвѣчалъ Ламproклъ. — А сколько ты доставилъ ей нестерпимыхъ
хлопотъ своимъ крикомъ и поступками, капризничая день и ночь,
начиная съ дѣтства? Сколько ты доставилъ ей огорченій, когда
былъ боленъ? — Однако же я никогда не сказалъ ей ничего
9. такого, отъ чего бы ей было стыдно. — Что-же ты находишь въ
ея словахъ болѣе непріятнаго для твоего слуха, чѣмъ бываетъ
непріятное для актеровъ, когда они въ трагедіи обзываютъ другъ
друга послѣдними ругательствами? — Нѣтъ, я полагаю, что они
спокойно переносятъ это, потому что знаютъ, что если дѣйствую-
щее лицо выражаетъ упреки, то не для того, чтобы оскорбить,
и если заявляетъ угрозы, то не для того, чтобы сдѣлать что-либо
10. дурное. — Такъ ты, зная, что если что-либо говоритъ мать, то
говоритъ не только безъ всякаго злаго умысла, но и съ жела-
ніемъ тебѣ такого добра, какого никому другому не желаетъ,
все-таки грубишь ей? Или ты думаешь, что мать желаетъ тебѣ

зла? — Конечно, я этого не думаю, отвѣчалъ Ламироклъ. — Такъ ты, сказалъ Сократъ, о той женщинѣ, которая тебѣ такъ преданна, и во время болѣзни всячески заботится о тебѣ, чтобы ты выздоровѣлъ, и сверхъ всего этого постоянно молится о тебѣ богамъ и даетъ обѣты, ты выражаешься, что она несносна? Я даже думаю, что если ты не въ состояніи вынести такой матери, то ты не въ состояніи вынести и добра. Но ты скажи мнѣ, 11.
признаешь ли ты необходимымъ почитать другихъ, или ты намѣренъ никому не уступать, никому не повиноваться, никого не слушаться, ни стратега, ни какого либо другаго начальника? — О нѣтъ, я готовъ повиноваться, отвѣчалъ Ламироклъ. — Значитъ, 12.
ты готовъ уступить и сосѣду, чтобы, въ случаѣ надобности, далъ тебѣ огня, помогъ въ добромъ дѣлѣ, и если ты подвергнешься какому либо несчастію, чтобы по близости охотно подалъ тебѣ помощь? — Да, отвѣчалъ Ламироклъ. — Но какимъ образомъ? Все-ли равно для тебя, будетъ-ли твой попутчикъ, — на сушѣ ли, на морѣ или какой другой встрѣчный, — врагомъ или другомъ, или-же ты полагаешь, что слѣдуетъ снискать расположенность и этихъ лицъ? — Да, я полагаю, что слѣдуетъ, отвѣчалъ Ламироклъ.
— Такъ ты полагаешь, что здѣсь слѣдуетъ снискать расположен- 13.
ность, а мать, которая любитъ тебя болѣе всѣхъ, не слѣдуетъ почитать? Развѣ ты не знаешь, что наше государство, вообще, не обращаетъ вниманія на неблагодарность и не преслѣдуетъ ее закономъ, и ему нѣтъ дѣла до облагодѣтельствованныхъ и непризнательныхъ: но если кто не почитаетъ родителей, оно подвергаетъ его наказанію, а при испытаніи не только лишаетъ права на должность архонта, но и совершаемыхъ ими умилостивительныхъ жертвъ за государство не признаетъ благоугодными и правильными. И я увѣряю тебя, что если даже извѣстное лицо не украшаетъ гробовъ умершихъ родителей, то, при испытаніи
архонтовъ, и на это обращается вниманіе правительства. И такъ, 14.
мой сынъ, если ты разсудителенъ, проси у боговъ прощенія за нарушенное тобою уваженіе къ матери, чтобы они сами не

признали тебя неблагодарнымъ и не перестали благодѣтельствовать. Берегись также, чтобы люди, замѣтивъ твое непочтеніе къ родителямъ, не стали сообща презирать тебя, и чтобы тебѣ не остаться вовсе безъ друзей, потому что, какъ только они замѣтятъ твою неблагодарность къ родителямъ, никто не можетъ быть увѣренъ, что, сдѣлавъ тебѣ доброе дѣло, получитъ благодарность.

## ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Разговоръ съ Херекратомъ о братскомъ единодушіи.

Узнавъ, что два знакомые ему брата Херефонтъ и Херекратъ жили въ несогласіи, Сократъ, встрѣтившись съ Херекратомъ сказалъ: Херекратъ, кажется, и ты принадлежишь къ числу тѣхъ людей, которые деньги считаютъ важнѣе брата? — не смотря даже на то, что деньги не имѣютъ разума, а братъ существо разумное; что деньги требуютъ присмотра, тогда какъ братъ самъ можетъ его доставить, и что сверхъ того денегъ много, а
2. братъ одинъ. Удивительно также и то, когда нѣкоторые люди считаютъ своихъ братьевъ убыткомъ для себя, потому что не владѣютъ частью (имущества) брата, тогда какъ согражданъ не считаютъ оттого убыткомъ, что не владѣютъ ихъ частью. Мало того, въ послѣднемъ случаѣ даже знаютъ, что лучше жить вмѣстѣ съ согражданами и спокойно пользоваться своими достатками, чѣмъ жить въ одиночествѣ и небезопасно распоряжаться всѣмъ имуществомъ согражданъ, между тѣмъ по отношенію къ
3. братьямъ не сознаютъ той же истины. Тотъ, кто можетъ, покупаетъ даже рабовъ, чтобы имѣть работниковъ, или же, если нуждается въ помощникахъ, пріобрѣтаетъ друзей, о братьяхъ же эти люди вовсе не думаютъ, какъ будто друзья бываютъ только изъ среды гражданъ, а изъ среды братьевъ ихъ не бы-
4. ваетъ. Между тѣмъ въ дѣлѣ дружбы много значитъ одинаковое происхожденіе; много значитъ и совмѣстное воспитаніе, такъ какъ и у звѣрей бываетъ особенная любовь къ тѣмъ животнымъ, которыя вмѣстѣ съ ними кормились. Даже посторонніе люди болѣе

уважаютъ тѣхъ, которые имѣютъ братьевъ, чѣмъ тѣхъ, которые
ихъ не имѣютъ, и гораздо менѣе дѣлаютъ на нихъ посягательствъ.
— Конечно, отвѣчалъ Херекратъ, еслибы разногласіе было 5.
небольшое, то быть можетъ слѣдовало бы переносить непріятности отъ брата, и не чуждаться его изъ-за пустяковъ, потому что братъ, какъ вотъ и ты говоришь, дѣйствителлно есть нѣчто хорошее, если только онъ такой, какъ слѣдуетъ. Но если онъ вовсе къ этому не подходитъ и представляетъ собою все противоположное, то кто помирится съ невозможнымъ? — Херекратъ, 6.
сказалъ Сократъ: такъ ли Херефонтъ и всякому не нравится, какъ тебѣ, или же есть такіе люди, которымъ онъ даже очень нравится? — За это-то, Сократъ, отвѣчалъ Херекратъ, и слѣдуетъ его ненавидѣть, что съ другими онъ умѣетъ ладить, тогда какъ по отношенію ко мнѣ онъ, гдѣ только явится, повсюду, словомъ и дѣломъ, служитъ скорѣе во вредъ, чѣмъ въ пользу. — Значитъ, въ родѣ того какъ лошадь для человѣка, незнакомаго съ 7.
ней, но желающаго пользоваться ею, становится во вредъ, такъ и твой братъ становится во вредъ тому, кто его не знаетъ и желаетъ вступить съ нимъ въ сношенія. — Какимъ образомъ я не умѣлъ бы 8,
обращаться съ братомъ, говорилъ Херекратъ, когда я умѣю ласково говорить съ тѣмъ, кто кто мнѣ ласковъ, и дѣлаю добро тому, кто ко мнѣ добръ? Но быть ласковымъ и быть добрымъ къ тому, кто словомъ и дѣломъ старается сдѣлать мнѣ непріятность, я не могу и не намѣренъ. — Сократъ отвѣчалъ: Странно, Херекратъ; если бы у тебя была хорошая для стада собака, которая ласкалась бы къ пастухамъ, а при твоемъ приближеніи ворчала, то ты вовсе не думалъ бы о томъ, чтобы сердиться на нее, а старался бы сдѣлать ее ручной; между тѣмъ относительно брата, про котораго ты самъ говоришь, что настоящій братъ есть нѣчто хорошее, и сознаешься, что онъ съ другими умѣетъ быть и добрымъ, и ласковымъ, ты не стараешься, чтобы онъ и для тебя былъ прекраснымъ человѣкомъ. — Да, кажется, у меня нѣтъ та- 10.
кого умѣнья, чтобы сдѣлать Херефонта въ отношеніи меня такимъ,

какимъ ему слѣдуетъ быть, отвѣчалъ Херекратъ. — Какъ мнѣ кажется, здѣсь не требуется выдумыванія никакихъ хитростей и ничего особеннаго. Я полагаю, что онъ можетъ попасться и на тѣ средства, которыя ты самъ знаешь, и очень можетъ уважать
11. тебя. — Ну, ужъ пожалуста, не говори мнѣ, что ты замѣтилъ во мнѣ знаніе какихъ-то приворотовъ, и что только я не замѣчаю въ себѣ этого знанія. — Такъ ты отвѣчай на слѣдующій вопросъ: если бы ты кого либо изъ своихъ знакомыхъ желалъ такъ настроить, чтобы онъ всякій разъ, при совершеніи жертвы, приглашалъ тебя къ столу, что бы ты сталъ дѣлать? — Очевидно, я началъ бы самъ приглашать его при своихъ жертвоприношеніяхъ. — А если бы ты желалъ склонить своего друга, чтобы
12. онъ, на случай твоего выѣзда, присматривалъ за твоимъ имуществомъ, что бы ты дѣлалъ? — Разумѣется, я прежде самъ принялъ бы заботы объ его имуществѣ, въ случаѣ его выѣзда. —
13. А если бы ты желалъ пріобрѣсти ксеноса, чтобы онъ принялъ тебя въ случаѣ твоего прибытія въ его городъ, что бы ты дѣлалъ? — Конечно, и въ этомъ случаѣ я предварительно принялъ бы его къ себѣ, въ прибытіе его въ Аѳины, и если бы я искалъ его содѣйствія въ томъ, за чѣмъ бы я прибылъ, то само собой разумѣется, я долженъ былъ бы предварительно ему сдѣлать
14. тоже. — Выходитъ, что ты, давно зная всѣ человѣческіе привороты, скрывалъ это самъ отъ себя. Быть можетъ, ты не рѣшаешься только начать, чтобы тебѣ не казалось стыдно, что ты первый добръ съ братомъ? Но, на мой взглядъ, тотъ человѣкъ заслуживаетъ величайшей похвалы, который враговъ предупреждаетъ зломъ, а друзей благодѣяніями. Если бы я думалъ, что Херефонтъ болѣе тебя способенъ сдѣлать починъ къ дружбѣ, я бы попытался склонить его первымъ приступить къ заключенію ея съ тобой, но въ настоящее время, какъ я вижу, ты своимъ
15. починомъ скорѣе сдѣлаешь это. — Херекратъ отвѣчалъ: Это ты говоришь, Сократъ, невозможное и несообразное съ твоимъ образомъ мыслей, если предлагаешь, чтобы я, младшій, сдѣлалъ

починъ. У всѣхъ людей принято совершенно наоборотъ: старшій даетъ начало во всемъ: и въ рѣчи, и въ дѣйствіяхъ. — Какъ такъ? спросилъ Сократъ: развѣ не принято повсюду, что при 16.
встрѣчѣ съ старшимъ младшій уступаетъ съ дороги; если младшій сидитъ, то передъ старшимъ поднимается, предлагаетъ ему удобное мѣсто для сидѣнья и уступаетъ слово? Не думай долго, мой милый, а старайся задобрить этого человѣка, и онъ тотчасъ отзовется. Развѣ ты не видишь, насколько онъ заслуживаетъ уваженія и какъ онъ благороденъ? Грязную душу ты не иначе можешь склонить на свою сторону, какъ только подачкой, тогда какъ человѣка истинно образованнаго можно склонить именно ласковымъ обращеніемъ. На это Херекратъ сказалъ: А если 17.
онъ, не смотря на такія мои дѣйствія, не сдѣлается лучше? — Что же тутъ больше, отвѣчалъ Сократъ, кромѣ того, что тебѣ предстоитъ остаться честнымъ и братолюбивымъ, а ему дурнымъ и не заслуживающимъ услугъ? Но я полагаю, что до этого не дойдетъ: я увѣренъ, что какъ только онъ замѣтитъ твой вызовъ на такое состязаніе, то съ охотой будетъ напрягать силы, чтобы превзойти тебя своей добротой и на словахъ и на дѣлѣ. Теперь вы, продолжалъ Сократъ, такъ относитесь другъ къ другу, какъ 18.
двѣ руки, которыя, будучи созданы богомъ для взаимной помощи, бросаютъ это назначеніе и начинаютъ мѣшать одна другой; или если бы, напр., ноги, созданныя по божественному опредѣленію для содѣйствія одна другой, забыли объ этомъ и начали одна другой противодѣйствовать. Развѣ не полная нелѣпость и не 19.
чистое несчастье употреблять во вредъ то, что создано на пользу? Я даже думаю, что божество создаетъ братьевъ съ цѣлью гораздо большей помощи другъ другу, чѣмъ руки, ноги, глаза и т. п. члены, которые оно дало человѣку парными, потому что еслибы, напр., рукамъ пришлось одновременно дѣйствовать на предметы, находящіеся одинъ отъ другаго на разстояніи оргіи, онѣ не могли бы; а ноги не могли бы одновременно подойти къ предметамъ, находящимся даже на разстояніи меньшемъ оргіи; глаза же, ко-

торые, какъ извѣстно, проникаютъ нападальше, не могутъ одновременно видѣть передней и задней стороны предметовъ, даже если бы послѣдніе были еще ближе. Между тѣмъ дружно живущіе братья, хотя бы находились на далекомъ разстояніи, одновременно служатъ на помощь другъ другу.

## ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

### О дружбѣ.

Слышалъ я также бесѣду Сократа о друзьяхъ, изъ которой человѣкъ можетъ заимствовать много полезнаго для пріобрѣтенія друзей и обращенія съ ними. Онъ говорилъ, что отъ многихъ слышалъ, что надежный и преданный другъ составляетъ величайшее пріобрѣтеніе, но большинство людей онъ видѣлъ преданными заботамъ скорѣе о чемъ угодно, только не о пріобрѣтеніи
2. друзей. Онъ видѣлъ, что люди заботливо пріобрѣтаютъ дома, поля, рабовъ, стада, домашнія принадлежности, и стараются удержать все, что у нихъ есть, но относительно друзей, которыхъ сами считаютъ величайшимъ благомъ, онъ говорилъ, что не видѣлъ, чтобы люди заботились о пріобрѣтеніи новыхъ или о благо-
3. получіи существующихъ. Онъ видѣлъ, что когда болѣютъ друзья и слуги, то для слугъ приглашаютъ врачей и заботливо достаютъ разныя средства, служащія къ выздоровленію, но друзья остаются безъ вниманія. Такъ точно и когда умираютъ тѣ и другіе, то о слугахъ печалятся и ихъ смерть считаютъ для себя потерей, тогда какъ въ смерти друзей, по мнѣнію этихъ людей, нѣтъ никакой потери. Даже изъ своего имущества люди ничего не оставляютъ безъ присмотра и безъ заботъ, между тѣмъ какъ о друзьяхъ, нуждающихся въ заботахъ, совсѣмъ не думаютъ.
4. Кромѣ того, по его словамъ, онъ видѣлъ, что многіе знаютъ количество своихъ вещей, хотя бы послѣднихъ было даже очень много, а своихъ друзей, которыхъ у нихъ очень не много, не только не знаютъ числа, но даже, если, на вопросъ объ этомъ, начинаютъ пересчитывать, то лицъ, уже посчитанныхъ, снова при-

кидываютъ къ счету. Между тѣмъ, съ какою вещью можно 5.
сравнить хорошаго друга, чтобы онъ не оказался гораздо
важнѣе? какая лошадь, какая упряжная пара можетъ быть такъ
полезна, какъ добрый другъ? какой рабъ будетъ такъ преданъ
или такъ терпѣливъ? какое другое пріобрѣтеніе можетъ быть
такъ во всемъ пригодно? Добрый другъ всегда предлагаетъ 6.
свои услуги, если у друга чего либо недостаетъ въ домашнихъ
дѣлахъ или общественныхъ. Въ случаѣ требуется сдѣлать доброе
дѣло, онъ участвуетъ собственными средствами; въ случаѣ какой
либо болѣзни, онъ оказываетъ помощь расходами, содѣйствіемъ,
совѣтомъ, настойчивостью. Въ счастіи онъ величайшая отрада,
въ несчастіи величайшая поддержка. Дальше. Что дѣлаютъ 7.
руки, видятъ глаза, слышатъ уши, достигаютъ ноги, ни въ чемъ
этомъ другъ не уступаетъ своими услугами. Часто даже то, чего
другъ не успѣлъ для себя сдѣлать, или не видѣлъ, не слышалъ,
не достигъ, все это другъ восполняетъ для своего друга. Между
тѣмъ иной человѣкъ оказываетъ уходъ за деревьями ради пло-
довъ, а въ отношеніи самаго благодарнаго пріобрѣтенія, назы-
ваемаго *другомъ*, онъ прилагаетъ свои заботы лѣнивo и небрежно.

## ГЛАВА ПЯТАЯ.

Разговоръ съ Антисѳеномъ о выборѣ друзей.

Слышалъ я однажды и другую бесѣду Сократа, которая, на
мой взглядъ, побуждала слушателя подумать о себѣ, какого онъ
заслуживаетъ друга. Именно, узнавши, что одинъ изъ его слу-
шателей вовсе не заботится о другѣ, тѣснимомъ бѣдностью,
Сократъ, въ присутствіи этого незаботливаго слушателя и мно-
гихъ другихъ, спросилъ Антисѳена:

Антисѳенъ, существуетъ ли такса на друзей, какъ, напр., на 2.
рабовъ? Изъ послѣднихъ одинъ стоитъ, примѣрно, мину, другой
и полмины не стоитъ, третій 5 минъ, а иной и 10. Никій Никиратовъ, говорятъ, даже талантъ заплатилъ за надсмотрщика въ
серебряные рудники. Такъ я, вотъ, думаю, существуетъ ли из-

3. вѣстная такса на друзей, какъ на рабовъ.—Конечно, существуетъ, отвѣчалъ Антисѳенъ: по крайней мѣрѣ я иного друга скорѣе желалъ бы имѣть, чѣмъ 2 мины, другаго не предпочелъ бы и полуминѣ, третьяго я взялъ бы охотнѣе 10 минъ, а за иного отдалъ бы даже все свое имущество, чтобы только онъ былъ моимъ
4. другомъ. — А если это такъ, сказалъ Сократъ, то хорошо было бы, чтобы человѣкъ осмотрѣлъ себя, сколько онъ стоитъ для друзей, и чтобы старался быть какъ можно дороже. Въ такомъ случаѣ друзья не такъ бы ему измѣняли, между тѣмъ я не разъ слышу отъ одного, напр., что ему измѣнилъ его другъ; отъ другаго, что человѣкъ, котораго онъ считалъ другомъ, предпочелъ
5. его мнѣ. Все это внушаетъ мнѣ опасеніе, чтобы, въ родѣ того какъ продаютъ дурнаго раба и сбываютъ за первую попавшуюся цѣну, не представилось охоты сбыть и дурнаго друга, особенно когда явится возможность получить больше стоимости. Но я знаю, что ни въ какомъ случаѣ и полезныхъ слугъ не продаютъ, и хорошимъ друзьямъ не измѣняютъ.

## ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Разговоръ съ Критовуломъ о друзьяхъ.

Я нахожу, что Сократъ давалъ наставленія и относительно самой критики при выборѣ друзей, когда говорилъ слѣдующее: Критовулъ, еслибы мы нуждались въ хорошемъ другѣ, какъ намъ приступить къ выбору? Не слѣдуетъ ли предварительно разузнать, владѣетъ ли извѣстнымъ человѣкомъ страсть къ ѣдѣ, напиткамъ, любви, сну, лѣности? Подверженный этимъ страстямъ, человѣкъ не въ состояніи дѣлать, что слѣдуетъ, ни для себя, ни для своего друга.

Конечно, не въ состояніи, отвѣчалъ Критовулъ. — Значитъ, ты находишь, что слѣдуетъ удаляться отъ человѣка, подверженнаго этимъ страстямъ? спрашивалъ Сократъ. — Разумѣется, от-
2. вѣчалъ Критовулъ. — Дальше, сказалъ Сократъ: Если человѣкъ

расточительный нигдѣмъ не удовлетворяется и постоянно обращается къ другимъ; если затѣмъ, получая въ займы, не можетъ отдать, а не получая, сердится, не находишь ли ты, что и это не пріятный другъ? — Да, отвѣчалъ Критовулъ. — Значитъ, нужно удаляться и отъ такого человѣка? — Конечно, нужно, отвѣчалъ Критовулъ. — А если человѣкъ умѣетъ обходиться съ своимъ 3.
состояніемъ, но ему все хочется больше и вслѣдствіе этого онъ не пріятенъ въ обращеніи; если онъ радъ брать и не хочетъ отдавать? — По моему мнѣнію, отвѣчалъ Критовулъ, этотъ человѣкъ еще хуже предыдущаго. — А если человѣкъ изъ жадности 4.
къ пріобрѣтенію не имѣетъ досуга рѣшительно ни на что, кромѣ извлеченія прибыли? — Я полагаю, что и отъ этого слѣдуетъ удаляться, потому что онъ будетъ безполезенъ для самаго друга. — А если это будетъ человѣкъ задорный и захочетъ навлечь на своихъ друзей множество враговъ? — Безъ сомнѣнія, отъ такого человѣка нужно бѣжать. — А если человѣкъ не имѣетъ ни одного изъ этихъ пороковъ, и ему пріятно получать благодѣянія, но онъ не думаетъ о благодарности съ своей стороны? — И это будетъ безполезный другъ. Однако, Сократъ, кого же мы рѣшимся сдѣлать другомъ? спросилъ Критовулъ — Я полага- 5.
ю того, отвѣчалъ Сократъ, кто, въ противуположность предъидущимъ, окажется воздержнымъ въ чувственныхъ удовольствіяхъ, благожелательнымъ и обходительнымъ, а также достаточно честолюбивымъ, чтобы въ признательности не уступать своимъ благодѣтелямъ и быть полезнымъ для лицъ, имѣющихъ съ нимъ сношенія. — Какъ же узнать это, Сократъ, до знакомства? — Ва- 6.
ятелей мы узнаемъ, не полагаясь на ихъ слова, отвѣчалъ Сократъ: и только, видя хорошее исполненіе прежнихъ статуй, мы надѣемся, что этотъ ваятель и остальныя сдѣлаетъ хорошо. — Значитъ, ты 7.
говоришь, что тотъ человѣкъ, о которомъ извѣстны его хорошіе поступки въ отношеніи прежнихъ друзей, очевидно, будетъ хорошо поступать и въ отношеніи послѣдующихъ? — Да также бываетъ и съ лошадьми, отвѣчалъ Сократъ: если я знаю, что кто либо

хорошо обращался съ прежними лошадьми, то ожидаю хорошаго
8. его обращенія и съ новыми. — Вѣрно, сказалъ Критовулъ: но какъ же намъ сдѣлать другомъ того человѣка, котораго мы найдемъ достойнымъ дружбы? — Прежде всего, отвѣчалъ Сократъ, нужно разсмотрѣть указанія боговъ, совѣтуютъ ли они сдѣлать этого человѣка другомъ. — Положимъ, тому человѣку, котораго мы рѣшили сдѣлать своимъ другомъ, и боги не противодѣйствуютъ; но можешь ли ты сказать, какъ его поймать? спрашивалъ Кри-
9. товулъ. — Конечно, не за ноги, какъ зайца, отвѣчалъ Сократъ, и не обманомъ, какъ куропатку, даже не насиліемъ, какъ кабана, такъ какъ трудно взять друга противъ его воли; непріятно также связать его и держать, какъ раба, потому что люди, подвергаю-
10. щіеся этому, дѣлаются скорѣе врагами, чѣмъ друзьями. — Какъ же достаются друзья? спросилъ Критовулъ. — Говорятъ, что есть какія-то пѣсни, которыя люди знающіе напѣваютъ тому, кого хотятъ сдѣлать своимъ другомъ, сказалъ Сократъ; говорятъ также, что есть и привороты, которые люди знающіе употребляютъ
11. противъ будущихъ друзей и получаютъ ихъ любовь. — Откуда же это узнать? — спросилъ Критовулъ. Сократъ отвѣчалъ: Ты знаешь изъ Гомера, что̀ Сирены напѣвали Одиссею? Это мѣсто начинается такъ: „Къ намъ, Одиссей знаменитый, ахейцевъ великая слава“.

Этими напѣвами, Сократъ, Сирены удерживали всякаго человѣка, чтобы онъ, очарованный, не ушелъ отъ нихъ, сказалъ Кри-
12. товулъ. — Нѣтъ, онѣ чаровали только тѣхъ людей, которые полагаютъ свою славу въ добродѣтели, сказалъ Сократъ. — Значитъ, ты нѣкоторымъ образомъ совѣтуешь, что слѣдуетъ передъ всякимъ напѣвать такія пѣсни, относительно которыхъ слушающій не станетъ думать, что его хвалятъ въ насмѣшку? Потому что въ такомъ случаѣ слушатель станетъ еще враждебнѣе, даже прогонитъ, если его, признающаго себя малорослымъ, безобразнымъ и безсильнымъ, станутъ хвалить и говорить, что онъ красивъ, высокаго роста и силенъ. А не знаешь ли ты еще ка-

кихъ либо чаръ? — Нѣтъ, отвѣчалъ Сократъ, но я слышалъ, 13.
что ихъ много зналъ Перикл, потому что онъ, напѣвая эти чары
гражданамъ, заставлялъ ихъ любить его. — А какимъ образомъ
Ѳемистоклъ заставилъ гражданъ любить его? — Увѣряю тебя,
что не чарами; но онъ „обвязалъ“ ихъ благодѣяніями. — Ка- 14.
жется ты, Сократъ, утверждаешь, что если мы желаемъ пріобрѣсть
хорошаго человѣка въ друзья, то сами должны быть людьми хо-
рошими? — А ты думаешь, что можно быть дурнымъ человѣкомъ
и имѣть честныхъ друзей? сказалъ Сократъ. — По крайней мѣрѣ 15.
я видѣлъ, отвѣчалъ Критовулъ, что плохіе риторы въ дружбѣ съ
извѣстными ораторами и что люди, негодные для командованія
войскомъ, въ хорошихъ отношеніяхъ съ людьми, хорошо поня-
мающими военное дѣло. — Значитъ и по отношенію къ предмету 16.
нашей бесѣды ты знаешь такихъ, которые, будучи сами людьми
безполезными, умѣютъ пріобрѣсть полезныхъ друзей?

— Нѣтъ, я не думаю этого, сказалъ Критовулъ: но если не
возможно быть дурнымъ человѣкомъ и имѣть честныхъ друзей,
то я желалъ бы знать, можно-ли, сдѣлавшись прекраснымъ чело-
вѣкомъ, тотчасъ подружиться съ прекраснымъ? — Тебя, Крито- 17.
вулъ, вѣроятно смущаетъ то обстоятельство, что ты не разъ ви-
дѣлъ, какъ люди, съ хорошими поступками и чуждые пороковъ,
вмѣсто того чтобы быть въ дружбѣ, живутъ въ раздорѣ и еще
хуже обращаются другъ съ другомъ, чѣмъ люди не заслужива-
ющіе никакого уваженія? — Да не только такъ поступаютъ частныя 18.
лица, отвѣчалъ Критовулъ, но даже государства, чрезвычайно
преданныя заботамъ о прекрасномъ и ничуть не допускающія по-
зорнаго, нерѣдко враждебно относятся одно къ другому. Такъ 19.
что, принимая это во вниманіе, я совершенно падаю духомъ въ
виду пріобрѣтенія друзей, такъ какъ вижу, что ни порочные люди
не могутъ состоять въ дружбѣ другъ съ другомъ, — да и въ
самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ можетъ быть другомъ человѣкъ
неблагодарный, небрежный, своекорыстный, ненадежный, невоз-
держный; даже, на мой взглядъ, порочные люди положительно

20. будутъ скорѣе врагами, чѣмъ друзьями, — ни даже, какъ вотъ ты говоришь, порочные, въ дѣлѣ дружбы, никогда не могутъ жить въ согласіи съ честными. Да и какимъ образомъ человѣкъ, дѣлающій дурное, можетъ быть другомъ того, кто ненавидитъ дурное? Но, съ другой стороны, какіе могутъ быть друзья и гдѣ искать преданности и довѣрія, если изъ-за первенства въ государствѣ люди добродѣтельные живутъ въ раздорѣ и изъ зависти питаютъ взаимную ненависть?

21. Сократъ отвѣчалъ: Да, Критовулъ, это довольно странно. По природѣ люди, съ одной стороны, питаютъ любовь, потому что нуждаются другъ въ другѣ, жалѣютъ другъ друга и поддерживаются взаимною помощью, и на этомъ основаніи питаютъ признательность одинъ къ другому; но, съ другой стороны, люди питаютъ и вражду, потому что, считая данное хорошимъ или пріятнымъ, они изъ-за этого вступаютъ въ столкновенія, расходятся и враждуютъ. Споры и вспыльчивость тоже ведутъ къ враждѣ; жажда къ пріобрѣтеніямъ тоже возбуждаетъ злость, какъ
22. зависть возбуждаетъ ненависть. Тѣмъ не менѣе добродѣтель пробивается даже черезъ эти препятствія и связываетъ людей прекрасныхъ. Послѣдніе, въ силу добродѣтели, предпочитаютъ мирное пользованіе умѣреннымъ распоряженію всѣмъ, достигаемому враждой. Сами ощущая голодъ или жажду, они, не стѣсняясь, могутъ удѣлить (своимъ друзьямъ) и пищи и напитковъ, такъ точно какъ любуясь красотой, они могутъ настолько быть сдержанными, чтобъ не опечалить того, кого не слѣдуетъ.
23. Чуждые любостяжанія, они не только могутъ пользоваться своими деньгами цѣлесообразно, но и пособлять другъ другу. Они могутъ прекратить распри не только безъ взаимныхъ оскорбленій, но и съ соблюденіемъ взаимной пользы, и не доведутъ своихъ неудовольствій до того, чтобы послѣ раскаеваться. Что же касается зависти, то она положительно имъ чужда, какъ потому, что они собственное имущество предоставляютъ друзьямъ, такъ
24. потому, что принадлежащее друзьямъ считаютъ своимъ. Не слѣ-

дуетъ ли отсюда, что прекрасные граждане отнесутся къ государственнымъ почестямъ не только безъ взаимнаго вреда, но и съ соблюденіемъ взаимной пользы? Люди, желающіе въ государствѣ славы и власти для того только, чтобы имѣть возможность грабить, производить насиліе и наслаждаться удовольствіями, непремѣнно будутъ несправедливы и преступны, и не станутъ сходиться съ людьми противоположнаго направленія.

Съ другой стороны, люди стремящіеся къ уваженію среди 25.
своихъ согражданъ для того только, чтобы самимъ не испытывать обидъ и друзьямъ доставлять защиту, люди, которые, достигши власти, стараются оказывать услуги своему отечеству, такіе люди развѣ не станутъ сходиться съ подобными себѣ? Развѣ они менѣе будутъ въ состояніи помогать друзьямъ въ союзѣ съ прекрасными гражданами? И развѣ человѣкъ, имѣя прекрасныхъ помощниковъ, будетъ слабѣе въ дѣлѣ благодѣяній государству? Извѣстно, что еслибы даже на гимнастическихъ состязаніяхъ 26.
лучшимъ дозволялось итти общими силами противъ худшихъ, первые оставались бы побѣдителями на всѣхъ состязаніяхъ и получали бы всѣ награды. Но такъ какъ тамъ это не дозволяется, а въ общественныхъ дѣлахъ, гдѣ выступаютъ борцами лучшіе, никто не мѣшаетъ служить государству въ союзѣ съ кѣмъ угодно, то неужели не будетъ полезно пріобрѣсти честныхъ друзей, и такимъ образомъ править государственными дѣлами, имѣя ихъ въ качествѣ союзниковъ и сотрудниковъ, а не въ качествѣ противниковъ? Не менѣе извѣстно и то, что если кто начинаетъ борь- 27.
бу, онъ будетъ нуждаться въ зоюзникахъ, и тѣмъ болѣе будетъ нуждаться, если станетъ бороться съ прекрасными гражданами. Кромѣ того нужно оказывать услуги тѣмъ лицамъ, которые готовы быть въ союзѣ, чтобы они продолжали свою преданность; и даже гораздо болѣе нужны услуги по отношенію къ хорошимъ, но малочисленнымъ гражданамъ, чѣмъ по отношенію къ дурнымъ, хотя бы многочисленнымъ, такъ какъ дурные требуютъ гораздо болѣе одолженій, чѣмъ хорошіе. Итакъ, Критовулъ, смѣло стре- 28.

мись къ тому, чтобъ сдѣлаться хорошимъ гражданномъ, и когда сдѣлаешься, начни ловить прекрасныхъ гражданъ. Быть можетъ и я своими эротическими способностями помогу тебѣ въ этой охотѣ, потому что если я кого полюблю, я восторженно и всецѣло предаюсь тому, чтобы за свою любовь получать его любовь, за свое обожаніе его обожаніе и за свое желаніе его сообщества
29. — желаніе моего сообщества. Я увѣренъ, что и у тебя явится эта потребность, когда ты захочешь заключить съ кѣмъ либо дружбу. Не скрывай отъ меня, съ кѣмъ ты хочешь ее имѣть, такъ какъ я, вслѣдствіе своихъ заботъ быть любимъ тому, кто мнѣ любъ, не неопытенъ въ охотѣ на людей.

30. Критовулъ отвѣчалъ: Я давно уже стремлюсь къ этому знанію, тѣмъ болѣе если оно будетъ для меня пригодно по отношенію къ людямъ прекраснымъ душей и тѣломъ. — Но моей наукѣ, Критовулъ, возразилъ Сократъ, не свойственно, чтобы красивые терпѣли, когда на нихъ налагаютъ руки. Я даже полагаю, что потому-то люди и бѣжали отъ Сциллы, что она налагала на нихъ руки; тогда какъ Сиренамъ, въ силу того, что онѣ ни на кого не налагали рукъ, а очаровывали издали, всѣ отдавались и всѣ,
32. слушая ихъ, околдовывались. — Такъ научи меня, отвѣчалъ Критовулъ, какъ умѣешь, тому, что пригодно въ дѣлѣ пріобрѣтенія друзей. Я не буду налагать на нихъ рукъ. — Даже устъ къ устамъ не приложишь? спросилъ Сократъ. — Будь спокоенъ, отвѣчалъ Критовулъ, даже устъ къ устамъ не приложу, если только это не будетъ красивое лицо. — Это ты, Критовулъ, сказалъ вопреки тому, что ведетъ къ цѣли. Красивые не допускаютъ ничего подобнаго, тогда какъ безобразные сами этого желаютъ, такъ какъ думаютъ, что ихъ за душевныя качества назовутъ красивыми.

33. Критовулъ отвѣчалъ: Такъ я красиваго поцѣлую, а добраго расцѣлую. Смѣло учи меня охотѣ на друзей. — И такъ, когда ты захочешь быть чьимъ либо другомъ, то дозволишь мнѣ донести на тебя этому человѣку, что ты въ восторгѣ отъ него и что

добиваешься его дружбы? спросилъ Сократъ. — Доноси, отвѣчалъ Критовулъ: я знаю, что нѣтъ такого человѣка, который ненавидѣлъ бы своего хвалителя. — А если я кромѣ того донесу еще, 34.
что ты, вслѣдствіе своихъ восторговъ, и относишься къ нему благожелательно, не подумаешь ли ты, что я наклеветалъ на тебя? — Нисколько, отвѣчалъ Критовулъ: тогда у меня самого явится благожеланіе къ тому человѣку, относительно котораго
узнаю, что онъ благожелательно относится ко мнѣ. — Слѣдова- 35.
тельно, ты дозволяешь мнѣ говорить это о тебѣ тѣмъ лицамъ, которыхъ ты захочешь имѣть своими друзьями. Но если ты дозволишь еще говорить, что ты заботливъ о друзьяхъ и что никому такъ не радъ, какъ доброму другу; что ты хорошими поступками друзей восторгаешься не менѣе, чѣмъ собственными; что ты благополучію друзей радуешься, какъ собственному благополучію; что ты усердно заботишься, чтобы все было у друзей и что, по твоимъ убѣжденіямъ, достоинство мужчины состоитъ въ томъ, чтобы друзей превосходить благодѣяніями, а враговъ злодѣяніями, — тогда, я увѣренъ, для тебя будетъ очень полезно
имѣть меня помощникомъ въ охотѣ на добрыхъ друзей. — За- 36.
чѣмъ ты говоришь мнѣ это? сказалъ Критовулъ: какъ будто не отъ тебя зависитъ то, что̀ ты захочешь обо мнѣ говорить. — Увѣряю тебя, что нѣтъ, отвѣчалъ Сократъ: такъ даже я слышалъ нѣкогда отъ Аспазіи. Она утверждаетъ, что хорошія свахи только тогда годятся сводить людей къ союзу, когда онѣ по правдѣ сообщаютъ хорошее; если же онѣ лгутъ, тогда ихъ похвалы никуда не годны, потому что обманутые люди одинаково ненавидятъ и другъ друга и сваху. Зная это, я полагаю, что справедливо было бы, чтобы я не брался расхваливать тебя въ томъ, въ чемъ не
могу сказать правды. — Слѣдовательно, ты, Сократъ, для меня 37.
такой другъ, сказалъ Критовулъ, который будетъ содѣйствовать, если у меня окажется что-либо пригодное для пріобрѣтенія друзей; въ противномъ случаѣ, ты не рѣшишься выдумать что либо въ мою пользу?

Сократъ отвѣчалъ: Критовулъ, думаешь ли ты, что я болѣе помогу тебѣ ложной похвалой, чѣмъ внушеніемъ, чтобы ты ста-
38. рался быть хорошимъ человѣкомъ? Если это для тебя недостаточно ясно, ты поймешь изъ слѣдующаго. Если бы я, желая сдѣлать тебя другомъ хозяина корабля, началъ передъ нимъ ложно расхваливать тебя, будто ты хорошій кормчій, и онъ, послушавшись меня, поручилъ бы тебѣ, не знакомому съ этимъ дѣломъ, управленіе кораблемъ, имѣлъ ли бы ты какую-либо надежду на то, что не погубишь себя вмѣстѣ съ кораблемъ? Еще. Если бы я всенародно убѣдилъ государство ложными доводами, чтобы ввѣрили тебѣ управленіе, какъ человѣку, знакомому съ дѣломъ военнымъ, судебнымъ и гражданскимъ: что̀, по твоему мнѣнію, угрожало бы тебѣ и государству отъ твоей дѣятельности? Еще. Если бы я въ частной жизни обманомъ убѣдилъ кого либо изъ гражданъ поручить тебѣ имущество, какъ человѣку дѣйствительно знакомому съ хозяйствомъ и заботливому, не представилъ ли бы ты доказательства того, что ты здѣсь вреденъ,
39. и не показался ли бы ты вмѣстѣ смѣшнымъ? Да, Критовулъ; самый краткій, самый полезный и самый честный путь состоитъ въ томъ, чтобы стараться *быть* хорошимъ въ томъ отношеніи, въ которомъ желаешь только *казаться*. И относительно всѣхъ добродѣтелей, о которыхъ говорятъ, ты, подумавши, самъ придешь къ заключенію, что всѣ онѣ развиваются путемъ изученія и прилежанія. Такова, Критовулъ, я полагаю, должна быть охота на друзей. Если ты не согласенъ, доказывай. — Нѣтъ, Сократъ, отвѣчалъ Критовулъ: Мнѣ стыдно было бы возражать противъ этого, потому что я не сказалъ бы ничего честнаго или правдиваго.

## ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Разговоръ съ Аристархомъ о помощи въ крайности.

Кромѣ того Сократъ старался помогать друзьямъ и въ нуждѣ. Нужду, происшедшую отъ неразумія, онъ старался облегчить добрымъ совѣтомъ, относительно же нужды, происшедшей отъ

бѣдности, училъ, что нужно поддерживать другъ друга по мѣрѣ возможности. Я разскажу то, что знаю о немъ по этому вопросу. Однажды Сократъ, видя, что Аристархъ находится въ мрачномъ настроеніи духа, спросилъ его: Аристархъ, кажется, ты чѣмъ-то опечаленъ? Слѣдовало бы часть печали удѣлить друзьямъ. Быть можетъ, мы бы тебя сколько нибудь облегчили. — Да, Сократъ, 2.
отвѣчалъ Аристархъ: я нахожусь въ крайнемъ затрудненіи. Когда въ Аѳинахъ было возстаніе, и многіе бѣжали въ Пирей, у меня столько набралось оставленныхъ сестеръ родныхъ и двоюродныхъ и ихъ дочерей, что однихъ свободныхъ помѣщается въ домѣ 14 душъ. Изъ поля мы ничего не получаемъ, потому что имъ владѣютъ противники; изъ домовъ тоже: въ городѣ мало людей; вещей никто не покупаетъ, а занять негдѣ. Пожалуй, даже скорѣе можно найти на дорогѣ, чѣмъ достать въ займы. Тяжело, Сократъ, видѣть гибель родныхъ, но и прокормить столько человѣкъ, при такихъ обстоятельствахъ, тоже нѣтъ возможности.

Выслушавъ это, Сократъ сказалъ: Что это значитъ, что 3.
Керамонъ, прокармливая много человѣкъ. не только можетъ доставлять пропитаніе какъ себѣ, такъ и этимъ людямъ, но еще достигаетъ того, что наживаетъ богатства; между тѣмъ какъ ты, прокармливая много человѣкъ, боишься, чтобы всѣмъ вамъ не погибнуть отъ недостатка пропитанія? — Разумѣется, это оттого, что онъ кормитъ рабовъ, тогда какъ я кормлю свободныхъ, отвѣчалъ Аристархъ. — А кто, по твоему мнѣнію, лучше: твои 4.
ли свободные или Керамоновы рабы? спросилъ Сократъ. — Я думаю, что мои свободные. — Не странно-ли послѣ этого, что тотъ благоденствуетъ отъ тѣхъ, что хуже, а ты съ далеко лучшими бѣдствуешь? — Это само собою понятно, отвѣчалъ Аристархъ: онъ кормитъ мастеровъ, а я свободно-воспитанныхъ. — Стало быть мастера такія лица, которыя умѣютъ дѣлать что- 5.
либо полезное? спросилъ Сократъ. — Не иначе. — Такимъ образомъ мука, напр., вещь полезная? — Очень даже. — А хлѣбъ? — Не менѣе. — Платье мужское и женское: разные

хитоны, хламиды, эксомиды? — Да, и это все очень полезные предметы. — Твои ничего этого не умѣютъ дѣлать? — Сколько
6. мнѣ извѣстно, все умѣютъ. — А знаешь ли ты, что Навсикидъ однимъ приготовленіемъ муки не только кормитъ себя, домашнихъ, множество свиней и коровъ, но еще извлекаетъ такую пользу, что нерѣдко ставитъ „литургіи“ государству? Киревъ приготовленіемъ хлѣба содержитъ весь домъ и живетъ роскошно; Демей, изъ дема, Коллита живетъ приготовленіемъ хламидъ; Менонъ — приготовленіемъ хламидъ; а большая часть мегарянъ — приготовленіемъ эксомидъ. — Конечно, это такъ, отвѣчалъ Аристархъ; потому что эти люди покупаютъ варваровъ и заставляютъ ихъ исполнять работы, какія слѣдуетъ, но у меня люди свободные
7. и при томъ родственники. — Значитъ, въ силу того что они свободные и родственники, ты полагаешь, что они должны ничего не дѣлать, а только ѣсть и спать? Видѣлъ ли ты, чтобы и всѣ свободные, при такомъ образѣ жизни, жили пріятнѣе и пользовались большимъ счастіемъ, чѣмъ тѣ, которые добываютъ извѣстныя имъ и полезныя для жизни средства? Замѣтилъ-ли ты, чтобы лѣность и нерадѣніе полезны были человѣку и въ дѣлѣ изученія того, что слѣдуетъ знать, и въ дѣлѣ запоминанія выученнаго, и въ здоровьи и крѣпости тѣла, и въ дѣлѣ пріобрѣтенія и сохраненія предметовъ, полезныхъ въ жизни, а труды и
8. заботы безполезны? Затѣмъ, такъ ли твои родственницы изучили то, что, по твоимъ словамъ, онѣ умѣютъ, что ничего не сдѣлаютъ даже изъ того, что полезно для жизни, или же, напротивъ того, могутъ тщательно исполнить и изъ этого извлечь для себя пользу? Еще. Въ какомъ случаѣ человѣкъ поступаетъ болѣе здраво? Тогда ли, когда ничего не дѣлаетъ, или тогда, когда заботится о полезномъ? Когда онъ болѣе справедливъ? тогда ли, когда работаетъ, или тогда, когда въ лѣности думаетъ о необходи-
9. момъ? Кромѣ того, въ настоящее время, какъ я полагаю, ни ты ихъ не любишь, ни онѣ тебя; ты потому, что считаешь ихъ своимъ раззореніемъ; онѣ потому, что видятъ твое на нихъ

недовольство, Отъ этого можетъ произойти еще большая вражда и исчезнуть прежняя признательность. Но если ты побудишь ихъ къ извѣстной работѣ, тогда и ты будешь ихъ любить, потому что будешь видѣть, что онѣ полезны, и онѣ будутъ тебя любить, потому что будутъ чувствовать, что ты доволенъ ими. Тогда вы съ большею пріятностью будете вспоминать прошлыя услуги, возвысите проистекающее оттуда чувство признательности и будете относиться другъ къ другу еще съ большимъ чувствомъ любви и родственности. Конечно, если бы имъ пришлость сдѣ- 10.
лать что либо позорное, въ такомъ случаѣ лучше уже предпочесть смерть, но, какъ оказывается, онѣ умѣютъ такія работы, какія признаются для женщинъ самыми приличными и самыми подходящими. Да и всякій человѣкъ трудится надъ тѣмъ, что онъ умѣетъ дѣлать легко, скоро, красиво и съ пріятностью. И такъ, не долго думай и предложи имъ заняться тѣмъ, что будетъ полезно для тебя и для нихъ. Онѣ навѣрное послушаютъ тебя охотно.

Аристархъ отвѣчалъ: Сократъ, клянусь богами, твой со- 11.
вѣтъ превосходный; такъ что хотя я до сего времени избѣгалъ займа, потому что зналъ, что, истративши, не буду въ состояніи возвратить занятое, теперь спокойно рѣшаюсь сдѣлать это для начала предпріятія.

Въ слѣдъ за этимъ достали денегъ на-починъ и накупили 12.
шерсти. Въ продолженіе работъ родственницы имѣли обѣдъ, а послѣ работъ ужинъ. Изъ мрачныхъ всѣ сдѣлались веселы и вмѣсто прежнихъ недовѣрчивыхъ взглядовъ теперь дружелюбно смотрѣли другъ на друга. Родственницы любили Аристарха какъ опекуна, а Аристархъ относился къ нимъ съ уваженіемъ, какъ къ полезнымъ работницамъ. Наконецъ онъ пришелъ къ Сократу и съ радостію разсказалъ ему обо всемъ этомъ и сообщилъ, что онѣ укоряютъ его въ томъ, что изъ всѣхъ домашнихъ онъ одинъ даромъ ѣстъ. Сократъ на это сказалъ: Отчего же ты не раз- 13.
сказалъ имъ *басни о собакѣ*? Говорятъ, что когда еще живот-

ныя говорили, овца сказала своему хозяину такъ: Ты странно поступаешь. За то, что мы доставляемъ тебѣ шерсть, пятнятъ сыръ, ты ничего не даешь намъ такого, чего бы мы не могли получить изъ земли; тогда какъ собакѣ, которая не доставляетъ тебѣ ничего подобнаго, ты даешь ту-же пищу, которую самъ кушаешь. Собака, услышавши это, сказала: Разумѣется, такъ и слѣдуетъ, потому что я вашъ хранитель, въ слѣдствіе чего васъ и люди не крадутъ, и волки не рвутъ, а если бы я не стерегла васъ, то вы отъ страха, чтобы не погибнуть, не могли бы даже пастись. Тогда, говорятъ, овцы согласились на предпочтеніе имъ собаки. Такъ и ты скажи родственницамъ, что ты служишь, въ родѣ собаки, сторожемъ и охранителемъ, и что, благодаря тебѣ, никто ихъ не трогаетъ и онѣ живутъ спокойно и въ пріятныхъ занятіяхъ.

14.

## ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Разговоръ съ Евпиромъ о трудѣ свободнаго человѣка.

Увидѣвши, спустя долгое время, стариннаго друга, Евпира, Сократъ спросилъ его: Откуда ты, Евпиръ? — Къ концу войны изъ границы, а теперь отсюда-же, отвѣчалъ тотъ. Я лишился своего заграничнаго имущества; въ Аттикѣ мнѣ отецъ ничего не оставилъ, и теперь я принужденъ дома физическимъ трудомъ доставать пропитаніе. Все-таки это, по моему, лучше, чѣмъ просить у кого бы то ни было, особенно когда у меня ничего нѣтъ, чтобы взять подъ залогъ. — А сколько времени, ты полагаешь, твое тѣло будетъ въ состояніи доставлять тебѣ пропитаніе за плату? — Разумѣется, не долго, отвѣчалъ Евпиръ. — Значитъ, сказалъ Сократъ, когда ты достигнешь старости, то во всякомъ случаѣ будешь нуждаться въ средствахъ, но тогда никто не согласится платить тебѣ за твои труды. — Ты правъ, отвѣчалъ Евпиръ. — Не лучше ли продолжалъ Сократъ, сразу заняться такой работой, которая пригодилась бы тебѣ и въ старости? Не лучше ли отправиться къ кому либо изъ богатыхъ людей и нуждаю-

2.

3.

щемуся въ помощникѣ, принять завѣдываніе его работами, помогать въ сборѣ посѣвовъ и охраненіи имущества и такимъ образомъ, принося ему пользу, приносить и себѣ? — Тяжело, Сократъ, идти въ рабство, отвѣчалъ Евѳипръ. — Однакоже тѣ, что блюдутъ государственныя дѣла или охраняютъ общественное имущество, не только отъ этого не считаются рабами, но напротивъ, даже независимѣе, — возразилъ Сократъ. — Во всякомъ случаѣ, Сократъ, я очень не желаю быть кому бы то ни было подсуднымъ, отвѣчалъ Евѳипръ. — Да вѣдь и такъ не очень-то легко найти работу, чтобы не подвергаться допросамъ; потому что трудно сдѣлать что нибудь такъ, чтобы не допустить никакого недосмотра; трудно даже, и не допустивши недосмотра, не напасть на невѣжественнаго критика, и для меня удивительно, какъ тебѣ при теперешнихъ занятіяхъ легко оставаться безупречнымъ. Потому-то нужно стараться избѣгать такихъ (начальниковъ), которые любятъ дѣлать выговоры, и искать снисходительныхъ, и держаться занятій посильныхъ, уклоняясь отъ занятій не по силамъ, а за своей работой смотрѣть возможно усерднѣе. Тогда, я увѣренъ, ты менѣе будешь въ отвѣтѣ и болѣе найдешь защиты въ бѣдности, и проведешь жизнь болѣе удобно и болѣе безопасно, съ возможнымъ достаткомъ въ старости. 4. 5. 5.

## ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Совѣтъ Критону противъ сикофантовъ.

Я помню, какъ онъ однажды слушалъ жалобы Критона на то, что трудно жить въ Аѳинахъ человѣку, который желаетъ заняться собственными дѣлами. Вотъ и теперь, говорилъ Критонъ, меня требуютъ въ судъ, и не потому чтобы я кого обидѣлъ, а потому что думаютъ, что я охотнѣе заплачу деньги, чѣмъ начну тяжбу.

Сократъ отвѣчалъ: Критонъ! Ты держишь собакъ, чтобъ онѣ не допускали волковъ до овецъ? — Какже! отвѣчалъ Критонъ: для меня гораздо выгоднѣе держать, чѣмъ не держать. — 2.

Отчего же тебѣ не держать такого человѣка, который былъ бы готовъ и умѣлъ не допускать до тебя людей, покушающихся
3. сдѣлать на тебя нападеніе? — Да я охотно держалъ бы, если бы не боялся, что онъ накинется на меня же. — Такъ что же? спрашивалъ Сократъ: развѣ ты не знаешь, что гораздо пріятнѣе пользоваться такимъ человѣкомъ, какъ ты, находясь въ хорошихъ отношеніяхъ, чѣмъ находясь во враждѣ? Будь увѣренъ, что здѣсь найдутся люди, для которыхъ будетъ лестно пользоваться твоей дружбой.

4. Вслѣдствіе этого нашли Архидема, человѣка очень бойкаго на слово и на дѣло, но бѣднаго. Онъ не былъ способенъ изъ всего извлекать барыши, но былъ честенъ и говаривалъ, что самое лучшее, это — отнять что нибудь у сикофанта. Критонъ постоянно началъ удѣлять ему изъ собираемаго хлѣба, масла, вина, шерсти и разныхъ полевыхъ произведеній, полезныхъ въ жизни. Приглашалъ Архидема, когда приносилъ жертвы, и вообще
5. оказывалъ ему всякаго рода вниманіе. Архидемъ, считая домъ Критона своимъ убѣжищемъ, тѣмъ болѣе былъ предупредителенъ въ отношеніи Критона. Скоро послѣ этого онъ открылъ множество преступленій, совершенныхъ сикофантами Критона, и множество ихъ враговъ. Тогда онъ одного сикофанта подвелъ подъ уголовное преступленіе, за которое сикофантъ долженъ былъ под-
6. вергнуться тѣлесному наказанію или денежному штрафу. Сикофантъ, сознавая за собою множество преступленій, употреблялъ всѣ усилія, чтобы избавиться отъ Архидема, но послѣдній не отставалъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не прекратилъ своихъ доно-
7. совъ на Критона и не внесъ платы самому Архидему. Когда Архидемъ оказалъ эту услугу и много другихъ, тогда — подобно тому, какъ если одинъ пастухъ имѣетъ хорошую собаку, то другіе пастухи желаютъ поближе располагаться съ своимъ стадомъ, чтобы пользоваться его собакой, — такъ точно и многіе друзья Критона обращались къ нему съ просьбою объ Архидемѣ, и онъ
8. давалъ имъ его въ сторожа. Архидемъ охотно исполнялъ же-

ланія Критона; и такимъ образомъ не только самъ Критонъ былъ спокоенъ, но и друзья его. Если же кто-либо изъ недовольныхъ на Архидема укорялъ его, что онъ льстилъ Критону, потому что былъ облагодѣтельствованъ, то Архидемъ отвѣчалъ: „Что болѣе позорно? то-ли, когда человѣкъ, облагодѣтельственный честными людьми и съ своей стороны оказывающій имъ благодѣянія, дѣлаетъ ихъ своими друзьями, и ведетъ борьбу съ людьми преступными: или то, когда человѣкъ, стараясь сдѣлать зло честнымъ людямъ, дѣлаетъ ихъ своими врагами, и вмѣстѣ съ тѣмъ, помогая людямъ преступнымъ, старается сдѣлать послѣднихъ своими друзьями и имѣть сношенія съ послѣдними вмѣсто первыхъ?“

Такимъ образомъ Архидемъ былъ однимъ изъ друзей Критона и пользовался уваженіемъ со стороны всѣхъ его друзей.

## ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Совѣтъ Діодору помочь бѣдному другу.

Я помню также, что онъ имѣлъ слѣдующій разговоръ съ своимъ другомъ Діодоромъ: Скажи мнѣ, Діодоръ: если бы у тебя бѣжалъ кто либо изъ рабовъ, ты бы заботился о томъ, чтобы получить его обратно? — Конечно; я и другихъ упрашиваю, и даже объявляю за это награду. — „Хорошо, отвѣчалъ Сократъ. Если кто либо изъ твоихъ рабовъ заболѣетъ, ты объ немъ заботишься и приглашаешь врачей, чтобы онъ не умеръ? — Непремѣнно, отвѣчалъ Діодоръ. — А если кто нибудь изъ твоихъ знакомыхъ, человѣкъ болѣе полезный, чѣмъ рабъ, подвергается опасности погибнуть отъ бѣдности, находишь ли ты этотъ случай заслуживающимъ твоихъ заботъ, чтобы знакомый оправился? Ты 3.
знаешь, что Гермогенъ другъ не непризнательный, и ему было бы стыдно, получая отъ тебя благодѣянія, не платить тебѣ тѣмъ же. Даже имѣть слугу преданнаго, искренняго и надежнаго, который не только умѣетъ исполнить приказанное, но и самъ по себѣ можетъ быть полезнымъ, можетъ предусмотрѣть и наперед

4. позаботиться, по моему мнѣнію, значитъ имѣть многихъ слугъ. И хорошіе хозяева говорятъ, что тогда слѣдуетъ покупать, когда дорогое можно купить дешево; но теперь, при такихъ обстоятельствахъ, можно пріобрѣсть хорошихъ друзей очень дешево. —
5. Ты хорошо совѣтуешь, Сократъ, сказалъ Діодоръ, и прикажи Гермогену прибыть ко мнѣ. — Ни въ какомъ случаѣ, отвѣчалъ Сократъ; потому что я нахожу, что и для тебя не будетъ лучше пригласить его, вмѣсто того, чтобы отправиться самому, да и для него будетъ гораздо полезнѣе, чтобы ты это сдѣлалъ самъ. —
6. Такимъ образомъ Діодоръ направился къ Гермогену, и съ малой тратой нашелъ въ немъ такого друга, который только и думалъ, чѣмъ оказать услугу или доставить удовольствіе Діодору.

# Книга Третья.

## СОКРАТЪ ВЪ ОБРАЩЕНІИ СЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ПРАКТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ, НАУКИ, ИСКУСТВА, И ВЪ ЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЯХЪ.

### ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Разговоръ Сократа съ Діонисодоромъ о военномъ начальствованіи.

Теперь я буду говорить о томъ, что Сократъ былъ полезенъ людямъ, стремившимся къ прекрасному, потому что заставлялъ ихъ быть внимательными къ предмету своихъ стремленій. Такъ, напр., узнавъ однажды, что въ Аѳины прибылъ Діонисодоръ съ объявленіемъ учить „Искуству начальствованія надъ войсками“, Сократъ обратился съ слѣдующими словами къ одному изъ своихъ слушателей, о которомъ слышалъ какъ о желавшемъ достигнуть этой славы: Юноша, стыдно было бы тому человѣку, который, 2.
желая быть военнымъ начальникомъ въ государствѣ и имѣя возможность изучить это дѣло, отнесся къ нему небрежно. Такой человѣкъ можетъ быть наказанъ государствомъ съ гораздо большей справедливостью, чѣмъ тотъ, который взялся бы за статуи, не изучивъ ваянія. Если бы такому стратегу вручить въ опасное 3.
военное время цѣлое государство, то естественно, что отъ его правильныхъ дѣйствій произошло бы много хорошихъ послѣдствій, а отъ ошибочныхъ — много дурныхъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ не наказывать такого человѣка, который не думаетъ объ изученіи предмета, а между тѣмъ хлопочетъ, чтобы его избрали начальникомъ? — Такими словами Сократъ убѣдилъ этого юношу отправиться для ученія. Когда онъ воз- 4.

вратился уже послѣ изученія, Сократъ началъ подшучивать надъ нимъ: Аѳиняне! сказалъ Сократъ: не находите ли вы, что, въ родѣ того какъ Гомеръ назвалъ Агамемнона „важнымъ“, такъ и онъ, послѣ изученія стратегіи, кажется нѣсколько важнѣе? Какъ человѣкъ, изучившій игру на кѳарѣ, все-таки кѳаристъ, хотя бы и не игралъ, или какъ человѣкъ, изучившій врачебное искусство, все-таки врачъ, хотя бы не лѣчилъ, такъ и ты съ настоящаго времени всегда будешь полководцемъ, хотя бы тебя никто
5. и не выбралъ въ полководцы. Но чтобы и намъ быть знакомыми съ военнымъ дѣломъ, въ случаѣ кто либо изъ насъ будетъ у тебя таксіархомъ или лохагомъ, ты разскажи намъ, съ чего онъ началъ обученіе тебя стратегическому искуству. — Съ того же самаго, отвѣчалъ тотъ, чѣмъ и закончилъ. Онъ училъ меня такти-
6. кѣ и больше ничему. — Что жъ? это самая незначительная часть стратегіи, сказалъ Сократъ. Полководецъ долженъ умѣть приготовить, что требуется на войнѣ, и достать продовольствіе солдатамъ, быть находчивымъ, дѣятельнымъ, заботливымъ, стойкимъ, проницательнымъ, ласковымъ и вмѣстѣ суровымъ, открытымъ и лукавымъ, осторожнымъ и обманчивымъ, способнымъ на рискъ, но и способнымъ на хищничество, щедрымъ и скупымъ, самоувѣреннымъ и предпріимчивымъ, и вообще человѣкъ, желающій быть хорошимъ полководцемъ, долженъ имѣть много разныхъ качествъ,
7. какъ отъ природы, такъ и отъ науки. Тактика тоже важный предметъ. Далеко не одно и тоже — войско построенное и войско непостроенное, такъ точно, какъ, напр., камни, кирпичь, дерево и известь, если ихъ набросать въ безпорядкѣ, будутъ безполезны, но если снизу и сверху положить то, что не гніетъ и не разлазится, именно камни и известь, а по серединѣ дерево и кирпичь, какъ это дѣлается при постройкахъ, тогда выйдетъ превосходное
8. произведеніе — домъ. — Да, это ты сдѣлалъ очень вѣрное сравненіе, отвѣчалъ молодой человѣкъ: — дѣйствительно, въ битвѣ нужно ставить во фронтѣ и въ тылу лучшихъ солдатъ, а въ центрѣ худшихъ, чтобы этихъ худшихъ одни вели, другіе подтал-

кивали. — Если бы онъ при этомъ выучилъ тебя различать хо- 9.
рошихъ солдатъ отъ дурныхъ, — продолжалъ Сократъ; въ про-
тивномъ случаѣ, какая для тебя польза изъ того, что ты выучилъ?
Вѣдь, для тебя было бы совершенно безполезно, если бы тебѣ
сказали, напр., спереди и сзади помѣстить лучшія деньги, а въ
серединѣ худшія, но при этомъ не научили различать настоящихъ
денегъ отъ фальшивыхъ? — Онъ, въ самомъ дѣлѣ, этому не
училъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, — такъ что мы уже сами должны
различать дурныхъ отъ хорошихъ. — Такъ отчего же намъ не 10.
разсмотрѣть, какимъ образомъ не впасть въ такихъ случаяхъ въ
ошибки? — Я согласенъ, сказалъ молодой человѣкъ. — Такимъ
образомъ, если бы пришлось бросаться на деньги, то мы, поста-
вивъ любящихъ деньги впереди, поставили бы ихъ на своемъ мѣ-
стѣ? — Я думаю. — Какъ же поступить? Очевидно, нужно впе-
реди поставить тѣхъ, которые любятъ славу? — Да, дѣйствительно,
они изъ-за славы готовы на опасность. Такіе люди даже не
скрываются, они всѣмъ извѣстны и ихъ легко найти. — Но онъ 11.
училъ тебя просто ставить солдатъ, или же училъ, гдѣ и какъ
нужно пользоваться каждымъ строемъ? — Нѣтъ, не училъ. —
Есть много случаевъ, когда нельзя одинаковымъ образомъ
строить ряды или вести въ бой. — Нѣтъ, онъ этого не разъясни-
лъ. — Такъ ты, право, сходи къ нему еще разъ и распроси,
сказалъ Сократъ. Если онъ знаетъ и если онъ человѣкъ не
безстыдный, то постыдится взять съ тебя деньги и отпустить съ
незнаніемъ.

## ГЛАВА ВТОРАЯ.

### Объ обязанностяхъ полководца и правителя.

Встрѣтившись съ однимъ аѳинянином, избраннымъ въ полководцы,
Сократъ сказалъ ему: Какъ ты думаешь? Почему Гомеръ назвалъ
Агамемнона *пастыремъ народовъ?* Не потому-ли, что какъ па-
стырь долженъ заботиться, чтобы его овцы были невредимы и
имѣли пропитаніе и чтобы достигалась та цѣль, ради которой онѣ

кормятся, такъ и полководецъ долженъ заботиться, чтобы его солдаты были невредимы, имѣли продовольствіе и чтобы достигалась та цѣль, ради которой они воюютъ? А воюютъ они для того, чтобы, побѣждая непріятелей, наслаждаться большимъ благополучіемъ. Почему, напр., Гомеръ съ такой похвалой выразился объ Агамемнонѣ:

2. Оба достоинства: славный владыка и сильный воитель.

Не потому-ли, что „сильный воитель“ бываетъ не тогда, когда самъ одинъ хорошо сражается противъ непріятелей, но когда побуждаетъ къ этому и всѣ войска? И не не потому-ли, что „славный владыка“ бываетъ не тогда, когда хорошо устраиваетъ только собственное положеніе, но тогда, когда онъ виновникъ
3. благополучія и своихъ подданныхъ? И дѣйствительно, царь избирается не для того, чтобы только о себѣ хорошо заботиться, но чтобы и избравшіе его были черезъ него счастливы. Точно также всѣ идутъ на войну, для того чтобы ихъ жизнь была возможно лучше; и полководцевъ избираютъ для того, чтобы по-
4. слѣдніе были ихъ предводителями, имѣя *это* въ виду. И полководецъ долженъ доставлять требуемое тѣмъ, кто его выбралъ въ полководцы, потому что не легко найти что либо возвышеннѣе исполненія такого долга и не легко найти что либо безчестнѣе противоположнаго этому. — Въ такомъ родѣ разсматривая достоинства хорошаго полководца, Сократъ не обращалъ вниманія на остальное, а требовалъ только доставленія благополучія тѣмъ которыми полководецъ предводительствуетъ.

## ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Разговоръ объ обязанностяхъ начальника конницы.

Я помню, что онъ имѣлъ слѣдующій разговоръ съ однимъ человѣкомъ, избраннымъ въ начальники конницы. Сократъ сказалъ: Молодой человѣкъ, можешь ли ты мнѣ сказать, почему ты захотѣлъ быть гиппархомъ? Не потому же, въ самомъ дѣлѣ, чтобы ѣхать впереди: это предоставляется верховымъ стрѣлкамъ,

которые поэтому ѣздятъ впереди даже гиппарховъ. — Конечно, не потому, отвѣчалъ тотъ. — И не потому, чтобы тебя знали? Сумасшедшихъ тоже всѣ знаютъ. — Конечно. — Но потому, что 2.
надѣешься представить конницу въ лучшемъ видѣ и что въ случаѣ надобности въ всадникахъ, ты, предводительствуя ими, надѣешься быть виновникомъ какихъ либо услугъ для государства? — Именно, отвѣчалъ тотъ. — Конечно, это дѣло хорошее, сказалъ Сократъ, если только ты въ состояніи выполнить. Но та власть, къ которой ты назначенъ, касается не только лошадей, но и всадниковъ? — Да. — Такъ скажи намъ прежде всего, какъ ты 3.
намѣренъ сдѣлать лошадей лучше. — Тотъ отвѣчалъ: Да это, я полагаю, не мое дѣло, а каждый въ отдѣльности долженъ заботиться о своемъ конѣ. — Какая же будетъ для тебя польза изъ 4.
конницы, если одни представятъ тебѣ лошадей съ такими кривыми ногами или кривыми колѣнями, или настолько безсильныхъ, что эти лошади не въ состояніи будутъ идти; другіе — на столько не выѣзженныхъ, что онѣ не устоятъ, куда ихъ ни поставить, а третьи на столько не укротимыхъ, что ихъ нельзя даже ставить въ строй? Какимъ образомъ, командуя такою конницею, ты будешь въ состояніи оказать какую либо услугу государству?

Ты вѣрно говоришь, отвѣчалъ молодой человѣкъ, и я всѣми 5.
силами буду заботиться о лошадяхъ. — Дальше. Относительно всадниковъ ты тоже примешь мѣры сдѣлать и ихъ лучше? — Да, я думаю. — Слѣдовательно, ты прежде всего сдѣлаешь, чтобы они умѣли садиться на лошадей? — Непремѣнно; тогда если иной и упадетъ, скорѣе оправится. — Теперь. Если придется 6.
дѣйствовать, то прикажешь ли ты вывести непріятелей на песокъ, гдѣ вы обыкновенно ѣздите, или ты будешь производить маневры въ такой мѣстности, въ какой попадутся непріятели? — Разумѣется, послѣднее, сказалъ тотъ. — Еще, продолжалъ Сократъ: 7.
ты будешь прилагать извѣстныя старанія, чтобы возможно большее число умѣло бросать дротики съ коней? — Да, и это нужно. — Думаешь ли ты о томъ, чтобы возбуждать чувства всадниковъ

и воодушевлять ихъ противъ непріятеля? — Хотя не думалъ, но съ этого времени постараюсь, отвѣчалъ молодой человѣкъ. —
8. А позаботился ли ты о томъ, чтобы тебѣ повиновались всадники? Безъ этого, разумѣется, нѣтъ никакой пользы ни въ лошадяхъ, ни въ всадникахъ, хотя бы они были хороши и храбры. — Это вѣрно, сказалъ молодой человѣкъ, но какимъ образомъ, Сократъ,
9. довести ихъ до этого? — Тебѣ, конечно, извѣстно, отвѣчалъ Сократъ, что во всякомъ дѣлѣ люди охотнѣе всего слушаются того, кого считаютъ выше. Такимъ образомъ, въ болѣзни люди болѣе всего слушаются того, кого считаютъ лучше знающимъ врачебное искусство; во время плаванія — лучшаго кормчаго, въ земледѣліи — лучшаго земледѣльца. — Дѣйствительно такъ, отвѣчалъ тотъ. — Не слѣдуетъ ли, что, и въ отношеніи конницы, они захотятъ болѣе слушаться того, кто окажется болѣе знаю-
10. щимъ, что слѣдуетъ дѣлать? — Значитъ, Сократъ, если я окажусь выше всѣхъ ихъ, то этого будетъ съ меня достаточно для ихъ повиновенія? — Да, если ты при этомъ внушишь имъ, что повиновеніе тебѣ будетъ для нихъ же дѣломъ гораздо лучшимъ и болѣе спасительнымъ. — Какъ же я имъ внушу? — Повѣрь, что это далеко легче, чѣмъ если бы тебѣ пришлось доказывать,
11. что дурное лучше и полезнѣе хорошаго. — Такъ ты говоришь, сказалъ молодой человѣкъ, что гиппарху нужно заботиться умѣть говорить? — А ты думаешь, что онъ долженъ командовать молча? Развѣ тебѣ не приходило на мысль, что не только все то, что мы вслѣдствіе законовъ знаемъ, какъ прекрасное, и посредствомъ чего умѣемъ пользоваться жизнью, мы изучили посредствомъ слова, но что и остальные прекрасные предметы изученія если изучаются, то изучаются посредствомъ слова; что превосходные учители дѣйствуютъ только словомъ и что тѣ, которымъ доступны самые трудные предметы, превосходно владѣютъ
12. словомъ? Задумывался ли ты также надъ тѣмъ, что когда собирается даже одинъ хоръ изъ нашего города, напр., когда посылаютъ на Делосъ, то нигдѣ ни какой хоръ не можетъ равняться

съ нашимъ, такъ точно какъ ни въ одномъ городѣ не собирается
такого количества прекрасныхъ мужчинъ, какъ здѣсь? — Ты 13.
правъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ. — Но не столько аоняне
отличаются отъ другихъ эллиновъ благозвучіемъ или ростомъ и
силой тѣла, сколько любовью къ славѣ: она-то, главнымъ обра-
зомъ, побуждаетъ ихъ къ прекрасному и похвальному. — И это
вѣрно, сказалъ молодой человѣкъ. — Видишь ли ты теперь, что 14.
если позаботишься и о нашей конницѣ, то и въ этомъ отношеніи
можешь далеко превзойти другихъ какъ заготовкой оружія и ло-
шадей, такъ и порядкомъ и готовностью бросаться на непріятеля,
если только всадники будутъ убѣждены, что за это получатъ
похвалу и честь? — Да, вѣроятно, отвѣчалъ тотъ. — Такъ ты 15.
не долго думай, сказалъ Сократъ, и старайся направить своихъ
людей къ тому, откуда ты самъ достигнешь пользы, а черезъ
тебя и всѣ граждане. — Могу тебя увѣрить, что буду стараться,
сказалъ молодой человѣкъ.

## ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Разговоръ съ Никомахидомъ о полководцѣ и хозяинѣ.

Встрѣтившись однажды съ Никомахидомъ, возвращавшимся
изъ выборовъ, Сократъ спросилъ его: Никомахидъ, кого выбрали
въ стратеги? — Да развѣ это не въ характерѣ аоинянъ, отвѣчалъ
Никомахидъ, что они не выбрали меня, когда я столько истратилъ
силъ въ обязательной военной службѣ то въ должности лохала, то
въ должности таксіарха, и столько получилъ ранъ отъ непріятелей,—
при этомъ онъ раскрылъ платье и показалъ рубцы, — а выбрали
Антисѳена, который никогда не служилъ гоплитомъ, а служа въ
конницѣ, не сдѣлалъ ничего особеннаго, и больше ничего не
знаетъ кромѣ того, чтобы собирать деньги. — А развѣ это не 2.
хорошо? спросилъ Сократъ; по крайней мѣрѣ, онъ съумѣетъ
доставить для солдатъ необходимое. — Положимъ, и купцы
умѣютъ собирать деньги, отвѣчалъ Никомахидъ, но изъ этого не
слѣдуетъ, что они могутъ быть стратегами. — Сократъ на это

сказалъ: Однако и Антисѳенъ честолюбивъ, — что̀ непремѣнно требуется отъ стратега. Развѣ ты не знаешь, что сколько разъ онъ ставилъ хоры, всегда оставался побѣдителемъ? — Это такъ, отвѣчалъ Никомахидъ, но совсѣмъ не одно и тоже предводительствовать хоромъ и предводительствовать войсками. — Да Антисѳенъ не умѣлъ научить и пѣнію, какъ хоровому дѣлу, однако умѣлъ найти людей, хорошо знакомыхъ съ этими предметами. — Значитъ, онъ и въ военномъ дѣлѣ будетъ искать однихъ для устройства войска, а другихъ для сраженія? спросилъ Никомахидъ. — Что-жъ? Если онъ и въ военномъ дѣлѣ найдетъ и отличитъ людей, хорошо знакомыхъ съ военнымъ дѣломъ, какъ это было съ хорами, то и здѣсь онъ, надо полагать, одержитъ побѣду. Пожалуй, онъ даже охотнѣе будетъ нести издержки для полученія совмѣстно съ цѣлымъ государствомъ побѣды надъ непріятелемъ, чѣмъ несъ ихъ для полученія побѣды хорами только съ своей филой? — Такъ ты говоришь, Сократъ, что одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ быть и хорегомъ, и стратегомъ? — Да, если человѣкъ завѣдуетъ чѣмъ либо, знаетъ что нужно и можетъ это доставить, онъ будетъ хорошимъ начальникомъ, завѣдуетъ ли онъ хорами, или домомъ, государствомъ, войскомъ, сказалъ Сократъ. — Сократъ, сказалъ Никомахидъ: никогда я не ожидалъ услышать отъ тебя, что хорошій домоправитель можетъ быть хорошимъ стратегомъ. — Такъ мы разсмотримъ обязанности каждаго и увидимъ, одинаковы ли они, или чѣмъ-либо отличаются. — Охотно, отвѣчалъ Никомахидъ. — И такъ, не выгодно ли для нихъ обоихъ снискать любовь своихъ подчиненныхъ? — Я думаю. — Находишь ли ты также полезнымъ для обоихъ пріобрѣтеніе союзниковъ и помощниковъ, или нѣтъ? — Конечно, нахожу полезнымъ. — Не слѣдуетъ ли имъ умѣть беречь то, что у нихъ есть? — Непремѣнно. — Значитъ, и быть внимательными и трудолюбивыми каждому въ своемъ предметѣ? — Все это, дѣйствительно, одинаковое дѣло обоихъ, — сказалъ Никомахидъ, но сражаться не обоихъ. —

Но враги бываютъ у того и другого? спросилъ Сократъ. — Бываютъ. — И одержать надъ ними побѣду полезно для обоихъ? — Дѣйствительно, отвѣчалъ Никомахидъ; но оставимъ это. Какая 11.
польза изъ домоводства въ случаѣ сраженія? — И здѣсь польза громадная, сказалъ Сократъ: хорошій хозяинъ, зная, что нѣтъ ничего такъ полезнаго и прибыльнаго, какъ побѣда въ сраженіи надъ непріятелемъ, и что нѣтъ ничего такъ вреднаго и разрушительнаго, какъ пораженіе, ревностно будетъ пріискивать то, что полезно для побѣды, внимательно будетъ наблюдать за тѣмъ, что ведетъ къ пораженію, и избѣгать послѣдняго. Онъ смѣло пойдетъ въ сраженіе, если найдетъ свои средства обѣщающими побѣду, и всячески будетъ избѣгать начать битву, если къ этому не будетъ приготовленъ. Потому ты не смотри съ такимъ пренебреженіемъ 12.
на хозяина. Забота о собственномъ только количественно разнится отъ заботы объ общественномъ; въ другихъ отношеніяхъ она совершенно одинакова. Главное здѣсь то, что ни та, ни другая не обходится безъ людей и что не бываетъ такъ, что частныя дѣла совершаются одними людьми, а общественныя другими. Лица, заботящіяся объ общественныхъ дѣлахъ, обращаются къ тѣмъ же людямъ, какъ и устрояющіе собственныя. Такимъ образомъ тотъ, кто умѣетъ съ людьми обращаться, тотъ хорошо ведетъ и свои дѣла, и общественныя, а кто не умѣетъ, тотъ въ обоихъ случаяхъ терпитъ неудачу.

## ГЛАВА ПЯТАЯ.

Разговоръ съ Периклomъ — сыномъ объ аѳинянахъ.

Однажды онъ имѣлъ слѣдующій разговоръ съ Периклomъ, сыномъ знаменитаго Перикла. Периклъ, сказалъ Сократъ; я питаю надежду, что если ты стдѣлаешься стратегомъ, наше государство, въ военномъ отношеніи, далеко возвысится и прославится и одержитъ верхъ надъ своими врагами. — Да, Сократъ, я желалъ бы исполненія твоихъ словъ, сказалъ Периклъ, но не могу придумать, какъ это сдѣлать, — Такъ вотъ мы побесѣдуемъ

объ этомъ и посмотримъ, гдѣ лежитъ эта возможность. — Охотно, сказалъ Перикл.

2. Извѣстно ли тебѣ, спросилъ Сократъ, что аѳиняне, по количеству, нисколько не меньше беотійцевъ? — Извѣстно, отвѣчалъ Перикл. — Но изъ аѳинянъ можно выбрать болѣе хорошихъ и красивыхъ людей? — Я думаю, что и въ этомъ отношеніи аѳиняне не уступаютъ беотійцамъ. — У которыхъ ты находишь больше взаимнаго согласія? — Я нахожу его болѣе у аѳинянъ, потому что люди изъ беотійцевъ, въ силу высокомѣрнаго обращенія съ ними ѳиванцевъ, враждебно относятся къ послѣд-
3. нимъ; въ аѳинянахъ я не вижу ничего подобнаго. — Но кромѣ этого, говорилъ Сократъ аѳиняне болѣе всѣхъ народовъ честолюбивы и великодушны, что̀ не менѣе побуждаетъ ихъ подвергаться опасностямъ для славы и для отечества. Такъ что аѳиняне и въ этомъ отношеніи не должны быть порицаемы. Дальше. Ни у кого нѣтъ болѣе замѣчательныхъ и болѣе многочисленныхъ великихъ дѣяній предковъ, какъ у аѳинянъ. Это многихъ воспламеняетъ, побуждаетъ стремиться къ доблести и дѣлаетъ ге-
4. роями. — Все это такъ, Сократъ, но ты знаешь, что съ того времени, какъ при Левадеѣ произошло пораженіе этой тысячи съ Толмидомъ и при Деліи съ Гиппократомъ, слава аѳинянъ въ глазахъ беотянъ уменьшилась, а высокомѣріе ѳиванцевъ въ отношеніи аѳинянъ увеличилось, такъ что беотійцы, которые до того времени не осмѣливались даже въ собственной землѣ бороться съ аѳинянами безъ лакедемонянъ и другихъ пелопоннесцевъ, теперь угрожаютъ собственными силами вторгнуться въ Аттику, тогда какъ аѳиняне, опустошавшіе Беотію когда беотійцы были одни, теперь боятся, чтобы послѣдніе не опустошили Аттики.

5. Сократъ отвѣчалъ: Я сознаю что это такъ, но полагаю, что теперь государство отнесется съ большимъ вниманіемъ къ хорошему полководцу, такъ какъ самоувѣренность ведетъ за собою небрежность, легкомысліе и непослушаніе; между тѣмъ страхъ дѣлаетъ людей внимательнѣе, послушнѣе и порядочнѣе.

Ты можешь замѣтить это и на морякахъ. Когда они ничего не опасаются, у нихъ полная безпорядочность; но когда они ожидаютъ бури или битвы, они не только исполняютъ все, ото имъ приказываютъ, но безмолвно ожидаютъ того, что имъ еще прикажутъ, совершенно какъ участвующіе въ хорахъ. — Что же? 7.
сказалъ Периклъ; если аѳиняне въ настоящее время готовы вполнѣ повиноваться, то кстати было бы придумать, чѣмъ бы ихъ побудить, чтобы они снова воспламенились былой доблестью, славой и благоденствіемъ. — Пожалуй, сказалъ Сократъ. Если 8.
бы мы желали, чтобы они старались присвоить себѣ извѣстныя вещи, принадлежащія другимъ, то мы сильнѣе всего побудили бы ихъ къ пріобрѣтенію тогда, когда доказали бы, что это вещи отцовскія и принадлежатъ имъ. Но такъ какъ мы желаемъ, чтобы они заботились о первенствѣ въ доблести, то мы должны доказать, что это первенство съ давнихъ поръ вполнѣ принадлежитъ имъ и что они, заботясь о первенствѣ, могутъ достигнуть превосходства надъ всѣми. — Какъ же имъ это внушить? — Я 9.
полагаю такимъ образомъ: мы напомнимъ имъ о самыхъ древнихъ, намъ извѣстныхъ, ихъ предкахъ, чтобы они знали, что ихъ предки были великіе люди. — Это ты говоришь о томъ судѣ бо- 10.
говъ, который разбиралъ за свои высокія качества Кекропсъ съ товарищами? — Да; и о рожденіи и воспитаніи Эрихѳея, о войнѣ, бывшей при немъ съ жителями всего занятаго материка, о войнѣ гераклидовъ съ пелопоннесцами, и о всѣхъ войнахъ бывшихъ при Ѳезеѣ, въ которыхъ во всѣхъ они ясно обнаружили свое превосходство надъ современниками. Пожалуй, я припомню 11.
и то, что впослѣдствіи совершили ихъ потомки, жившіе незадолго до нашего времени, которые частью собственными силами боролись противъ народа, господствовавшаго надъ всей Азіей и Европой до самой Македоніи, достигшаго величайшей силы и могущества изъ всѣхъ прежде бывшихъ народовъ и совершившаго великія дѣла; частью въ союзѣ съ пелопоннезцами отличились на сушѣ и на морѣ, при чемъ о нихъ разсказываютъ, что они далеко

превосходили своихъ современниковъ. — Да, говорятъ такъ, ска-
12. залъ Периклъ. — Потому-то, продолжалъ Сократъ, не смотря на много выселеній, бывшихъ въ Элладѣ, аѳиняне остались въ своей странѣ; потому-то многіе, споривше за права, получали имъ свои споры; потому-то многіе, обиженные сильнѣйшими, бѣжали къ нимъ подъ защиту.

13. Периклъ сказалъ: Но я удивляюсь, Сократъ, какимъ образомъ наше государство пришло въ упадокъ. — Я полагаю, сказалъ Сократъ, что какъ всѣ люди, не смотря на свои большія преимущества и превосходства, единственно вслѣдствіе нерадѣнія оказываются ниже своихъ соперниковъ, такъ точно и аѳиняне, въ силу своего большаго превосходства, перестали заботиться о себѣ и
14. вслѣдствіе этого стали хуже. — Такъ что-же намъ дѣлать, чтобы возвратить прежнюю доблесть? — Здѣсь нѣтъ ничего мудренаго, сказалъ Сократъ. Если бы они, изслѣдовавъ установленія предковъ, исполняли ихъ не хуже предковъ, то и сами были бы не хуже. Если же этого нельзя, то пусть бы по крайней мѣрѣ подражали тѣмъ, которые въ настоящее время считаются передовыми и дѣйствовали бы одинаково съ ними. Тогда, дѣйствуя одинаково, аѳиняне не были бы хуже, а дѣйствуя болѣе внимательно, были бы лучше.

15. Значитъ, ты утверждаешь, сказалъ Периклъ, что нашему государству чуждо доброе и прекрасное. Дѣйствительно, развѣ аѳиняне станутъ такъ уважать старшихъ, какъ лакедемоняне, когда они у самихъ отцовъ берутъ начало неуваженія къ стар-
16. шимъ? Станутъ ли они такъ заботиться о развитіи тѣла, когда они не только сами небрежно относятся къ хорошему тѣлосложенію, но даже насмѣхаются надъ тѣми, которые заботятся объ этомъ? Станутъ ли они повиноваться своимъ начальникамъ, когда они рады ихъ презрѣнію? Будетъ ли у нихъ единодушіе, когда они, вмѣсто взаимной помощи въ важныхъ вопросахъ, дѣйствуютъ вопреки другъ другу и питаютъ гораздо болѣе зависти другъ противъ друга, чѣмъ противъ чужихъ людей? Въ частныхъ и общественныхъ собраніяхъ они препираются до не-

вѣроятности, заводятъ безчисленныя тяжбы и такимъ образомъ предпочитаютъ наживаться на счетъ ближняго, а не путемъ взаимной помощи. Съ общественнымъ имуществомъ обращаются, какъ съ собственнымъ; за это опять борются и для нихъ чрезвычайно пріятно вліяніе въ подобныхъ случаяхъ. А изъ этого раждается 17.
въ государствѣ такъ много низости и гадости, такъ много вражды и взаимной ненависти, что я даже боюсь, чтобы съ нашимъ государствомъ не случилось какой бѣды большей, чѣмъ оно въ состояніи вынести.

Сократъ отвѣчалъ: Нѣтъ, ты не думай, Периклъ, что аѳиняне больны такой неизлѣчимой болѣзнью. Развѣ ты не знаешь, 18.
въ какомъ прекрасномъ порядкѣ они держатъ себя на флотѣ, какъ исправно слушаются учителей на гимнастическихъ состязаніяхъ и никому не уступаютъ своимъ послушаніемъ начальникамъ хоровъ? — Это-то и удивительно, сказалъ Периклъ, что 19.
здѣсь они слушаются приставленныхъ къ нимъ лицъ, между тѣмъ какъ гоплиты и всадники, которые, повидимому, превосходятъ согражданъ своими доблестями, оказываются самыми непослушными.

— Периклъ, сказалъ Сократъ; развѣ Совѣтъ въ Ареопагѣ не 20.
состоитъ изъ самыхъ избранныхъ лицъ? — Это правда, сказалъ Периклъ. — Найдешь ли ты судей, которые разбирали бы дѣла и вообще исполняли свои обязанности болѣе человѣчно, болѣе по законамъ, болѣе серьозно и болѣе добросовѣстно? — Противъ этихъ я ничего не говорю, сказалъ Периклъ. — Значитъ, нечего унывать оттого, что будто бы аѳинянамъ чужда порядочность. — По крайней мѣрѣ въ военной службѣ, сказалъ Периклъ, гдѣ 21.
особенно требуется держать себя сдержанно, въ порядкѣ и въ повиновеніи, они не обращаютъ на это никакого вниманія. — Вѣроятно, тамъ ихъ начальники ничего не понимаютъ. Развѣ ты не знаешь, что ни одинъ киѳаристъ, ни одинъ хористъ или танцоръ не возмется за управленіе, если не знаетъ своего дѣла, точно также борцы и панкратіасты. Мало того, всѣ тѣ, которые управляютъ подобными предметами, могутъ сказать, что они учи-

лись тому предмету, къ которому приставлены, между тѣмъ боль-
шая часть полководцевъ берется за военное дѣло безъ всякаго
22. пониманія. Относительно тебя я вовсе не думаю, что и ты при-
надлежишь туда же. Напротивъ, я знаю, что ты можешь ясно
указать, съ которыхъ поръ началъ учиться стратегіи, какъ и то,
съ которыхъ поръ началъ учиться борьбѣ. Я увѣренъ, что ты
много заимствовалъ изъ стратегическихъ познаній твоего отца,
а многое собралъ отовсюду, гдѣ только можно было узнать что-
23. либо полезное въ дѣлѣ стратегіи. Увѣренъ я и въ томъ, что ты
много думаешь, чтобы не опустить чего либо изъ предметовъ,
относящихся къ стратегіи, и что если замѣтишь въ себѣ какое-
либо незнаніе, то ищешь людей знающихъ, не жалѣя ни подар-
ковъ, ни признательности, чтобы только изучить извѣстный пред-
метъ и имѣть хорошихъ сотрудниковъ.

24. Периклъ отвѣчалъ: Сократъ! Я не могу не замѣтить, что
это ты говоришь вовсе не потому, что думаешь, будто я забочусь
объ этомъ, но потому, что ты рѣшился доказать мнѣ необходи-
мость всесторонней подготовки для человѣка, который готовится
25. быть стратегомъ. — Да, Периклъ; сознаюсь, что это такъ.
Замѣтилъ ли ты, что со стороны Беотіи къ нашей странѣ при-
легаютъ высокія горы съ узкими и крутыми проходами въ Аттику
и что середина послѣдней пересѣкается неприступными горами? —
26. Это вѣрно, отвѣчалъ Периклъ. — Слышалъ ли ты также, что
мисійцы и писиды, занимая въ странѣ царя неприступныя мѣст-
ности, могутъ, даже при легкомъ вооруженіи, совершать набѣги
на области царя и наносить имъ вредъ, и въ тоже время оста-
ваться незамѣтными? — И это слыхалъ, отвѣчалъ Периклъ. —
27. Неужели же ты думаешь, что аѳиняне, которые въ продолженіи
самаго цвѣтущаго возраста вооружены легкимъ вооруженіемъ
и занимаютъ пограничныя возвышенности, не въ состояніи
нанести вреда непріятелямъ и представить сильный оплотъ
для своихъ гражданъ? — Да, Сократъ, я думаю, что все это
28. очень возможно. — Слѣдовательно, сказалъ Сократъ, если

ты, другъ мой, согласенъ, то приведи это въ исполненіе, такъ какъ то, что ты исполнишь, доставитъ тебѣ славу, а государству пользу; если же это будетъ внѣ возможности, то ты и государству не повредишь, и себя не осрамишь.

## ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Разговоръ съ Главкономъ о необходимости соотвѣтствующаго образованія для государственнаго дѣятеля,

Главконъ, сынъ Аристоновъ, желавшій достигнуть высшей власти въ государствѣ, старался выступить съ рѣчью передъ народомъ, хотя ему не было даже 20 лѣтъ. Несмотря на то, что у него было много родныхъ и друзей, несмотря на то, что его стянули съ каѳедры и онъ подвергся осмѣянію, никто не могъ отклонить его отъ этого, за исключеніемъ одного Сократа, который былъ преданъ ему ради Хармида, сына Главконова и ради Платона.

Встрѣтившись съ нимъ, Сократъ прежде всего заставилъ его 2.
согласиться выслушать, обратившись къ нему съ слѣдующими словами: Главконъ, ты задумалъ достигнуть у насъ высшей власти? — Да, Сократъ, отвѣчалъ Главконъ. — Разумѣется, это прекрасное дѣло, болѣе чѣмъ всякое другое, сказалъ Сократъ. Очевидно, если ты достигнешь цѣли, то будешь имѣть возможность требовать, чего захочешь, и будешь въ состояніи оказывать услуги друзьямъ, возвысишь отцовскій домъ, прославишь отечество и будешь извѣстенъ сперва въ нашемъ городѣ, а послѣ и во всей Элладѣ; пожалуй даже, какъ Ѳемистоклъ, и между варварами; и гдѣ только покажешься, на тебя будутъ обращены взоры всѣхъ.

Слушая это, Главконъ замечтался и охотно остался. Тогда 3.
Сократъ сказалъ: Главконъ, очевидно, если ты желаешь почестей отъ государства, ты долженъ оказывать ему услуги? — Разумѣется, отвѣчалъ Главконъ. — Такъ, пожалуста, не скрой отъ насъ и разскажи, съ чего ты начнешь свои услуги.

Но такъ какъ Главконъ молчалъ, какъ будто соображая, съ 4.

чего начать, то Сократъ сказалъ: Еслибы ты желалъ придать блеска дому своего друга, то ты старался бы обогатить его. Точно также ты будешь стараться сдѣлать богаче и государство?
5. — Разумѣется, отвѣчалъ Главконъ. — Но не тогда ли будетъ государство богаче, когда увеличатся его доходы? — Я думаю. — Скажи же теперь, откуда получаются доходы и сколько ихъ? Навѣрное ты уже обдумалъ это, чтобы, въ случаѣ нѣкоторые изъ нихъ недостаточны, увеличить ихъ; въ случаѣ же нѣкоторые совсѣмъ не поступаютъ, открыть новые источники. — Нѣтъ, увѣ-
6. ряю тебя, я объ этомъ не подумалъ, отвѣчалъ Главконъ. — Если ты на это не обратилъ вниманія, то скажи намъ о государственныхъ расходахъ. Очевидно, ты излишніе уничтожишь. — Нѣтъ, Сократъ; я и этимъ вопросомъ не занимался. — Такъ мы займемся просто обогащеніемъ государства: потому что, не зная расходовъ и доходовъ, не возможно разсуждать о нихъ.

7. Главконъ сказалъ: Сократъ, государство можетъ обогащаться насчетъ непріятеля. — Очень даже, само собою разумѣется, если оно сильнѣе непріятеля. Но когда оно слабѣе, то еще понесетъ потери. — Дѣйствительно такъ, сказалъ
8. Главконъ. — Слѣдовательно, если кто желаетъ вести войну, то долженъ знать силы своего государства и силы противниковъ, для того, чтобы при превосходствѣ силъ государства, совѣтовать о началіи войны; въ случаѣ же онѣ уступаютъ силамъ противниковъ, совѣтовать сдержанность. — Это вѣрно, сказалъ Главконъ.
9. — И такъ ты разскажи намъ сперва о сухопутныхъ и морскихъ силахъ нашего государства, а затѣмъ о силахъ непріятелей. — Клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ Главконъ, я не могу сказать тебѣ такъ прямо изъ головы. — Такъ принеси, если у тебя записано;
10. я съ удовольствіемъ прочту. — Даже не записано. — Такъ мы подождемъ пока говорить и о войнѣ. Очень быть можетъ, что, такъ какъ ты только приступаешь къ управленію государствомъ, то, вслѣдствіе громадности этого предмета, еще не ознакомился съ нимъ. Но, по крайней мѣрѣ, охраненіе страны, я

увѣренъ, составляетъ предметъ твоихъ заботъ, и тебѣ хорошо
извѣстно, какая стража будетъ достаточна и какая недостаточна
и сколько потребуется крѣпостныхъ гарнизоновъ. Необходимые
ты посовѣтуешь усилить, а лишніе уничтожить. — О нѣтъ, отвѣ-
чалъ Главконъ. Мое мнѣніе уничтожить всѣ гарнизоны, потому 11.
что они такъ охраняютъ, что разоряютъ даже собственную страну.
— А если уничтожить, то не думаешь-ли ты, что тогда явится
возможность всякому грабить? Кстати. Ты самъ ѣздилъ и
узналъ это, или же ты слышалъ, что они плохо охраняютъ? —
Я только предполагаю, отвѣчалъ Главконъ. — Такъ мы и объ
этомъ будемъ разсуждать тогда, когда будемъ не догадываться,
а знать достовѣрно. — Пожалуй, такъ будетъ лучше, сказалъ
Главконъ. — Относителлно серебряныхъ рудниковъ я знаю навѣрное, 12.
говорилъ Сократъ, что ты тамъ не былъ, чтобы намъ сообщить,
почему теперь получается оттуда меньше серебра, чѣмъ прежде. —
Да, я тамъ не былъ, отвѣчалъ Главконъ. — Дѣйствительно, про-
должалъ Сократъ, говорятъ, что это мѣстность не здоровая,
такъ что если тебѣ придется дать свое мнѣніе объ этомъ пред-
метѣ, то это будетъ для тебя достаточнымъ извиненіемъ. — Ты 13.
шутишь? сказалъ Главконъ. — Но я увѣренъ, что ты хотя это
не оставилъ безъ вниманія и разсмотрѣлъ, именно: сколько вре-
мени можетъ прокормить Аѳины собираемый изъ страны хлѣбъ и
сколько его расходуется въ Аѳинахъ ежегодно, для того чтобы
и это не осталось для тебя непзвѣстнымъ, когда окажется не-
достатокъ, и чтобы ты зналъ и могъ подать совѣтъ объ этомъ
главномъ продовольствіи, и такимъ образомъ помочь государству
и спасти его. — Судя по твоимъ словамъ, это громаднѣйшій
трудъ, если только обдумать все это, отвѣчалъ Главконъ. — Да,
вѣдь, и собственнаго дома нельзя хорошо устроить, если не 14.
знаешь всего, что требуется, если не позаботишься и не до-
ставишь; а такъ какъ Аѳины состоятъ болѣе чѣмъ изъ 10,000
домовъ и трудно разомъ озаботиться о такомъ количествѣ се-
мействъ, то отчего ты не подумалъ сперва устроить хотя одинъ

домъ, напр., домъ твоего дяди? А это слѣдовало бы. И если ты будешь въ состояніи устроить этотъ одинъ домъ, то послѣ примешься и за большее число домовъ. Но если ты не въ состояніи помочь одному, то какимъ образомъ ты будешь въ состояніи помочь многимъ? Если, напр., человѣкъ не въ состояніи поднять одинъ талантъ, то не ясно-ли, что ему нечего и браться
15. поднять больше? — Да, я могъ бы помочь хозяйству дяди, еслибы онъ хотѣлъ меня слушаться, сказалъ Главконъ. — Такъ ты, не имѣя силъ склонить къ повиновенію своего дядю, думаешь, что будешь въ состояніи склонить къ повиновенію всѣхъ аѳинянъ съ
16. дядей включительно? Берегись, говорилъ Сократъ, чтобы ты, добиваясь славы, не достигъ совершенно противоположнаго. Развѣ ты не знаешь, какъ опасно говорить или дѣлать то, чего не понимаешь? Посмотри на другихъ, о которыхъ ты знаешь, что они говорятъ и дѣлаютъ безъ пониманія: найдешь ли ты, что они за это скорѣе получаютъ похвалу, чѣмъ порицаніе, и что къ нимъ скорѣе относятся съ удивленіемъ, чѣмъ съ презрѣ-
17. ніемъ? Посмотри и на тѣхъ, которые понимаютъ, что говорятъ и что дѣлаютъ; и я убѣжденъ, что во всякомъ дѣлѣ ты найдешь, что люди, пользующіеся славой и удивленіемъ, принадлежатъ къ числу превосходно знакомыхъ съ своимъ дѣломъ; тогда какъ тѣ, про которыхъ ходитъ дурная молва и на которыхъ смотрятъ съ презрѣніемъ, принадлежатъ къ числу самыхъ невѣ-
18. жественныхъ. Поэтому, если ты стремишься къ славѣ и всеобщему уваженію въ Аѳинахъ, то старайся употребить всѣ усилія, чтобы превосходно знать свой предметъ. И если ты въ этомъ отношеніи превзойдешь своихъ согражданъ и тогда уже приступишь къ занятію общественными дѣлами, я не стану удивляться, если ты легко достигнешь своей цѣли.

## ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Разговоръ съ Хармидомъ о необходимости занятій общественными дѣлами.

Видя, что Хармидъ, сынъ Главкона, человѣкъ замѣчательный и гораздо болѣе способный къ общественнымъ дѣламъ, чѣмъ тѣ, которые берутся за нихъ, не рѣшается выступить передъ народомъ и принять участіе въ этихъ дѣлахъ, Сократъ сказалъ ему:

Хармидъ, если бы человѣкъ, способный одерживать побѣды на состязаніяхъ, награждаемыхъ вѣнками, и чрезъ это доставить себѣ славу, а отечественному городу извѣстность въ Элладѣ, не хотѣлъ выступить на состязаніе, за кого бы ты считалъ такого человѣка? — Очевидно, за изнѣженнаго и труса, отвѣчалъ Хармидъ.— А если человѣкъ, продолжалъ Сократъ, обладающій способностями 2.
заниматься общественными дѣлами и приводить ихъ въ цвѣтущее состояніе и черезъ это достигать извѣстности, не рѣшается взяться за это, нельзя ли его по всей справедливости признать трусомъ? — Пожалуй, отвѣчалъ Хармидъ. Но почему ты меня объ этомъ спрашиваешь? — Потому что я вижу, что ты, имѣя возможность, не рѣшаешься приступить къ тому, въ чемъ особенно 3.
долженъ бы принять участіе, какъ гражданинъ. — Въ чемъ же ты замѣтилъ мои способности, что такъ обо мнѣ судишь? — Я ихъ замѣтилъ на тѣхъ собраніяхъ, въ которыхъ ты участвуешь вмѣстѣ съ государственными правителями. Именно, я замѣтилъ, что когда другіе обращаются къ тебѣ съ какимъ либо вопросомъ, ты даешь хорошіе совѣты, и въ случаѣ ихъ ошибокъ, дѣлаешь вѣрныя указанія. — Не одно и тоже, Сократъ, разсуждать въ 4.
частномъ кружкѣ и спорить при многочисленномъ собраніи, отвѣчалъ Хармидъ. — По крайней мѣрѣ, отвѣчалъ Сократъ, кто умѣетъ считать, тотъ не хуже считаетъ при многочисленномъ собраніи, какъ и наединѣ, и кто превосходно играетъ на кноарѣ наединѣ, тотъ отличается и въ многочисленномъ собраніи. — Да 5.
развѣ ты не знаешь, возразилъ Хармидъ, что стыдъ и робость врождены человѣку и что они гораздо сильнѣе при публикѣ, чѣмъ въ частномъ кружкѣ? — Такъ я, вотъ, и хочу доказать тебѣ,

что ты, не стыдясь людей самыхъ умныхъ и не боясь самыхъ
сильныхъ, стыдишься говорить передъ самыми глупыми и самыми
6. безсильными. Развѣ ты стыдишься этихъ валяльщиковъ, сапожни-
ковъ, плотниковъ, земледѣльцевъ, купцовъ или тѣхъ базарныхъ
торговцевъ, которые думаютъ только о томъ, чтобы дешевле купить
и дороже продать? Вѣдь, изъ этихъ людей составляется на-
7. родное собраніе. Наконецъ, какую разницу ты находишь между
тѣмъ, что ты дѣлаешь, и тѣмъ, когда лучшій мастеръ боится
простыхъ работниковъ? Ты свободно разсуждаешь въ кругу
государственныхъ правителей, изъ которыхъ нѣкоторые смотрятъ
на тебя свысока, далеко превосходишь тѣхъ, которые спеціально
занимаются публичными рѣчами, и въ тоже самое время, изъ
одного страха, чтобы не быть осмѣяннымъ, не рѣшаешься
говорить передъ тѣми людьми, которые никогда и не думали о го-
сударственныхъ дѣлахъ и вовсе не смотрятъ на тебя съ прене-
брженіемъ.

8. — Какъ? спросилъ Хармидъ. Развѣ ты не видишь, что часто
въ народномъ собраніи смѣются надъ тѣми, которые дѣло
говорятъ? — Смѣются и въ другихъ мѣстахъ, сказалъ Сократъ.
Потому-то я и удивляюсь, что ты легко сносишь, если это дѣлаютъ
послѣдніе (въ другихъ мѣстахъ), и никакимъ образомъ не надѣешься
9. перенести насмѣшекъ первыхъ. Сознавай свои силы, другъ мой,
и не впадай въ тѣ ошибки, въ которыя впадаютъ очень многіе.
Не мало людей, принимаясь смотрѣть за дѣлами другихъ, не
обращаются къ самонаблюденію. Потому ты не будь небреженъ
къ этому вопросу, но болѣе и болѣе напрягай свои силы къ са-
монаблюденію; и если только черезъ тебя городъ можетъ въ
извѣстномъ отношеніи достигнуть благоденствія, ты не оставляй
его. При хорошемъ устройствѣ будетъ великая польза не только
для города, но и для твоихъ друзей и для тебя самаго.

## ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Разговоръ съ Аристиппомъ объ относительности добра и красоты.

Когда однажды Аристиппъ хотѣлъ было поставить Сократа въ-тупикъ, такъ точно, какъ передъ тѣмъ Сократъ поставилъ его самаго, то Сократъ, желая извлечь изъ разговора пользу для своихъ слушателей, отвѣчалъ ему не такъ, какъ отвѣчаютъ, когда боятся, чтобы ихъ слова не были поняты какъ либо иначе, но какъ человѣкъ, убѣжденный, что дѣйствительно дѣло дѣлаетъ.

Аристиппъ спросилъ Сократа, признаетъ ли онъ какое либо 2.
благо, — это для того, чтобы, въ случаѣ Сократъ укажетъ на что нибудь въ родѣ пищи, питья, денегъ, здоровья, славы, храбрости, доказать, что это бываетъ иногда и зломъ. Сократъ, зная, что если насъ что либо тяготитъ, мы ищемъ того, что можетъ прекратить тягостное состояніе, далъ такой отвѣтъ, какой былъ самый лучшій. Онъ спросилъ Аристиппа: Ты спрашиваешь меня, не знаю ли я какого либо блага про- 3.
тивъ лихорадки? — Нисколько, отвѣчалъ Аристиппъ. — Такъ противъ глазной болѣзни? — И это нѣтъ. — Такъ противъ голода? — И это нѣтъ. — А если ты меня спрашиваешь, знаю ли я такое благо, которое служитъ благомъ противъ *ничего,* такого блага я не знаю, и мнѣ его знать не надо, сказалъ Сократъ.

Затѣмъ Аристиппъ спросилъ Сократа, знаетъ ли онъ что либо 4.
прекрасное. — Даже много, отвѣчалъ Сократъ. — Но все ли оно похоже одно на другое? спросилъ Аристиппъ. — Иное положительно не похоже. — Какимъ же образомъ не похожее на прекрасное можетъ быть прекраснымъ? — спрашивалъ Аристиппъ. — Даже очень, отвѣчалъ Сократъ. На человѣка, прекраснаго въ бѣгѣ, не похожъ прекрасный въ борьбѣ. Щитъ, прекрасное для отраженія, совершенно не похожъ на аконтія, прекрасное для сильнаго и скораго бросанія. — Ты отвѣчаешь совершенно также, 5.
какъ тогда, когда я спрашивалъ тебя, знаешь ли ты какое либо благо, сказалъ Аристиппъ. — А ты полагаешь, что благо одно,

а красота другое? спросилъ Сократъ. Развѣ ты не знаешь, что все въ отношеніи въ одному и тому же есть и благо и красота? И прежде всего добродѣтель не есть по отношенію къ одному благо, а по отношенію къ другому красота. Затѣмъ, люди въ одномъ и томъ же отношеніи и по отношенію къ одному и тому же предмету составляютъ и благо и красоту; ихъ организмъ, на томъ же основаніи, считается благомъ и красотой, и все то, чѣмъ человѣкъ пользуется, считается благомъ и красотой на томъ же основа-
6. ніи, т. е., въ отношеніи чего оно пригодно. — Значитъ, и корзина съ навозомъ тоже прекрасное? спросилъ Аристиппъ. — Безъ всякаго сомнѣнія, какъ и золотой щитъ будетъ (не прекрасное, но) безобразное, если первая будетъ хорошо сдѣлана для своего назна-
7. ченія, а второй дурно. — Такъ ты утверждаешь, что прекрасное и безобразное одно и тоже? — Непремѣнно, какъ и благо и зло. Часто благо въ отношеніи голода, бываетъ зло въ отношеніи лихорадки, и благо въ отношеніи лихорадки бываетъ зло въ отношеніи голода. Часто прекрасное въ отношеніи бѣга бываетъ безобразнымъ въ отношеніи борьбы и прекрасное въ отношеніи борьбы бываетъ безобразнымъ въ отношеніи бѣга. Все бываетъ добрымъ и прекраснымъ по отношенію къ тому, къ чему оно пригодно, и дурнымъ и безобразнымъ по отношенію къ тому, къ чему оно непригодно.

8. Когда Сократъ говорилъ, что одни и тѣже дома бываютъ и красивыми, и полезными, то училъ, какіе слѣдуетъ строить дома. Онъ разбиралъ это слѣдующимъ образомъ. Если кто желаетъ имѣть домъ, какой слѣдуетъ, то не долженъ ли онъ такъ его устроить, чтобы онъ былъ вполнѣ пріятенъ и приспо-
9. собленъ для жилья? А если это такъ, то развѣ не пріятно имѣть домъ лѣтомъ прохладный, а зимою теплый? Когда слушатель соглашался съ этимъ, Сократъ продолжалъ: въ домахъ, обращенныхъ на югъ, зимою солнце падаетъ на галереи, а лѣтомъ, вращаясь надъ домомъ и надъ крышами, доставляетъ тѣнь. Допустивъ это, слѣдуетъ сторону, обращенную на югъ, строить

гораздо выше, чтобы не запирать доступа зимнему солнцу, а сторону, обращенную къ сѣверу, слѣдуетъ строить гораздо ниже, чтобы не подвергаться вліянію холодныхъ вѣтровъ. Вкратцѣ 10.
сказать, гдѣ во всякое время года хозяинъ имѣетъ наиболѣе пріятное убѣжище и гдѣ онъ наиболѣе безопасно можетъ расположить то, что у него есть, это, очевидно, самое пріятное и самое красивое помѣщеніе. Живопись и разныя украшенія скорѣе лишаютъ насъ пріятностей, чѣмъ придаютъ ихъ. Во всякомъ случаѣ, говорилъ Сократъ, для храмовъ и для жертвенниковъ наиболѣе цѣлесообразна мѣстность совершенно открытая и мало доступная, потому что пріятно издали видѣть и молиться, но пріятно и подойти не оскверненнымъ.

## ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Опредѣленіе понятій: мужество, мудрость, воздержаніе, справедливость, безуміе, незнаніе, зависть, досугъ, царь и правитель, благополучіе и счастіе.

Другой разъ, на вопросъ, есть-ли *мужество* — качество достигаемое изученіемъ, или же оно качество врожденное, Сократъ отвѣчалъ: Я полагаю, что какъ одинъ организмъ раждается сильнѣе другаго, такъ и одинъ духъ, по самой природѣ, бываетъ крѣпче другаго въ отношеніи къ тяжелымъ состояніямъ. Я знаю даже людей, воспитанныхъ подъ одними и тѣми же законами и обычаями, но совершенно не похожихъ одинъ на другаго въ дѣлѣ храбрости. Тѣмъ не менѣе я убѣжденъ, что всякій организмъ, 2.
путемъ изученія и упражненій, сдѣлаетъ успѣхи въ мужествѣ. Извѣстно, напр., что скиѳы и оракійцы не рѣшатся сражаться съ лакедемонянами со щитомъ и копьемъ въ рукахъ; извѣстно также, что и лакедемоняне не станутъ сражаться съ оракійцами посредствомъ пелтъ и аконтіевъ, или со скиѳами посредствомъ луковъ. 3.
Подобнымъ образомъ и во всѣхъ прочихъ случаяхъ люди, не похожіе одинъ на другаго по своей природѣ, много усваиваютъ путемъ прилежанія. Изъ этого слѣдуетъ, что всякій человѣкъ,

даровитый и бездарный, долженъ учиться и упражняться въ томъ, въ чемъ хочетъ достигнуть совершенства.

4. Сократъ не отдѣлялъ *мудрости* отъ воздержанія. Онъ того признавалъ мудрымъ и вмѣстѣ воздержнымъ, кто имѣя понятіе о честномъ и безчестномъ, пользуется первымъ, избѣгая втораго. Когда его спрашивали, признаетъ ли онъ мудрымъ и вмѣстѣ воздержнымъ того, кто, зная, какъ должно поступать, поступаетъ наоборотъ, Сократъ отвѣчалъ: Нѣтъ; скорѣе немудрымъ и невоздержнымъ. Я полагаю, что всякій человѣкъ, дѣлая выборъ между доступными для него предметами, дѣлаетъ то, что признаетъ для себя наиболѣе полезнымъ. Такимъ образомъ тѣхъ людей, которые поступаютъ неправильно, я не признаю ни мудрыми, ни воздержными.

5. Онъ утверждалъ, что *справедливость* и всякая другая добродѣтель состоитъ въ знаніи, и что справедливое и все то, что совершается посредствомъ добродѣтели, есть нравственно-прекрасное; что такимъ образомъ, знающіе нравственно-прекрасное не предпочтутъ ему ничего иного, а незнающіе не произведутъ его; если же захотятъ произвести, то впадутъ въ ошибки. Если же справедливое и все нравственно-прекрасное совершается посредствомъ добродѣтели, то, очевидно, справедливость и всякая
6. другая добродѣтель есть знаніе. *Безуміе,* говорилъ онъ, противоположно знанію, но *незнаніе* онъ не считалъ безуміемъ. Самонезнаніе, утвержденіе неизвѣстнаго и самозаблужденіе онъ признавалъ понятіями очень близкими къ безумію. Люди, говорилъ онъ, не признаютъ безумія за тѣми, которые заблуждаются въ томъ, что неизвѣстно массѣ; они приписываютъ его заблуждаю-
7. щимся въ предметахъ, извѣстныхъ массѣ. Напр., если кто считаетъ себя на столько высокимъ, что, проходя чрезъ крѣпостныя ворота, наклоняется, или на столько сильнымъ, что думаетъ поднять домъ или взяться за что либо другое, всякому извѣстное какъ невозможное, то о такомъ человѣкѣ говорятъ, что онъ съ ума сошелъ, но не признаютъ таковыми лицъ, впадающихъ въ

малыя заблужденія; и въ родѣ того, какъ сильную страсть называютъ любовью, такъ точно и большое безразсудство называютъ безуміемъ. Разсматривая, что такое *зависть*, онъ нахо- 8.
дилъ, что это извѣстное неудовольствіе, но не то неудовольствіе, которое раждается при взглядѣ на несчастіе друга и на счастіе врага: завидуютъ, говорилъ Сократъ, только такіе люди, которымъ непріятно благополучіе ихъ друзей. Когда нѣкоторые съ недоумѣніемъ спрашивали, развѣ любящій станетъ скорбѣть при благополучіи друга, Сократъ приводилъ противъ этого тотъ фактъ, что многіе такъ относятся къ своимъ ближнимъ, что когда послѣдніе подвергаются неудачамъ, они не могутъ оставаться спокойно и спѣшатъ на помощь несчастнымъ, но когда ближніе испытываютъ удачи, то это для нихъ непріятно. Такое качество, говорилъ Сократъ, несообразно съ понятіемъ о человѣкѣ разумномъ и свойственно только глупцамъ. Разсматривая, 9.
что такое *досугъ*, онъ говорилъ, что большинство людей онъ находитъ за какимъ-либо занятіемъ: потому что даже игроки и шуты дѣлаютъ что-то, но всѣ такіе люди внѣ дѣла: они могутъ обратиться къ занятіямъ получше этихъ занятій. Но никто не досуженъ переходить отъ занятій получше къ занятіямъ похуже; если же кто дѣлаетъ это, то такой человѣкъ въ силу того, что у него нѣтъ на это досуга, поступаетъ дурно.

*Цари и правители*, говорилъ Сократъ, не тѣ, которые носятъ 10.
скипетры, не тѣ, которы избраны извѣстными вельможами, и не тѣ, которые достигли власти посредствомъ жребія, или насиліемъ, обманомъ, но тѣ, которые умѣютъ править. Если кто заявлялъ 11.
при этомъ, что обязанность правителя приказывать, что слѣдуетъ, а подчиненнаго повиноваться, Сократъ представлялъ въ примѣръ то, что и на кораблѣ управляетъ знающій, но ему повинуется и хозяинъ судна и всѣ пассажиры. Также въ земледѣліи поступаютъ землевладѣльцы, въ болѣзни больные, въ гимнастикѣ гимнасты. Такъ и всѣ другіе, у которыхъ есть что либо, требующее заботъ, всѣ они, если знаютъ, что сами умѣютъ приложить за-

боты, то прилагаютъ; въ противномъ случаѣ не только повинуются тѣмъ знающимъ, которые есть на лицо, но, въ случаѣ отсутствія послѣднихъ, нарочно приглашаютъ таковыхъ, чтобы подъ ихъ руководствомъ дѣлать что слѣдуетъ. Но въ пряжѣ шерсти, доказывалъ Сократъ, уже женщины управляютъ мужчинами, потому что онѣ знаютъ какъ приготовлять шерсть, а мужчины не знаютъ.

12. Если кто на это замѣчалъ, что тираннъ можетъ не обращать вниманія на тѣхъ, кто говоритъ дѣло, Сократъ отвѣчалъ: какимъ образомъ можно не обращать вниманія, когда наказаніе грозитъ тому, кто не слушается, когда дѣло говорятъ? Вѣдь тотъ кто не слушается, если ему говорятъ основательно, непремѣнно надѣлаетъ ошибокъ, а за ошибки онъ долженъ быть наказанъ.

13. Если же кто возражалъ, что тираннъ можетъ даже казнить человѣка здравомыслящаго, Сократъ отвѣчалъ: Неужели ты думаешь, что убійца лучшихъ помощниковъ останется вовсе безнаказаннымъ или наказаннымъ только какъ нибудь? Думаешь ли ты, что человѣкъ, такъ поступающій, можетъ невредимымъ остаться, или же ты полагаешь, что за такіе поступки онъ можетъ очень скоро погибнуть?

14. На вопросъ, какое онъ признаетъ занятіе наиболѣе достойнымъ человѣка, онъ отвѣчалъ: *благополучіе*. Когда же его спросили, не признаетъ ли онъ и *счастіе* занятіемъ, онъ отвѣчалъ: По моему мнѣнію, то что случается и то что дѣлается, совершенно противоположныя понятія. Если кто не ищетъ и достигаетъ желаемаго, это я называю счастіемъ; если же кто благоденствуетъ въ силу изученія и упражненія, это я называю благополучіемъ, — и тѣ, которые ведутъ жизнь послѣдняго рода, я

15. нахожу, поступаютъ хорошо. — Сократъ утверждалъ, что самые лучшіе и самые боголюбезные люди, это тѣ, которые въ земледѣліи хорошо исполняютъ земледѣльческія обязанности, въ врачебномъ искусствѣ — врачебныя, въ гражданскомъ — гражданскія. Если же кто ни въ чемъ не оказываетъ хорошей дѣятельности, такой человѣкъ ни на что не пригоденъ и богамъ не угоденъ.

## ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Разговоръ съ живописцемъ Паррасіемъ, ваятелемъ Клитономъ и панцырнымъ мастеромъ Пистіемъ.

Если Сократъ вступалъ въ бесѣды съ художниками, для которыхъ искусство служитъ ремесломъ, то онъ и здѣсь былъ полезенъ. Однажды онъ пришелъ къ живописцу Паррасію и въ разговорѣ съ нимъ сказалъ: Паррасій. Что такое живопись? не есть ли она отображеніе видимыхъ предметовъ? По крайней мѣрѣ, вы посредствомъ красокъ передаете углубленія и возвышенія, тѣни и свѣтъ, твердое и мягкое, неровное и гладкое, молодое и старое? — Дѣйствительно такъ, отвѣчалъ Паррасій. — Затѣмъ. Самыя формы, въ 2.
силу того что трудно одному человѣку имѣть все безукоризненное, вы выбираете самыя лучшія у многихъ лицъ и такимъ образомъ дѣлаете то, что предметъ во всѣхъ своихъ частяхъ выходитъ прекраснымъ? — Да, мы дѣлаемъ это, отвѣчалъ Паррасій. — Теперь дальше. Выражаете ли вы и душевныя свойства, какъ 3.
напр., высшая степень податливости, пріятности, преданности, страстности, очаровательности или же это вовсе не выражается? — Да какъ же, Сократъ, выразить то, что не имѣетъ ни опредѣленной мѣры, ни цвѣта, и вообще ничего того, что ты только
что сказалъ, и даже невидимо? спросилъ Паррасій. — Но бываетъ 4.
такъ что человѣкъ смотритъ на кого либо то дружественно, то враждебно? — Конечно. — Не слѣдуетъ-ли это выразить покрайней мѣрѣ въ глазахъ? — Разумѣется. — А находишь ли ты, что въ счастьи и несчастьи друзей одинаковое бываетъ лицо у сочувствующихъ и одинаковое у несочувствующихъ? — Конечно, не одинаковое, отвѣчалъ Паррасій. При счастіи у нихъ свѣтлыя лица, а при несчастіи мрачныя. — Значитъ, и это можно воспроизвести? спросилъ Сократъ. — Конечно. — Дальше. Величіе 5.
и независимость, униженіе и рабство, осторожность и разумность, надмѣнность и угрюмость не проглядываютъ ли въ чертахъ человѣка и во всей его внѣшности и когда онъ стоитъ, и когда онъ движется? — Это правда, отвѣчалъ Паррасій. — Значитъ,

и это нужно выразить? — Конечно. — Думаешь ли ты, что охотнѣе смотрятъ на такихъ людей, въ которыхъ проглядываетъ красота, добро и любовь, или же на такихъ, въ которыхъ проглядываетъ безобразіе, зло и ненависть? спросилъ Сократъ. — Конечно, Сократъ, это большая разница, сказалъ Паррасій.

6. Когда Сократъ однажды пришелъ къ ваятелю Клитону, то въ разговорѣ съ нимъ сказалъ слѣдующее: Клитонъ. Я знаю и самъ вижу, что ты дѣлаешь разнаго рода скороходовъ, кулачныхъ бойцовъ, панкратіастовъ. Но какимъ образомъ ты сообщаешь статуямъ то, что особенно дѣйствуетъ на душу при взглядѣ, именно — жизненность выраженія?

7. Такъ какъ Клитонъ оставался въ недоумѣніи и не скоро отвѣчалъ, то Сократъ сказалъ: Не тѣмъ ли ты внушаешь статуямъ жизненность выраженія, что произведеніе дѣлаешь по образу живыхъ существъ? — Именно, отвѣчалъ Клитонъ. — Не потому ли ты дѣлаешь ихъ болѣе похожими на дѣйствительность и болѣе обманчивыми на видъ, что воспроизводишь заключающееся въ разныхъ положеніяхъ тѣла то опущеніе (мускуловъ), то поднятіе, то сжатость, то растяжимость, то напряженіе, то
8. вялость? — Именно потому, отвѣчалъ Клитонъ. — И не доставляетъ ли выраженіе дѣйствующаго лица нѣкоторое удовольствіе для зрителя? — Очень даже. — Слѣдовательно, сказалъ Сократъ, ваятель долженъ во внѣшности выражать душевную дѣятельность.

9. Придя къ дѣлателю панцырей Пистію, который показалъ Сократу превосходно сдѣланные панцыри, Сократъ сказалъ: Пистій. Клянусь Герой, панцырь прекрасное изобрѣтеніе, именно тѣмъ, что прикрываетъ части тѣла, требующія прикрытія, и не
10. мѣшаетъ дѣйствовать руками. Тѣмъ не менѣе, скажи мнѣ, Пистій, почему ты продаешь свои панцыри дороже, когда ты дѣлаешь ихъ не крѣпче и не лучше, чѣмъ дѣлаютъ другіе? — Потому, отвѣчалъ Пистій, что я дѣлаю ихъ пропорціональнѣе. — Такъ ты пропорцію показываешь мѣрой или вѣсомъ, что требуешь до-

роже? Вѣдь, я полагаю, ты не дѣлаешь ихъ всѣхъ ровными или
одинаковыми, хотя и дѣлаешь въ пору. — Разумѣется, я дѣлаю
ихъ въ пору: безъ этого и пользы нѣтъ никакой въ панцырѣ. —
Но тѣла человѣческія бываютъ пропорціональныя и не пропорціо- 11.
нальныя? — Конечно. — Какимъ же образомъ ты дѣлаешь свой
панцырь „въ пору“ пропорціональнымъ для непропорціональнаго
тѣла? — Такъ точно какъ и дѣлаю его въ пору, потому что
панцырь въ пору есть пропорціональный панцырь. — Кажется, 12.
ты разсматриваешь пропорціональное не само въ себѣ, но по
отношенію къ потребителю, въ родѣ того, какъ если бы ты ска-
залъ, что щитъ пропорціоналенъ тому, кому онъ въ пору. По
твоимъ словамъ выходитъ, что также пропорціональна хламида и
прочее. Но быть можетъ въ томъ, что въ пору, лежитъ еще
другое основаніе, болѣе важное? — Скажи, Сократъ, если знаешь.
— Сократъ отвѣчалъ: Панцыри подходящіе менѣе давятъ своей 13.
тяжестью, чѣмъ панцыри неподходящіе, хотя бы первые имѣли
одинаковый вѣсъ. Панцыри неподходящіе или всею своею тя-
жестью налегаютъ на плечи, или же сильно жмутъ въ одномъ
какомъ-либо вмѣстѣ и потому оказываются стѣснительными и не-
годными для ношенія; тогда какъ подходящіе панцыри, распре-
дѣляя тяжесть по ключицамъ, затылку, плечамъ, груди, спинѣ и
животу, оказываются, можно сказать, не тяжестью, а прибавле-
ніемъ. — Это ты говоришь о томъ же, изъ-за чего я такъ до- 14.
рого цѣню свои произведенія. Однако нѣкоторые охотнѣе по-
купаютъ панцыри цвѣтные и позолоченные. — Но если они отъ
этого покупаютъ неподходящіе, замѣтилъ Сократъ, то, по моему
мнѣнію, они покупаютъ цвѣтное и позолоченное зло. Но если 15.
тѣло, продолжалъ Сократъ, не остается въ покоѣ, и въ одно
время сгибается, а въ другое выпрямляется, то какимъ образомъ
хорошо лежащій панцырь можетъ быть подходящимъ? — Это со-
вершенно невозможно, сказалъ Пистій. — Значитъ ты утверждаешь,
что подходящіе панцыри не тѣ, которые хорошо лежатъ, но тѣ,
которые при пользованіи не стѣсняютъ человѣка? — Да, Со-

кратъ; ты говоришь то, что и я думаю, и хорошо понимаешь это дѣло, сказалъ Пистій.

## ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Разговоръ съ Ѳеодотой о средствахъ удерживать друзей.

Въ Аѳинахъ была одна красивая женщина, по имени Ѳеодота, которая умѣла быть обходительной со всякимъ, кто искалъ ея знакомства. Одинъ изъ присутствовавшихъ вспомнилъ о ней и говоря, что красота этой женщины выше всякаго описанія, замѣтилъ, что къ ней ходятъ живописцы, чтобы рисовать ее, и что она показываетъ себя, на сколько это дозволяетъ приличіе. Тогда Сократъ сказалъ: Слѣдуетъ пойти къ ней и посмотрѣть, потому что нельзя составить себѣ понятія о томъ, что выше описанія. — Такъ идемъ теперь же, сказалъ тотъ, кто сообщилъ
2. это. — Такимъ образомъ отправились, и заставши Ѳеодоту, что она позировала передъ однимъ живописцемъ, начали смотрѣть ее. Когда живописецъ кончилъ, Сократъ сказалъ: Друзья, мы-ли должны благодарить Ѳеодоту, за то что она намъ показала свою красоту, или же она должна насъ благодарить, за то что мы на нее смотрѣли? Если для нея полезно показывать свою красоту, то она должна быть намъ благодарна; если же для насъ полезно смотрѣть, то мы должны ее благодарить. Не такъ ли?
3. — Когда кто-то отвѣтилъ, что это вѣрно, Сократъ сказалъ: Такимъ образомъ она и теперь получаетъ пользу отъ нашей похвалы, но когда мы о красотѣ ея разскажемъ многимъ, то это будетъ для нея еще полезнѣе. Кромѣ того, мы уже и теперь испытываемъ желаніе быть причастными тому, на что смотримъ; затѣмъ мы будемъ возвращаться съ нѣкоторымъ лишеніемъ, а возвратившись, будемъ испытывать томленіе. Такъ что выходитъ, что ты нами повелѣваешь, а мы тебѣ служимъ, Ѳеодота.

На это Ѳеодота отвѣчала: Конечно, если это такъ, то я
4. должна васъ благодарить, за то что вы смотрѣли. — Но Сократъ замѣтилъ, что она носитъ дорогія украшенія. Находившаяся при

ней мать носила платье и наряды не простые; много пригожихъ служанокъ тоже не были въ небреженіи, и въ домѣ избытокъ во всемъ. Поэтому онъ спросилъ: Скажи мнѣ, Θеодота, есть у тебя имѣніе? — Нѣтъ, отвѣчала она. — Такъ, быть можетъ, домъ приноситъ доходъ? — И это нѣтъ. — Ужъ не работники-ли? — И не работники. — Откуда же у тебя средства? — Если кто, сдѣлавшись моимъ другомъ, оказываетъ мнѣ доброе дѣло, то это служитъ для меня средствомъ существованія, отвѣчала Θеодота. — Клянусь Герой, Θеодота, это прекрасное имущество, 5.
и гораздо лучше пріобрѣсть стадо друзей, чѣмъ стадо овецъ, коровъ или козъ. Однако предоставляешь ли ты это случаю, именно, если кто прилетитъ къ тебѣ, словно муха, или же ты придумываешь для этого и свои хитрости? — Какія же я могу 6.
придумать хитрости? — Разумѣется, болѣе подходящія, чѣмъ придумываютъ пауки. Ты знаешь, какъ они устраиваютъ охоту за пропитаніемъ: они ткутъ тонкую паутину, и то, что туда попадаетъ, служитъ для нихъ пищей. — Такъ ты и мнѣ совѣтуешь 7.
выткать западню? — Ты не должна думать, что такъ-таки безъ всякаго искуства поймаешь самую драгоцѣнную добычу, друга. Развѣ ты не видишь, что даже предпринимающіе охоту на самое пустое, напр., на зайцевъ, дѣйствуютъ очень осторожно? И вотъ, 8.
такъ какъ зайцы ночью пасутся, то они берутъ съ собой ночныхъ собакъ и съ ними выступаютъ на охоту. Зайцы, съ наступленіемъ дня, разбѣгаются, и они достаютъ другихъ собакъ, которыя идутъ за зайцами съ пастбища въ логовище и отыскиваютъ посредствомъ обонянія. Дальше. Такъ какъ зайцы быстры въ ногахъ и могутъ ускользнуть даже на глазахъ, то охотники достаютъ другихъ собакъ, тоже быстрыхъ, чтобъ они гнались по слѣдамъ. Но такъ какъ иные зайцы ускользаютъ и отъ такихъ собакъ, то по тѣмъ тропинкамъ, гдѣ бѣгутъ зайцы, охотники разставляютъ сѣти, чтобы туда попалъ заяцъ и запутался.

Чѣмъ же такимъ мнѣ ловить друзей? спросила Θеодота. — 9.
Очевидно, отвѣчалъ Сократъ, если ты вмѣсто собаки достанешь

такого человѣка, который будетъ выслѣживать любителей красоты и притомъ богатыхъ, и, выслѣдивши, постарается впутать ихъ въ
10. твои сѣти. — Какія же у меня сѣти? спрашивала Θеодота. — Первая и превосходно опутывающая — это, само собою понятно, тѣло, а въ тѣлѣ душа, благодаря которой ты знаешь и то, что̀ сказать и доставить удовольствіе, а также и то, что преданнаго тебѣ человѣка нужно принимать любезно, а предъ нахаломъ двери запирать; что когда другъ заболѣетъ, слѣдуетъ внимательно присмотрѣть за нимъ; если онъ испытываетъ удачу, сочувствовать ему, и если оказываетъ тебѣ большую заботливость, съ своей стороны угождать ему всей душой. Нечего и говорить, что ты умѣешь любить не только чувственно, но и преданно, и что если у тебя есть превосходные друзья, то ты достигаешь этого не только словомъ, но и дѣломъ. — Увѣряю тебя, что я не пользуюсь ничѣмъ подобнымъ, сказала Θеодота. —
11. А все-таки много значитъ относиться къ человѣку сообразно съ его характеромъ и притомъ правильнымъ образомъ, потому что силой не возьмешь друга и не удержишь, и этотъ звѣрекъ поддается только на услуги и на удовольствіе, и только черезъ это можетъ остаться. — Это правда, сказала Θеодота.

12. — Поэтому, сначала ты должна требовать отъ заботливыхъ друзей только того, объ исполненіи чего имъ придется наименѣе думать, и затѣмъ самой охотно платить имъ тѣмъ же. Въ такомъ случаѣ особенно будутъ у тебя друзья, станутъ долгое время
13. любить тебя и оказывать величайшія услуги. Ты сдѣлаешь для нихъ большое одолженіе, если будешь дарить ихъ своимъ расположеніемъ только тогда, когда будетъ въ этомъ надобность. Ты, вѣдь, знаешь, что самое пріятное кушанье, если его подносятъ тогда, когда не хочется ѣсть, кажется непріятнымъ, а если его подносятъ человѣку сытому, то оно производитъ отвращеніе. Но если его подносятъ, вызвавши предварительно голодъ, тогда
14. и плохое кушанье кажется очень пріятнымъ. — Какимъ же образомъ я могу возбудить въ комъ либо изъ моихъ знакомыхъ го-

лодъ? — Разумѣется, прежде всего тѣмъ, если ты къ насытившемуся не поднесешь кушанья, и даже не напомнишь, до тѣхъ поръ пока, съ окончаніемъ пресыщенія, онъ не захочетъ его снова, а когда у него явится желаніе, то ты можешь напомнить объ этомъ съ одной стороны самымъ скромнымъ обращеніемъ, съ другой намекомъ на согласіе, но и намекомъ на отказъ, пока наконецъ желаніе не достигнетъ высшей степени. Тогда только подобные подарки имѣютъ большее значеніе, чѣмъ когда ихъ даютъ при отсутствіи желанія.

Ѳеодота отвѣчала: Отчего же тебѣ, Сократъ, не сдѣлаться 15.
моимъ помощникомъ въ охотѣ на друзей? — Если ты убѣдишь меня, я согласенъ, сказалъ Сократъ. — Какъ же тебя убѣдить? — Объ этомъ ты уже сама подумай, если у тебя явится во мнѣ надобность. — Такъ ходи ко мнѣ постоянно, сказала Ѳеодота. — Тогда Сократъ, смѣясь надъ ея праздностью, сказалъ: Ѳеодота, 16.
мнѣ трудно ничего не дѣлать, такъ какъ мои частныя и общественныя дѣла не оставляютъ мнѣ свободнаго времени. Кромѣ того есть и у меня подруги, которыя не дозволятъ мнѣ отлучиться ни днемъ, ни ночью, потому что учатся у меня разнымъ любощамъ и заговорамъ. — Такъ ты, Сократъ, и это знаешь? — А 17.
ты, почему, думаешь, этотъ Аполлодоръ и Антисѳенъ никогда отъ меня не отходятъ? Почему ходятъ ко мнѣ Кевъ и Спмій, ѳиванинъ? Знай, что все это необходится безъ любощей, заговоровъ и вертошеекъ. — Такъ ты займи мнѣ своей вертошейки, 18.
сказала Ѳеодота, чтобы мнѣ прежде всего повернуть ее на тебя же. — Нѣтъ, отвѣчалъ Сократъ; я и самъ не хочу, чтобы меня влекло къ тебѣ; а скорѣе, ты ходи ко мнѣ. — Я буду ходить, только ты принимай меня, сказала она. — Хорошо, я буду принимать, если только у меня не будетъ другой, лучше тебя, отвѣчалъ Сократъ.

## ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Разговоръ съ Епигеномъ о значеніи тѣлесныхъ упражненій.

Встрѣтившись однажды съ Епигеномъ, однимъ изъ молодыхъ собесѣдниковъ, у котораго было дурное тѣлосложеніе, Сократъ сказалъ ему: Епигенъ, какой у тебя простой организмъ. — Потому что я самъ человѣкъ простой, Сократъ, сказалъ Епигенъ. — Нисколько не проще тѣхъ, которые готовятся къ состязаніямъ въ Олимпіи, сказалъ Сократъ. Или ты считаешь маловажнымъ то состязаніе на жизнь и на смерть съ непріятелемъ, которое
2. могутъ назначить аѳиняне при первомъ удобномъ случаѣ? Не мало погибаетъ людей въ военное время или позорно спасается именно вслѣдствіе плохаго тѣлеснаго развитія. По той же причинѣ многіе живыми попадаются въ плѣнъ, и имъ приходится всю остальную жизнь находиться въ самомъ тяжкомъ рабствѣ. Многіе, впавши въ это невыносимое положеніе, и нерѣдко заплативши болѣе чѣмъ у нихъ есть имущества, проводятъ остальную жизнь въ нуждѣ въ самомъ необходимомъ и въ злополучіи, или же пріобрѣтаютъ дурную славу, такъ какъ, вслѣдствіе ихъ
3. безсилія, ихъ считаютъ трусами. Или ты слегка смотришь на такое наказаніе за неразвитость тѣла и думаешь, что его легко перенесешь? Я думаю, что то, что приходится выносить человѣку, заботящемуся о надлежащемъ развитіи своего тѣла, гораздо легче и пріятнѣе всего предыдущаго. Или ты плохое развитіе
4. тѣла считаешь здоровѣе и полезнѣе надлежащаго развитія? Нечего и говорить, что у людей съ хорошимъ тѣлеснымъ развитіемъ все бываетъ совершенно наоборотъ, чѣмъ у людей съ дурнымъ развитіемъ. Первые пользуются здоровьемъ и силами. По той же причинѣ многіе изъ нихъ выходятъ невредимыми и съ достоинствомъ изъ борьбы съ непріятелемъ и чужды крайнихъ опасностей; многіе помогаютъ друзьямъ и служатъ отечеству, и вслѣдствіе этого удостоиваются признательности, достигаютъ великой славы и величайшихъ почестей; остальную жизнь проводятъ въ большей пріятности и съ большимъ почетомъ, и своимъ дѣтямъ оставляютъ

богатыя средства существованія. Изъ того, что государство не 5.
дѣлаетъ для всѣхъ обязательными военныя упражненія, вовсе не
слѣдуетъ, чтобы и каждый въ отдѣльности оставлялъ ихъ въ
пренебреженіи. Напротивъ того, слѣдуетъ тѣмъ болѣе заботиться
о нихъ. Знай, что ты ни въ какой борьбѣ и ни въ какомъ за-
нятіи не испытаешь вреда оттого, что приведешь тѣло въ лучшее
состояніе, такъ какъ тѣлесныя силы имѣютъ значеніе по отно-
шенію ко всему, что люди дѣлаютъ; и при всѣхъ случаяхъ, гдѣ
только является необходимость въ тѣлесныхъ силахъ, много зна-
читъ возможно лучшее развитіе тѣла. Кто не знаетъ, что даже 6.
въ томъ, гдѣ ты находишь наименѣе потребности въ тѣлесныхъ
силахъ, именно въ мышленіи, многіе много теряютъ именно
вслѣдствіе слабости тѣлесныхъ силъ? Забывчивость, малодушіе,
дурное расположеніе, сумашествіе часто, и при томъ у многихъ,
настолько дѣйствуютъ на мышленіе вслѣдствіе слабости организма,
что вытѣсняютъ пріобрѣтенное знаніе. Между тѣмъ люди съ 7.
хорошо развитымъ тѣломъ совершенно безопасны, и имъ нечего
бояться испытать что нибудь подобное, по крайней мѣрѣ что
касается плохаго развитія тѣла; а гораздо естественнѣе, что
именно хорошее развитіе тѣла полезно для пріобрѣтенія проти-
воположнаго тому, что происходитъ отъ плохаго развитія. Какъ
же человѣку здравомыслящему не налегать на развитіе тѣла, въ
виду противоположностей упомянутымъ недостаткамъ? Стыдно 8.
также и старѣть, по собственной оплошности не увидѣвши себя
въ полной красотѣ и силѣ. Но при небрежности это невоз-
можно: само собою оно не сдѣлается.

## ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Замѣчанія по поводу разныхъ вопросовъ.

Когда одинъ изъ его друзей пришелъ въ негодованіе, что
человѣкъ, которому онъ сказалъ „здравствуй“, не отвѣтилъ тѣмъ
же, Сократъ сказалъ слѣдующее: Странно; если бы ты встрѣ-
тился съ человѣкомъ, у котораго тѣло было бы худшее, чѣмъ у

тебя, то ты на него но сердился бы, а теперь ты сердишься отъ того, что встрѣтился съ человѣкомъ, у котораго худшая
2. душа. — Другой говорилъ, что безъ апетита кушаетъ. Сократъ сказалъ: Акуменъ (врачь) противъ этого совѣтуетъ хорошее средство. — Какое? спросилъ тотъ. — Перестать ѣсть, отвѣчалъ Сократъ; потому что, прекращая ѣду, человѣкъ живетъ не только пріятнѣе, но и дешевле и здоровѣе.

3. Другой говорилъ, что у него вода теплая для питья. Слѣдовательно, отвѣчалъ Сократъ, когда ты захочешь помыться въ теплой водѣ, то она у тебя готова. — Нѣтъ, для купанья она холодная, сказалъ тотъ. — Чтоже? и слуги жалуются на нее, когда пьютъ и когда моются? — Нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, я часто удивляюсь, какъ они охотно берутъ ее для того и другаго. — Но которая вода теплѣе: твоя или та, что около Асклепія? — Та, что около Асклепія. — А которая вода болѣе холодная для купанья: твоя или та, что около Амфіарея? — Та, что около Амфіарея. — Такъ помни, что тебѣ, должно быть, труднѣе угодить, чѣмъ прислугѣ и больнымъ.

4. Когда кто-то сильно наказалъ своего служителя, Сократъ спросилъ его: За что ты такъ разсердился на своего слугу? — Это обжорливѣйшій, глупѣйшій и корыстолюбивѣйшій человѣкъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ крайній лѣнтяй, отвѣчалъ тотъ. — Но думалъ ли ты о томъ, кто изъ васъ заслуживаетъ большаго числа ударовъ, ты или твой слуга?

5. Когда одинъ человѣкъ боялся путешествія въ Олимпію, Сократъ спросилъ его: Чего тебѣ бояться? Развѣ ты дома не цѣлый день бродишь? И отправившись туда, ты, пройдя столько-то, будешь обѣдать, а пройдя дальше, будешь ужинать и отдыхать. Развѣ ты не знаешь, что если сдѣлаешь въ одномъ направленіи ту прогулку, которую совершаешь въ теченіе 5—6 дней, то очень легко можешь пройти изъ Аѳинъ въ Олимпію? Но пріятнѣе выступить даже днемъ раньше, чѣмъ днемъ позже: потому что, на сколько не пріятно быть въ необходимости растя-

нуть дорогу больше чѣмъ слѣдуетъ, на столько доставляетъ облегченіе однимъ днемъ сократить ее. Поэтому лучше торопиться съ выступленіемъ, чѣмъ торопиться въ дорогѣ.

Одинъ говорилъ, что изнуренъ совершеніемъ длиннаго пути. 6.
Сократъ спросилъ его, не несъ ли онъ при этомъ какой тяжести. — Нѣтъ, ничего, кромѣ платья, отвѣчалъ тотъ. — Одинъ ли ты шелъ, спрашивалъ Сократъ, или за тобой слѣдовалъ слуга? — Да, слѣдовалъ, отвѣчалъ тотъ. — Съ пустыми руками или съ ношей? — Онъ несъ постелю и прочія принадлежности. — А онъ какъ окончилъ путь? — Я полагаю, лучше чѣмъ я. — А если бы тебѣ пришлось нести и его ношу, то — какъ ты полагаешь? въ какомъ бы ты былъ состояніи? — Конечно, въ дурномъ. Пожалуй, я даже не былъ бы въ состояніи и донести. — Какимъ же образомъ ты считаешь приличнымъ для мужа быть настолько ниже раба въ перенесеніи трудовъ? заключилъ Сократъ.

## ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Объ умѣренности за ужиномъ.

Когда на ужинъ одни приносили мало приправъ, другіе много, то Сократъ приказывалъ рабу, чтобы онъ малое количество клалъ въ общую кучу или же дѣлилъ между всѣми. Тогда тѣмъ, которые приносили много, было стыдно не брать изъ положеннаго для всѣхъ и не прибавлять туда и своего, и они клали его въ общую кучу. У нихъ такимъ образомъ не было больше, чѣмъ у приносившихъ мало, и они перестали тратить деньги на покупку приправъ.

Замѣтивъ однажды, что одинъ изъ ужинавшихъ бросилъ 2.
хлѣбъ и ѣлъ однѣ приправы, Сократъ, во время разговора о томъ, отъ какого предмета происходитъ каждое названіе, сказалъ: Можемъ ли мы сказать, отъ какого предмета человѣкъ-обжора называется опсофагомъ? Когда есть „опса“, то всѣ ѣдятъ ихъ съ хлѣбомъ, но я не думаю, чтобы отъ этого люди

назывались „опсофагами“. — Конечно, не отъ этого, замѣтилъ
3. кто-то изъ присутствующихъ. — Но если кто ѣстъ однѣ „опса“ не ради развитія организма, а ради наслажденія, то будетъ ли это опсофагъ или не будетъ? — Едва ли кого можно вѣрнѣе назвать опсофагомъ, отвѣчалъ тотъ. — А если кто съ малымъ количествомъ хлѣба съѣдаетъ много „опса?“ спросилъ другой изъ присутствовавшихъ. — Я полагаю, отвѣчалъ Сократъ, что и этого можно по справедливости назвать опсофагомъ. И когда другіе молятся богамъ о плодородіи, то этотъ человѣкъ навѣрное
4. молится объ опсородіи. — Послѣ этихъ словъ Сократа упомянутый молодой человѣкъ, догадавшись, что о немъ была рѣчь, пересталъ ѣсть „опса“ и взялся за хлѣбъ. Но Сократъ, замѣтивъ это, сказалъ: Сосѣди, посмотрите за нимъ, будетъ ли онъ брать хлѣбъ въ качествѣ „опса“, или „опса“ въ качествѣ
5. хлѣба. — Другой изъ участвовавшихъ въ ужинѣ съ каждымъ кускомъ хлѣба ѣлъ много приправъ. Сократъ, замѣтивъ это, спросилъ: Можетъ ли какое приготовленіе стоить дороже или менѣе требовать приправъ, чѣмъ то приготовленіе, которое дѣлаетъ человѣкъ, за однимъ разомъ много кушающій и набивающій ротъ всякими лакомствами? Мѣшая больше, чѣмъ сами повара, онъ дѣлаетъ его дороже, а мѣшая то, что повара не мѣшаютъ, какъ не подходящее, онъ, въ то время какъ повара поступаютъ
6. основательно, поступаетъ нелѣпо и портитъ ихъ искуство. И развѣ не смѣшно доставать превосходно знающихъ becъ поваровъ, и не присвапвая ихъ знанія, въ тоже время самому перепначивать приготовленное поварами? Но, кромѣ этого, если человѣкъ привыкъ за однимъ разомъ много ѣсть, то сюда присоединяется еще кое-что иное. Человѣкъ, пристрастившійся къ извѣстной ѣдѣ, будетъ думать, что у него чего-то недостаетъ, если передъ нимъ не будетъ множества блюдъ; тогда какъ человѣкъ, привыкшій съ однимъ кускомъ хлѣба брать одинъ кусокъ приправы, можетъ и тогда спокойно пользоваться однимъ кускомъ, когда передъ нимъ не будетъ много блюдъ.

Сократъ говорилъ, что и слово *εὐωχεῖσθαι*, на языкѣ 7.
аѳинянъ, значитъ *ἐσθίειν*, а *εὖ* прибавлено для того, что, значитъ, ѣдятъ то, что не вредитъ ни душѣ, ни тѣлу, и что не трудно достать. Такъ что Сократъ слово *εὐωχεῖσθαι* употреблялъ только въ отношеніи такихъ людей, которые ведутъ правильный образъ жизни.

# Книга Четвертая.

## СОКРАТЪ ВЪ ОБРАЩЕНІИ СЪ ЮНОШАМИ.

### ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О необходимости образованія.

Сократъ настолько былъ полезенъ во всѣхъ случаяхъ и разными способами, что для человѣка наблюдательнаго и сколько нибудь здравомыслящаго было ясно, что, гдѣ бы то и въ чемъ бы то ни было, полезнѣе бесѣдъ и сообщества съ Сократомъ ничего не было. Даже, при отсутствіи Сократа, одно воспоминаніе о немъ не мало приносило пользы человѣку, привыкшему къ его бесѣдамъ и слѣдовавшему его ученію, потому что Сократъ, и когда шутилъ, не менѣе благотворно дѣйствовалъ на своихъ слу-
2. шателей, чѣмъ когда говорилъ серіозно. Часто онъ, напр., говаривалъ, что онъ кого-либо любитъ. Но всякому было извѣстно, что Сократъ имѣлъ влеченіе не къ людямъ, счастливо надѣленнымъ красотой тѣла, но къ людямъ, счастливо надѣленнымъ качествами душевными. Даровитыхъ личностей онъ узнавалъ по скорому изученію того, за что они брались, запамятованію выученнаго и стремленію ко всѣмъ тѣмъ предметамъ знанія, посредствомъ которыхъ можно привести въ хорошее состояніе домъ, государство и вообще стать въ надлежащее отношеніе къ людямъ и къ ихъ дѣйствіямъ. Такіе люди, получивъ воспитаніе, не только могутъ быть сами счастливы, но могутъ доставить счастіе
3. и другимъ людямъ и государствамъ. И онъ не одинаково со всѣми обращался. Тѣмъ, которые считали себя даровытыми, но небрежно относились къ ученію, онъ доказывалъ, что личности,

признаваемыя лучшими, особенно нуждаются въ воспитаніи, и указывалъ на то, что всегда лошади изъ лучшихъ породъ и бодры и горячи, и если ихъ объѣздить, онѣ дѣлаются превосходными и самыми полезными лошадьми, тогда какъ если ихъ не объѣздить, онѣ остаются неукротимыми и вредными. Точно также бываетъ съ собаками, которыя изъ лучшихъ породъ, трудолюбивы и способны къ охотѣ. Если ихъ хорошо повести, онѣ оказываются провосходными для охоты и вообще очень полезными; но если ихъ оставить безъ дрессировки, это глубыя, злыя и упрямыя животныя. Такимъ же точно образомъ и богато одаренныя 4.
человѣческія натуры, съ величайшими силами и способностями къ исполненію того, за что берутся, если будутъ воспитаны и выучатся тому, что должны дѣлать, оказываются провосходными и полезными людьми, потому что совершаютъ много великихъ дѣлъ. Но если они остаются безъ воспитанія и безъ ученія, то оказываются самыми дурными и самыми вредными людьми, потому что, не умѣя рѣшить, за что взяться, часто берутся за дурное, а такъ какъ это люди надменные и упрямые, то ихъ трудно удержать и отклонить, и они дѣлаютъ очень много вреда.

Тѣхъ людей, которые слишкомъ гордятся богатствомъ и 5.
образованіе не признаютъ необходимымъ, думая, что достаточно будетъ одного богатства для достиженія желаній и пріобрѣтенія уваженія согражданъ, Сократъ вразумлялъ тѣмъ, что говорилъ, что безразсуденъ человѣкъ, надѣющійся безъ ученія различать полезное и вредное; безразсуденъ и тотъ, кто не умѣетъ этого различать и, достигая желаемаго путемъ богатства, думаетъ, что будетъ въ состояніи дѣйствовать цѣлесообразно; глупый и тотъ, кто надѣется хорошо дѣйствовать, не умѣя дѣйствовать цѣлесообразно, и устроить какъ слѣдуетъ свою жизнь; глупый и тотъ, кто, ничего не понимая, думаетъ, что, благодаря богатству, будетъ въ данномъ случаѣ хорошимъ человѣкомъ, или же, вовсе не будучи хорошимъ человѣкомъ, думаетъ, что будетъ считаться таковымъ.

## ГЛАВА ВТОРАЯ.

Разговоръ Сократа съ Евтидемомъ о необходимости ученія у знающихъ людей.

Теперь я изложу, какъ онъ относился къ тѣмъ людямъ, которые думали, что получили превосходное образованіе и гордились своимъ знаніемъ. Узналъ онъ, что Евтидемъ Красивый собралъ много сочиненій знаменитѣйшихъ поэтовъ и софистовъ и вслѣдствіе этого считаетъ себя выше своихъ сверстниковъ въ дѣлѣ знанія и питается большими надеждами превосходить всѣхъ умѣньемъ говорить и дѣйствовать. Прежде всего, замѣтивъ, что Евтидемъ, по молодости, еще не является въ народномъ собраніи и если имѣетъ дѣло, то сидитъ въ шорной мастерской вблизи народнаго собранія, Сократъ вошелъ въ эту мастерскую вмѣстѣ
2. съ нѣкоторыми изъ своихъ слушателей. Здѣсь кто-то предложилъ вопросъ: благодаря ли обращенію съ какимъ либо умнымъ человѣкомъ, или благодаря собственнымъ дарованіямъ Ѳемистоклъ настолько возвысился надъ согражданами, что государство всегда обращало на него свои взоры, когда являлась надобность въ отличномъ дѣятелѣ? Сократъ, желая затронуть Евтидема, сказалъ, что странно то мнѣніе, будто въ маловажныхъ занятіяхъ нельзя сдѣлаться отличнымъ безъ хорошихъ учителей, а управленіе государствомъ, величайшее изъ всѣхъ занятій, дается
3. человѣку само собою. Другой разъ, въ присутствіи Евтидема, Сократъ, замѣтивъ, что послѣдній камѣренъ удалиться изъ собранія, и боится, чтобы не подумали, что онъ преклоняется предъ мудростью Сократа, сказалъ: Друзья, изъ поступковъ Евтидема достаточно видно, что онъ, достигнувъ совершеннолѣтія, не удержится отъ того, чтобы дать свой совѣтъ государству, когда оно предложитъ на обсужденіе какой либо вопросъ, и я полагаю, что, во избѣжаніе подозрѣній, что онъ у кого либо изучалъ извѣстный предметъ, онъ даже придумалъ красивое введеніе къ своей рѣчи. Безъ всякаго сомнѣнія онъ, начиная говорить, сдѣлаетъ слѣдующее введеніе: „Аѳиняне, никогда, ни
4. у кого и ничему я не учился. И такъ какъ я даже не слышалъ,

что есть люди, способные на слово и на дѣло, то и не искалъ съ ними встрѣчи и не заботился о томъ, чтобы у меня были знающіе учители. Напротивъ. Я постоянно избѣгалъ не только изученія даннаго предмета у извѣстнаго лица, но и самой мысли о такомъ изученіи. Несмотря на это, я преподамъ вамъ совѣтъ, какой мнѣ самъ собою приходитъ." — Хорошо было бы также на- 5.
чать подобнымъ образомъ рѣчь и тому, кто желаетъ получить у государства должность врача: „Аѳиняне, никогда, ни у кого я не учился врачебному искуству и не искалъ никого изъ врачей быть моимъ учителемъ. Я постоянно избѣгалъ не только ученія у врачей, но даже мысли объ изученіи у нихъ этого искусства. Несмотря на это, вы дайте мнѣ врачебную должность: я постараюсь изучить ее, практикуясь на васъ." — Всѣ присутствовавшіе смѣялись такому введенію. Когда стало замѣтно, что Евтидемъ 6.
хотя и прислушивается къ тому, что говоритъ Сократъ, но самъ все еще остерегается заговорить, надѣясь этимъ молчаніемъ заслужить славу въ воздержаніи, тогда Сократъ, желая остановить его и отъ этого, сказалъ: Евтидемъ. Какъ-это желающіе быть киѳаристами, флейтистами, наѣздниками или мастерами въ другихъ подобныхъ предметахъ стараются не только наединѣ постоянно исполнять то, въ чемъ желаютъ достигнуть совершенства, но и передъ тѣми, которые считаются лучшими въ этомъ дѣлѣ, причемъ употребляютъ всѣ усилія, чтобы ничего не сдѣлать безъ одобренія послѣднихъ, зная, что иначе не сдѣлаются замѣчательными артистами. Между тѣмъ нѣкоторые изъ тѣхъ, которые желаютъ быть сильными въ словѣ и въ политической дѣятельности, думаютъ, что сдѣлаются способными къ этому сами собою, безъ всякой подготовки и упражненій. Но занятія послѣд- 7.
няго рода настолько труднѣе занятій перваго, насколько болѣе за нихъ берутся, и менѣе достигаютъ успѣха, — очевидно потому, что стремящіеся къ политической дѣятельности требуютъ болѣе продолжительныхъ и усердныхъ занятій, чѣмъ стремящіеся къ дѣятельности артистической. — Такія слова говорилъ Сократъ 8.

на первыхъ порахъ вслухъ Евтидему, но когда замѣтилъ, что Евтидемъ охотнѣе остается на время бесѣдъ Сократа и внимательнѣе прислушивается, то самъ одинъ вошелъ въ эту мастерскую, и когда при немъ сѣлъ Евтидемъ, сказалъ: Евтидемъ, въ самомъ ли дѣлѣ ты, какъ я слышалъ, собралъ много сочиненій извѣстныхъ мудрыхъ мужей? — Дѣйствительно, Сократъ, отвѣчалъ Евтидемъ, и я продолжаю собирать, пока наконецъ не пріобрѣту ихъ воз-
9. можно больше. — Клянусь Герой, отвѣчалъ Сократъ, я вполнѣ уважаю тебя, что ты предпочелъ собирать сокровища добродѣтели, а не сокровища серебра и золота. Очевидно, по твоимъ убѣжденіямъ, серебро и золото ни въ чемъ не дѣлаютъ людей лучшими, тогда какъ ученія мудрыхъ мужей обогащаютъ своихъ владѣтелей добродѣтелью. — Евтидему пріятно было слышать это: онъ думалъ, что этотъ путь къ знанію Сократъ признаетъ настоящимъ. Сократъ, подмѣтивъ его удовольствіе отъ этой
10. похвалы, сказалъ: Въ чемъ же именно ты желаешь быть хорошимъ, что собираешь эти сочиненія? — Но такъ какъ Евтидемъ молчалъ, соображая что̀ отвѣтить, то Сократъ спросилъ: Не во врачебномъ ли дѣлѣ? Есть много сочиненій врачей. — Конечно, нѣтъ, отвѣчалъ Евтидемъ. — И архитекторомъ не желаешь быть? и это требуетъ человѣка образованнаго. — Нѣтъ, отвѣчалъ Евтидемъ. — И не хочешь быть извѣстнымъ геометромъ, какъ напр., Ѳедоръ? — И астрологомъ быть не хочешь? — Когда Евтидемъ и на это отвѣчалъ отрицательно, Сократъ спросилъ: И не рапсодомъ? Говорятъ, ты пріобрѣлъ всѣ поэмы Гомера. — Разумѣется, нѣтъ, отвѣчалъ Евтидемъ: рапсоды хорошо знаютъ
11. стихи, но сами люди крайне ограниченные. Тогда Сократъ сказалъ: Ужъ не къ этой ли ты стремишься добродѣтели, посредствомъ которой люди дѣлаются политиками, домоправителями, начальниками и вообще полезными для себя и для другихъ? — Именно, Сократъ, я ищу этой добродѣтели, отвѣчалъ Евтидемъ. — Ты стремишься къ самой высокой и самой важной добродѣтели, сказалъ Сократъ: — это добродѣтель царей и назы-

вается *царской добродѣтелью*. Но думалъ ли ты, чтобы можно было быть справедливымъ, не будучи добрымъ?—Разумѣется, нельзя, такъ точно, какъ безъ справедливости не возможно быть хорошимъ гражданиномъ. — А ты достигъ этого? спросилъ Сократъ. 12.
— Я думаю, что я могу считаться справедливымъ нисколько не менѣе, чѣмъ всякій другой. — Но таковы-ли дѣйствія справедливыхъ, какъ напр., дѣйствія, плотниковъ? — Конечно. — Но, подобно тому какъ плотники показываютъ свои произведенія, могутъ ли также показать свои дѣйствія и справедливые? — Дѣйствія справедливости или несправедливости? спросилъ Евтидемъ: да ихъ немало можно видѣть и слышать каждый день. — Такъ вотъ, говорилъ Сократъ, здѣсь мы напишемъ *Д*, а здѣсь *А*; 13.
и затѣмъ то, что признаемъ дѣломъ справедливости, будемъ относить къ *Д*, а что признаемъ дѣломъ несправедливости, къ *А*.
— Пиши, если находишь нужнымъ, сказалъ Евтидемъ. — Тогда 14.
Сократъ, написавши какъ сказалъ, спросилъ: Между людьми водится ложь? — Разумѣется, — Куда ее причислить? — Конечно, къ несправедливости. — Обманъ тоже водится? — И очень. — Его куда причислить? — Тоже къ несправедливости. — Злоумышленность? — Тоже. — Продажа ближняго въ рабство? 15.
— Тоже. — И къ справедливости ничего изъ этого не будетъ причислено? — Да и странно было бы. — Теперь. Если кто либо, будучи избранъ въ стратеги, обращаетъ въ рабство жителей враждебнаго, непріятельскаго города, скажешь ли ты, что онъ поступилъ несправедливо? — Ни въ какомъ случаѣ. — Ты скажешь, что онъ поступилъ справедливо? — Разумѣется. — Дальше. Если онъ во время войны дѣйствуетъ обманно? — И это тоже справедливое дѣйствіе. — Если онъ станетъ расхищать и грабить ихъ имущество, онъ не будетъ дѣйствовать несправедливо? — Безъ сомнѣнія; но я сначала думалъ, что ты спрашиваешь меня объ этомъ только по отношенію къ друзьямъ. — Значитъ, все то, что ты причислилъ къ справедливости, должно 16.
быть причислено также и къ несправедливости? — Кажется, что

такъ, сказалъ Евтидемъ. — Значитъ, мы теперь, послѣ такого распредѣленія, сдѣлаемъ вторичное опредѣленіе, именно, что подобныя дѣйствія въ отношеніи враговъ справедливы, а въ отношеніи друзей несправедливы, и что въ отношеніи послѣднихъ слѣдуетъ
17. поступать какъ можно добросовѣстнѣе. — Непремѣнно, сказалъ Евтидемъ. — Если стратегъ, продолжалъ Сократъ, видя малодушіе солдатъ, сообщитъ ложное извѣстіе, будто приближаются союзники, и этой ложью прекратитъ малодушіе, куда ты причислишь этотъ обманъ? — Я полагаю, къ справедливости. — А если кто обманетъ своего сына, нуждающагося въ лѣченіи и не принимающаго лѣкарства и дастъ ему лѣкарство подъ видомъ пищи, и этой ложью сдѣлаетъ сына здоровымъ, куда причислишь этотъ обманъ? — И этотъ туда-же. — Еще. Если кто, въ случаѣ малодушія друга, опасаясь, чтобы онъ не покончилъ съ собой, тайно унесетъ или вырветъ у него мечъ или что-либо подобное, это куда причислить? — И это, разумѣется, къ спра-
18. ведливости. — Такъ ты говоришь, что и въ отношеніи друзей не во всемъ слѣдуетъ поступать откровенно? — Разумѣется, не во всемъ. Но я *переставлю* сказанное, если это можно. — Да,
19. это гораздо лучше, чѣмъ поставить невѣрно. Но изъ двухъ человѣкъ, обманывающихъ своихъ друзей съ цѣлью вреда, который тебѣ кажется болѣе справедливымъ: нарочно обманувшій или ненарочно? — Да я, Сократъ, уже не полагаюсь на то, что отвѣчаю: потому что все, прежде сказанное, выходитъ совсѣмъ иначе, чѣмъ я думалъ прежде. Впрочемъ, я могу сказать, что обманувшій нарочно виновнѣе того, кто обманулъ ненарочно. —
20. Но думаешь ли ты, что есть изученіе и наука справедливаго въ родѣ того, какъ, напр., изученіе грамматики? — Я думаю. — Кого же ты считаешь болѣе знающимъ грамматику: того ли, кто нарочно пишетъ и читаетъ невѣрно, или того, кто дѣлаетъ это ненарочно? — Я думаю, тотъ, кто нарочно, потому что еслибы онъ хотѣлъ, могъ бы сдѣлать это и правильно. — Значитъ, тотъ кто нарочно пишетъ невѣрно будетъ знающій грамматику, а не-

нарочно — не знающій? — Какъ же иначе? — Теперь. Тотъ ли знаетъ справедливое, кто нарочно лжетъ и обманываетъ, или тотъ, кто ненарочно? — Очевидно тотъ, кто ненарочно. — Слѣдовательно, ты утверждаешь, что въ дѣлѣ грамматики человѣкъ, знающій этотъ предметъ, стоитъ выше незнающаго? — Непремѣнно. — Какъ и знающій справедливое справедливѣе того, кто не знаетъ? — Выходитъ, но *какъ*, я и здѣсь не умѣю сказать. — А вотъ еще, говорилъ Сократъ: если кто хочетъ говорить правду, 21.
но объ одномъ и томъ же предметѣ никогда не говоритъ одинакого, и указывая, напримѣръ, дорогу, одинъ разъ указываетъ ее на востокъ, другой разъ на западъ; или же производя счисленіе, онъ туже сумму показываетъ то больше, то меньше, какъ тебѣ кажется такой человѣкъ? — Очевидно, онъ не знаетъ того, о чемъ думалъ, что знаетъ. — Ты знаешь, что нѣкоторыхъ людей 22.
называютъ рабскими душами? — Знаю. — За мудрость или за невѣжество? — Очевидно, за невѣжество. — Но за невѣжество-ли, напримѣръ, въ кузнечествѣ они получаютъ это имя? — Конечно, нѣтъ. — И не за невѣжество въ сапожничествѣ? — Нѣтъ, и ни за что либо подобное. Напротивъ, бываетъ очень много рабскихъ душъ изъ людей, знающихъ это. — Слѣдовательно, это названіе принадлежитъ такимъ людямъ, которые не имѣютъ понятія о прекрасномъ и добромъ? — Я полагаю. — Значитъ, 23.
мы должны всячески стараться избѣгать, чтобы не быть низкими душами. — Клянусь богами, Сократъ, сказалъ Евтидемъ, я думалъ, что я занимаюсь именно той философіей, посредствомъ которой болѣе всего надѣялся достигнуть образованія, требуемаго отъ человѣка, стремящагося къ прекрасному и доброму; но ты можешь понять, въ какомъ я теперь отчаяніи, когда увидѣлъ, что, несмотря на прежнія занятія, я не въ состояніи отвѣтить даже на вопросы о томъ, о чемъ болѣе всего слѣдовало бы умѣть отвѣчать, и при этомъ не знаю другой дороги, идя по которой, могъ бы сдѣлаться лучше. — На это Сократъ отвѣчалъ: Евтидемъ, ты былъ когда-либо въ Делфахъ? — Даже два раза, ска- 24.

залъ Евтидемъ. — Ты замѣтилъ тамъ начертанную на храмѣ надпись: *Γνῶθι σαυτόν?* — Да. — Но ты задумывался надъ этой надписью, вникнулъ и рѣшился подумать надъ собой, кто ты и что ты? — Право нѣтъ, потому что я думалъ, что я это хорошо знаю; да едва ли бы я имѣлъ понятіе и о чемъ-либо
25. другомъ, если бы себя не зналъ. — Но думаешь ли ты, что тотъ знаетъ себя, кто только знаетъ свое имя, или тотъ, кто, — подобно тому какъ покупающіе лошадь думаютъ, что не прежде ее знаютъ, какъ осмотрѣвши, спокойная она или не спокойная, сильная или слабая, скорая или лѣнивая, и вообще каковы ея качества, необходимыя для пользованья лошадью и каковы качества не необходимыя, — то такъ ли знаетъ свои силы и человѣкъ, когда разсмотрѣлъ себя, каковъ онъ по отношенію къ пользованью собой, какъ человѣкомъ? — Да, я думаю, что че-
26. ловѣкъ, не знающій своихъ силъ, не знаетъ себя. — Не ясно ли теперь, что вслѣдствіе знанія себя люди испытываютъ много хорошаго, и вслѣдствіе ложныхъ представленій испытываютъ много дурнаго? Человѣкъ, знающій себя, знаетъ и то, что для него будетъ хорошо, и различаетъ то, что можетъ сдѣлать и чего не можетъ. Кромѣ того, человѣкъ дѣлающій то что онъ понимаетъ, съ одной стороны, достигаетъ желаемаго и пользуется благополучіемъ; съ другой стороны, уклоняясь отъ того, чего не понимаетъ, не впадаетъ въ ошибки и чуждъ неблагополучія. На томъ же основаніи человѣкъ, умѣющій судить о другихъ, отъ обращенія
27. съ ними извлекаетъ хорошее и избѣгаетъ дурнаго. Между тѣмъ человѣкъ, не знающій этого и заблуждающійся въ своихъ силахъ, безразлично относится ко всѣмъ людямъ и ко всѣмъ человѣческимъ занятіямъ. Онъ не понимаетъ ни того, что ему нужно, ни того, что онъ дѣлаетъ, ни того, чѣмъ онъ пользуется. Во всемъ этомъ онъ заблуждается, лишается хорошаго и подвергается
28. дурному. Дальше. Люди, понимающіе что они дѣлаютъ и достигающіе результатовъ, пользуются хорошей славой и уваженіемъ. Благоразумные люди обращаются къ нимъ съ охотой, испыты-

вающіе въ своихъ предпріятіяхъ неудачи ищутъ ихъ совѣтовъ и руководства, надѣются на полученіе отъ нихъ добра и въ силу всего этого любятъ ихъ болѣе всѣхъ. Между тѣмъ люди, не- 29.
понимающіе что они дѣлаютъ, принимаютъ неудачныя рѣшенія, и не достигая результатовъ, не только терпятъ ущербъ и наказаніе въ самихъ дѣйствіяхъ, но впадаютъ за это въ безславіе, подвергаются осмѣянію и живутъ въ презрѣніи и безчестіи. Да ты можешь видѣть и по государствамъ, что тѣ изъ нихъ, которыя, не зная своихъ силъ, вступаютъ въ войны съ сильнѣйшими, или совершенно разрушаются или изъ независимыхъ становятся порабощенными.

Евтидемъ отвѣчалъ: Сократъ, знай, что я рѣшился считать 30.
великимъ дѣломъ самопознаніе, и только ожидаю отъ тебя, не согласишься ли ты указать мнѣ, съ чего я долженъ начать изучать себя. — Ты, вѣроятно, знаешь въ совершенствѣ, въ чемъ 31.
состоитъ добро и зло? спросилъ Сократъ. — Безъ сомнѣнія; если бы я и этого не зналъ, я былъ бы хуже всякаго раба. — — Такъ, пожалуста, укажи это и мнѣ. — Это дѣло не трудное, сказалъ Евтидемъ. Прежде всего, здоровье я признаю добромъ, а болѣзнь зломъ. Затѣмъ, источники того и другаго, каковы: пища, питье, занятія, ведущія къ здоровью, я признаю добромъ, а ведущія къ болѣзнямъ, зломъ. — Значитъ, здоровье и болѣзнь, 32.
когда служатъ источникомъ хорошаго, будутъ добро, а когда — дурнаго, зло? — Когда же здоровье можетъ служить источникомъ чего-либо дурнаго, а болѣзнь хорошаго? спросилъ Евтидемъ. — Когда люди, сказалъ Сократъ, въ силу здоровья участвуютъ въ постыдномъ сраженіи или гибельной морской битвѣ и т. п. и погибаютъ, а оставленные вслѣдствіе слабости остаются въ живыхъ. — Дѣйствительно такъ, отвѣчалъ Евтидемъ; но ты знаешь, что и въ полезномъ одни въ силу здоровья участвуютъ, тогда какъ другихъ оставляютъ вслѣдствіе ихъ слабости. — Но то, что одинъ разъ приноситъ пользу, а другой разъ вредъ, есть ли болѣе добро, чѣмъ зло? — Разумѣется нѣтъ, судя по прежнимъ 33.

доказательствамъ. Но, Сократъ, знаніе уже безспорно есть добро; потому что какого дѣла не сдѣлаетъ умный лучше невѣжественнаго? — Чтожъ? Развѣ ты не слышалъ о Дедалѣ, что Миносъ приказалъ его схватить за его мудрость, заставилъ служить ему, Миносу, рабомъ, лишилъ отечества и свободы, и когда Дедалъ рѣшился бѣжать вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, то лишился послѣдняго и самъ не могъ спастись? Онъ перенесся къ варварамъ, но тамъ снова попалъ въ рабство. — Да, говорятъ это. — А о страданіяхъ Паламеда развѣ тѣ не слышалъ? Всѣ поэты говорятъ о немъ, что онъ, подвергшись за свое знаніе зависти Одиссея, погибъ отъ его руки. — Да, и это говорятъ. — А сколько другихъ попали къ персидскому царю въ рабство? —
34. Сократъ, счастіе должно быть благо безспорное. — Да, если его не составлять изъ спорныхъ благъ. — Что же въ счастіи спорное? — Ничего нѣтъ спорнаго, если мы не причислимъ къ счастью ни красоты, ни силы, ни богатства, ни славы и ничего подобнаго. — Непремѣнно нужно причислить; кто же можетъ безъ этого быть
35. счастливымъ. — Пожалуй, говорилъ Сократъ. Это значитъ мы причислимъ то, откуда происходитъ для человѣка много огорченій, такъ какъ многіе въ силу своей красоты гибнутъ отъ тѣхъ, которые съума сходятъ по красивымъ лицамъ; многіе вслѣдствіе своей силы впадаютъ въ немалыя бѣды оттого, что берутся за то, что выше ихъ силъ; многіе погибаютъ отъ своего богатства, съ одной стороны потому, что ихъ развращаютъ, съ другой потому, что подвергаются тайнымъ нападеніямъ; многіе, наконецъ, испытываютъ большія бѣдствія вслѣдствіе славы и могущества въ
36. государствѣ. — Но если я сказалъ невѣрно и расхвалилъ счастье, то я прихожу къ мысли, что не знаю, о чемъ слѣдуетъ молиться богамъ, сказалъ Евтидемъ. — Вѣроятно, ты не разсуждалъ объ этомъ потому, что вполнѣ увѣренъ былъ, что знаешь. Безъ всякаго сомнѣнія ты знаешь, въ чемъ состоитъ демократія, такъ такъ какъ ты готовишься къ управленію демократическимъ госу-
37. дарствомъ. — Конечно, знаю. — Думаешь-ли ты, что можно имѣть

понятіе о демократіи, не имѣя понятія о демосѣ? — Я думаю, что нѣтъ. — Что же такое, по твоему мнѣнію, демосъ? — Я думаю, что это бѣдные граждане. — И что такое „бѣдный", ты знаешь? — Какже. — Значитъ, ты имѣешь понятіе и о богатыхъ? — Нисколько не хуже чѣмъ о бѣдныхъ. — Какихъ-же ты гражданъ называешь бѣдными и какихъ богатыми? — Я думаю, что бѣдные это тѣ, которые не имѣютъ достаточно средствъ платить за то, что имъ нужно, а богатые тѣ, которые имѣютъ больше чѣмъ достаточно для нихъ. — Но замѣтилъ ли ты, что 38.
нѣкоторые, располагая немногимъ, не только довольствуются этимъ, но еще дѣлаютъ сбереженія, тогда какъ для другихъ оказываются недостаточными и очень большія средства? — Да, отвѣчалъ Евтидемъ; ты говоришь совершенно справедливо. Я самъ знаю нѣкоторыхъ тирановъ, которые, вслѣдствіе недостатка средствъ, принуждены производить насилія, подобно людямъ крайне нуждающимся. — А если это такъ, сказалъ Сократъ, то мы тирановъ 39.
причислимъ къ демосу, а имѣющихъ малыя средства, но расчетливыхъ, къ богатымъ. — На это Евтидемъ отвѣчалъ: Очевидно, что моя неумѣлость заставляетъ меня согласиться и съ этимъ; и я думаю, не лучше ли будетъ мнѣ молчать, потому что можетъ выйти, что я ровно ничего не знаю.

Евтидемъ удалился въ полномъ малодушіи. Онъ былъ недо- 40.
воленъ собою, потому что пришелъ къ мысли, что онъ въ самомъ дѣлѣ рабская душа. И многіе, бывъ приняты Сократомъ подобнымъ образомъ, уже не возвращались къ нему. Такихъ людей Сократъ признавалъ болѣе или менѣе глупыми. Но Евтидемъ понялъ, что онъ не иначе можетъ сдѣлаться знаменитымъ, какъ только путемъ возможно близкаго сообщества съ Сократомъ. И съ этихъ поръ онъ не оставлялъ Сократа, за исключеніемъ развѣ крайнихъ случаевъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи онъ усвоилъ даже привычки Сократа, такъ что когда послѣдній узналъ съ этой стороны Евтидема, то уже не задѣвалъ его, но простымъ и по-

нятнымъ образомъ говорилъ ему о томъ, что, по его мнѣнію, должно знать и что чрезвычайно полезно въ жизни.

## ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

### О необходимости богопознанія.

Сократъ не торопился дѣлать своихъ учениковъ способными говорить, дѣйствовать и изобрѣтать. Онъ думалъ, что прежде всего имъ должно быть внушено воздержаніе, такъ какъ люди, способные къ этому, безъ упомянутой добродѣтели дѣлаются еще болѣе склонными къ несправедливости и къ
2. насилію. Во первыхъ, онъ старался дѣлать своихъ слушателей здравомыслящими въ отношеніи боговъ. Разныя лица, присутствовавшія при бесѣдахъ Сократа объ этомъ вопросѣ разсказывали объ этихъ бесѣдахъ. Я присутствовалъ при слѣ-
3. дующей его бесѣдѣ съ Евтидемомъ. Евтидемъ, сказалъ Сократъ: приходилось ли тебѣ когда либо размышлять о томъ, какъ боги заботливо устроили то, въ чемъ люди нуждаются? — Право, не случалось, отвѣчалъ Евтидемъ. — Но ты знаешь, что главнымъ образомъ мы нуждаемся въ свѣтѣ, который намъ подаютъ боги? — Конечно, еслибы его у насъ не было, то мы, не смотря на то, что имѣемъ глаза, были бы похожи на слѣпыхъ. — Кромѣ того, такъ какъ мы нуждаемся въ отдыхѣ, то они подаютъ намъ прекрасное средство для отдохновенія — ночь. — Да, и это заслу-
4. живаетъ благодарности. — Такъ какъ солнце, будучи свѣтящимся тѣломъ, дѣлаетъ для насъ ясными времена дня и все прочее, а ночь, въ силу своей темноты, дѣлаетъ предметы болѣе невидными, то они ночью указали намъ звѣзды, вслѣдствіе чего мы дѣлаемъ многое изъ того, что намъ нужно. — Да, это такъ. — Кромѣ того, луна дѣлаетъ для насъ ясными не только части ночи, но
5. и части мѣсяца. — Вѣрно. — Такъ какъ мы нуждаемся въ пропитаніи, то они подаютъ намъ его изъ земли и назначаютъ соотвѣтствующія для этого времена года, каковыя доставляютъ намъ много разнообразныхъ даровъ, не только такихъ, которые

намъ нужны, но и такихъ, которые доставляютъ намъ радость. —
Да, и это дѣла человѣколюбія. — Они доставляютъ намъ воду, 6.
предметъ особенной важности, такъ какъ она, совокупно съ землей
и временами года, производитъ и произращаетъ все полезное для
насъ и вмѣстѣ съ тѣмъ питаетъ насъ, а въ связи со всѣми пред-
метами питанія, дѣлаетъ послѣдніе болѣе полезными и болѣе
пріятными, и такъ какъ мы болѣе всего нуждаемся въ ней, то
боги доставляютъ ее для насъ въ наибольшемъ изобиліи. — Да,
и это дѣло предусмотрительности. — Они дали намъ огонь, по- 7.
мощника въ холодѣ, помощника во мракѣ, сотрудника во всякомъ
искуствѣ, сотрудника во всемъ, что только люди добываютъ на
свою пользу, такъ что, вкратцѣ сказать, безъ него человѣкъ не
производитъ ничего важнаго и ничего полезнаго въ жизни. — И 8.
это дѣло человѣколюбія, — Солнце, совершивъ своей зимній по-
воротъ, начинаетъ подходить такимъ образомъ, что однимъ пред-
метамъ сообщаетъ зрѣлость, а другіе, которыхъ пора наступила,
высушиваетъ, но сдѣлавши это, уже не идетъ дальше: оно дѣ-
лаетъ поворотъ назадъ, опасаясь, чтобы не сообщить намъ болѣе
теплоты, чѣмъ нужно, и не повердить намъ. Затѣмъ, когда оно,
вторично возвращаясь, уходитъ туда, гдѣ для насъ самихъ оче-
видно, что если оно зайдетъ дальше, мы окоченѣемъ отъ холода,
оно опять дѣлаетъ поворотъ назадъ и доходитъ до того мѣста
на небѣ, на которомъ наиболѣе можетъ принести пользы. — Да,
по всему видно, что и это дѣлается ради человѣка. — Еще. Такъ 9.
какъ для насъ очевидно, что мы не перенесли бы ни холода, ни
жары, еслибы это произошло вдругъ, то солнце какъ приближается постепенно, такъ и постепенно удаляется, такъ что мы
незамѣтно входимъ въ обѣ крайности. — Я даже размышляю о
томъ, сказалъ Евтидемъ, есть-ли у боговъ другое какое либо
занятіе, кромѣ служенія человѣку. Одно только ставитъ меня
въ недоумѣніе, это то, что и прочія живыя существа наслаждаются
всѣмъ этимъ. — Неужели для тебя и въ этомъ отношеніи не 10.
очевидно, что самыя животныя раждаются и вырастаютъ для

человѣка? Какое другое животное столько извлекаетъ пользы изъ козъ, овецъ, лошадей, быковъ,ословъ и т. п., сколько извлекаетъ человѣкъ? Я даже думаю, что человѣкъ болѣе извлекаетъ изъ животныхъ, чѣмъ изъ растеній. Положимъ, онъ питается и и обогащается не менѣе первыми, чѣмъ послѣдними, очень много людей не употребляетъ въ пищу произведеній земли и питается молокомъ своихъ стадъ, сыромъ и мясомъ, но всѣ, укрощая и обуздывая полезныхъ животныхъ, пользуются ихъ помощью для войны и во многихъ другихъ случаяхъ. — Я и съ этимъ согласенъ, сказалъ Евтидемъ; потому что я самъ вижу, что животныя, гораздо сильнѣйшія насъ, отдаются человѣку въ
11. руки и человѣкъ пользуется ими, какъ ему угодно. — Дальше. Такъ какъ есть много благъ прекрасныхъ и полезныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не похожихъ одно на другое, то боги дали человѣку сообразные съ каждымъ предметомъ органы чувствъ, посредствомъ которыхъ мы наслаждаемся всѣми благами. Они вложили въ насъ разумъ, посредствомъ котораго мы судимъ о предметахъ ощущенія и, передавая ихъ памяти, узнаемъ, что̀ и какъ полезно и вообще придумываемъ средства наслаждаться полезнымъ и из-
12. бѣгать вреднаго. Они дали намъ способность передачи, посредствомъ которой, именно, посредствомъ слова, мы надѣляемъ другъ друга всѣмъ хорошимъ, составляемъ общества, издаемъ законы и пользуемся государственною жизнью. — Да, Сократъ, изъ всего видно, что боги прилагаютъ много заботъ о человѣкѣ. — Еще. Въ случаѣ, если мы не въ силахъ предугадать полезное въ будущемъ, тогда они сами намъ содѣйствуютъ, дѣлая указанія вопрощающимъ посредствомъ мантики и вразумляя, какъ можетъ быть лучше. — Кажется, Сократъ, они относятся къ тебѣ съ гораздо большею любовью, чѣмъ къ прочимъ людямъ, такъ какъ они, даже безъ твоихъ вопросовъ, указываютъ тебѣ, что слѣдуетъ
13. дѣлать и чего не слѣдуетъ. — Что я говорю вѣрно, это ты самъ узнаешь, если не станешь дожидаться увидѣть образъ божій, и для тебя достаточно будетъ видѣть дѣла боговъ, чтобы покла-

няться богамъ и чтить ихъ. Подумай еще о томъ, что боги сами въ этомъ случаѣ дѣлаютъ намъ указанія. Если всѣ боги, подавая намъ блага, ничего не подаютъ явно, то устроитель и властитель всей вселенной, у котораго все прекрасное и доброе, который, несмотря на постоянное пользованіе, подаетъ все неповрежденнымъ, здоровымъ и не старѣющимся, и скорѣе, чѣмъ можно представить, все цѣлесообразно подходящимъ, этотъ богъ будетъ видимъ въ своихъ великихъ дѣяніяхъ, но *какъ* онъ всѣмъ этимъ правитъ, это внѣ извѣстности. Подумай и о томъ, что 14.
солнце, которое для всякаго видимо, не позволяетъ человѣку внимательно смотрѣть на него, и если кто дерзко начнетъ всматриваться, лишается зрѣнія. Ты и силъ божіихъ не найдешь видимыми. Видно, напримѣръ, что молнія бросается сверху, одолѣваетъ все на своемъ пути, но не видно, когда она нападаетъ, когда разитъ и когда возвращается. Вѣтровъ тоже не видно, но видно то, что они дѣлаютъ, и мы чувствуемъ ихъ приближеніе. Относительно души человѣческой, которая болѣе, чѣмъ что либо другое въ человѣкѣ, причастна божеству, извѣстно, что она царствуетъ въ насъ, но и ее мы не видимъ. Вдумываясь во все это, человѣкъ не долженъ презрительно относиться къ невидимому; напротивъ того, долженъ познавать его дѣйствія въ явленіяхъ и чтить божественную силу.

Сократъ! сказалъ Евтидемъ. Я хорошо знаю, что я ни чуть 15.
не стану небрежно относиться къ этой божественной силѣ, но меня смущаетъ то, что, на мой взглядъ, ни одинъ человѣкъ не отвѣчаетъ достойной благодарностью на благодѣянія боговъ. —
Этимъ ты ни сколько не смущайся, сказалъ Сократъ. Ты знаешь, 16.
что делфійскій богъ, на вопросъ: *какъ угождать богамъ*, отвѣчаетъ: *по государственнымъ уставамъ*, — оттого-то и принято повсюду умилостивлять боговъ жертвами „по силамъ“. Да и въ самомъ дѣлѣ, можно ли почтить боговъ достойнѣе и имъ самимъ угоднѣе, чѣмъ поступая по ихъ велѣніямъ? Но въ этомъ случаѣ 17.
человѣкъ не долженъ быть ниже своихъ силъ, и если онъ ниже,

то, очевидно, онъ не чтитъ боговъ. Потому нужно чтить ихъ сообразно съ своими силами и тогда смѣло ожидать отъ нихъ всякихъ благъ. Тотъ не будетъ человѣкъ здравомыслящій, кто на другихъ будетъ питать большія надежды, чѣмъ на тѣхъ, которые въ силахъ оказать величайшую помощь, особенно, если не будетъ угождать. Но можно ли угодить имъ иначе кромѣ совершенной преданности?

18. Такими словами и дѣйствіями онъ дѣлалъ своихъ учениковъ болѣе благочестивыми и болѣе здравомыслящими.

## ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Разговоръ съ софистомъ Гиппіемъ о справедливости.

Не скрывалъ онъ и того, какое имѣлъ мнѣніе о справедливости. Въ частной жизни онъ относился ко всѣмъ сообразно съ обычаями и пользой, а въ отношеніи государства повиновался начальникамъ, какъ того требовали законы, и при томъ такъ повиновался, — дома и въ военной службѣ, — что, какъ всякому
2. извѣстно, онъ держался порядка не въ примѣръ прочимъ. Когда онъ былъ въ народномъ собраніи епистатомъ, то не допустилъ противозаконнаго голосованія, противъ чего не осмѣлился-бы
3. пойти никто другой. Точно также онъ не слушался противозаконныхъ приказаній 30 тирановъ. Когда они запрещали ему бесѣды съ молодежью и требовали отъ него и еще отъ другихъ гражданъ доставить на казнь одного (аѳинянина), Сократъ одинъ не повиновался, потому что ему приказывали вопреки законамъ.
4. Точно также, подвергшись обвиненію Мелита, Сократъ, въ то время, какъ другіе обыкновенно передъ судомъ отвѣчаютъ угодливо судьямъ, льстятъ и противозаконно обращаются съ просьбами, въ силу чего нерѣдко судьи оправдываютъ, Сократъ не согласился сдѣлать ничего изъ принятаго въ судахъ вопреки законамъ. Судьи легко оправдали-бы его, даже еслибы онъ допустилъ хоть что нибудь подобное; но онъ предпочелъ оставаться при законахъ
5. и умереть, чѣмъ жить, нарушая ихъ. Въ этомъ родѣ онъ не

рѣдко велъ бесѣды и съ другими, но я помню слѣдующую его
бесѣду о справедливости съ Гиппіемъ, изъ Елиды. Спустя нѣ-
которое время, прибывши вторично въ Аѳины, Гиппій явился къ
Сократу, когда послѣдній говорилъ съ кѣмъ-то о томъ, что
странно, когда человѣкъ, желающій сдѣлать кого-либо сапожни-
комъ, плотникомъ, кузнецомъ или наѣзднпкомъ, не затрудняется,
куда послать и достигнуть этого; что говорятъ даже, будто же-
лающій пріучить лошадь или вола, навѣрное найдетъ такихъ, что
научатъ. Но если кто желаетъ самъ изучить справедливость или
отдать въ науки своего сына или раба, то не знаетъ, куда об-
ратиться. Гиппій, выслушавъ это и какъ-бы подсмѣиваясь надъ 6.
Сократомъ, сказалъ: Сократъ, ты и теперь говоришь тоже самое,
что я слышалъ отъ тебя давно уже? — Здѣсь удивительно то,
Гиппій, что я говорю не только одно и то же, но и объ одномъ
и томъ же, сказалъ Сократъ. Въ силу своего многознанія ты,
вѣроятно, никогда не выражаешься одинаково объ одномъ и томъ
же? — Именно, я всегда стараюсь сказать что либо новое. —
Чтожъ? ты и относительно того, что знаешь, напримѣръ, отно- 7.
сительно грамматики, если кто спроситъ, сколько и какіе буквы
въ словѣ „Сократъ“, ты одинъ разъ стараешься такъ отвѣчать,
а другой разъ иначе; или, напримѣръ, относительно чиселъ, если
кто спроситъ тебя, сколько будетъ дважды пять, ты тоже отвѣ-
чаешь неодинаково? — Здѣсь я, также какъ и ты, говорю всегда
одно и то же, но относительно справедливости я именно теперь
могу сказать то, противъ чего ни ты, ни кто другой не въ со-
стояніи будете ничего возразить. — Клянусь Герой, отвѣчалъ 8.
Сократъ, по твоимъ словамъ, ты нашелъ великое счастіе, если
судьи перестанутъ давать разныя рѣшенія, если граждане пере-
стануть спорить за правду, судиться и образовать партіи, а
государства враждовать и вести войны. И я самъ не знаю какъ
отстать отъ тебя, пока не выслушаю изобрѣтателя такого счастія.
— Нѣтъ, ты не услышишь, пока самъ не откроешь, что ты счи- 9.
таешь справедливымъ. Будетъ съ тебя смѣяться надъ другими,

задавать вопросы и ставить въ тупикъ, а самому не давать отчета
10. и не высказывать мнѣнія ни о какомъ вопросѣ. — Какъ, Гиппій? Ты не замѣтилъ, что я безпрестанно обнаруживаю свои убѣжденія о справедливости? — Какое же твое ученіе по этому вопросу? — Если я не доказываю его словами, то доказываю дѣломъ. Или ты находишь дѣло менѣе доказательнымъ, чѣмъ слово? — Конечно, это такъ. Многіе говорятъ справедливо, а поступаютъ несправедливо, но никто не будетъ несправедливъ, если посту-
11. паетъ справедливо. — Слышалъ ли ты когда либо, чтобы я далъ ложное показаніе, сдѣлалъ доносъ, довелъ до смутъ друзей или государство, или сдѣлалъ что либо другое несправедливое? — Нѣтъ не слышалъ, отвѣчалъ Гиппій. — А быть далекимъ отъ несправедливости ты считаешь справедливымъ дѣломъ? — Очевидно, Сократъ, что ты и теперь стараешься уклониться отъ изложенія своего мнѣнія о справедливости: потому что ты говоришь не о томъ, что дѣлаютъ справедливые, а о томъ, чего они
12. не дѣлаютъ. — Я лично того мнѣнія, отвѣчалъ Сократъ, что нежеланіе несправедливости служитъ достаточнымъ доказательствомъ справедливости. Но если ты этимъ не довольствуешься, то, вотъ, не понравится ли тебѣ слѣдующее: я утверждаю, что то, что законно, то и справедливо. — Это, значитъ, ты говоришь, что законное и справедливое одно и тоже? — Да, отвѣчалъ Сократъ. — Такъ я не понимаю, что ты называешь законнымъ
13. и что справедливымъ. — Ты имѣешь понятіе о законахъ государства? — Да. — Что же ты разумѣешь подъ словомъ *законы?* — То, что граждане пишутъ, опредѣляя, что должно дѣлать и чего должно удерживаться, отвѣчалъ Гиппій. — Не будетъ-ли, стало быть, законный тотъ, кто поступаетъ сообразно съ этими предписаніями, и незаконный тотъ, кто нарушаетъ ихъ. — Разумѣется. — Значитъ, и справедливо поступать будетъ тотъ, кто повинуется этимъ предписаніямъ, а несправедливо — тотъ, кто не повинуется. — Конечно. — Значитъ, тотъ, кто поступаетъ справедливо, тотъ справедливъ? — Не иначе. — Слѣдовательно.

сказалъ Сократъ, законный справедливъ, а незаконный несправедливъ. — Гиппій на это замѣтилъ: Сократъ, кто станетъ 14.
думать о законахъ и о подчиненіи имъ, какъ о дѣлѣ серіозномъ, когда нерѣдко сами законодатели не одобряютъ ихъ и перемѣняютъ? — Да и государства часто предпринимаютъ войну и опять заключаютъ миръ. — Дѣйствительно, сказалъ Гиппій. — Но замѣчаешь-ли ты, что презрительно относясь къ подчиняющимся законамъ, за то что законы могутъ быть отмѣнены, ты дѣлаешь не что иное, какъ если бы ты отличающихся на войнѣ порицалъ за то, что можетъ послѣдовать миръ, или если бы ты порицалъ тѣхъ, которые во время войны охотно помогаютъ своему отечеству? — Конечно, я этого не имѣю въ виду. — Ты знаешь, 15.
продолжалъ Сократъ, что Ликургъ лакедемонскій нисколько не возвысилъ бы Спарты надъ прочими государствами, если бы, главнымъ образомъ, не ввелъ въ ней повиновенія законамъ? Развѣ тебѣ не извѣстно, что въ государствахъ тѣ правители самые лучшіе, которымъ граждане наиболѣе обязаны повиновеніемъ закóнамъ? И то государство, въ которомъ граждане наиболѣе повинуются законамъ, счастливо во время мира и незыблемо во время войны. Кромѣ этого, единомысліе считается величай- 16.
шимъ благомъ для государства, и весьма часто совѣты старшинъ и лучшіе мужи внушаютъ гражданамъ единомысліе. Въ Элладѣ повсюду постановлено закономъ, чтобы граждане давали клятву въ единомысліи, каковой клятвой повсюду и клянутся. Но я полагаю, что это дѣлается не для того, чтобы граждане присуждали награды однимъ и тѣмъ же хорамъ, хвалили однихъ и тѣхъ же флейтистовъ, отдавали предпочтеніе однимъ и тѣмъ же поэтамъ, или предавались однимъ и тѣмъ же удовольствіямъ. Это дѣлается для того, чтобы они повиновались законамъ. Если граждане пребываютъ въ этомъ повиновеніи, то государство бываетъ самое сильное и самое богатое; тогда какъ безъ единомыслія ни государство не можетъ хорошо стоять, ни домъ счастливо управляться. Да и въ частной жизни кто менѣе полу- 17.

чаетъ наказаній со стороны государства и кто получаетъ больше уваженія, какъ не тотъ, кто повинуется законамъ? Кто менѣе получаетъ неудачъ въ судахъ и кто болѣе выигрываетъ? Кому скорѣе ввѣрятъ опеку надъ имуществомъ, сыновьями, дочерями? Кого скорѣе государство признаетъ благонадежнымъ, какъ не человѣка законнаго? Отъ кого болѣе получатъ свои права родители, родственники, слуги, друзья, граждане, иностранцы? Къ кому болѣе, какъ не къ законному охотно явятся союзники и кому болѣе довѣрятъ союзники предводительство, охрану крѣпостей, города? Отъ кого болѣе можетъ ожидать благодарности благодѣтель, какъ не отъ законнаго? Кому болѣе станутъ благодѣтельствовать, какъ не тому, отъ кого увѣрены, что получатъ признательность? Съ кѣмъ болѣе пріятно быть въ дружбѣ, какъ не съ такимъ человѣкомъ и съ кѣмъ — менѣе во враждѣ? Съ кѣмъ менѣе станутъ воевать, съ кѣмъ наиболѣе захотятъ быть въ дружбѣ и наименѣе во враждѣ? У кого наиболѣе друзей и
18. союзниковъ и наименѣе враговъ и непріятелей? И такъ, Гиппій, я доказываю, что законность и справедливость одно и тоже. Если же ты имѣешь противоположное мнѣніе, доказывай. — Гиппій отвѣчалъ: Нѣтъ, Сократъ; свои мнѣнія о справедливости
19. я не признаю противоположными тобою высказаннымъ. — Ты, Гиппій, знаешь какіе либо не писанные законы? — Да, это тѣ законы, которые одинаково исполняются въ каждой странѣ. — Можешь ли ты сказать, что ихъ постановили люди? — Какимъ образомъ, когда они не въ состояніи сойтись и когда у нихъ разные языки? — Кто же, ты думаешь, постановилъ эти законы? — Я полагаю, боги, потому что у всѣхъ людей прежде всего
20. требуется чтить боговъ. — И повсюду требуется почитать родителей? — Да. — И чтобы родители не соединялись съ дѣтьми, ни дѣти съ родителями? — Я думаю, Сократъ, что это не есть законъ отъ Бога. — Почему? — Потому что я знаю, что есть
21. такіе, которые нарушаютъ этотъ законъ. — Нарушаютъ и много другихъ законовъ, но нарушители богоположенныхъ законовъ

подлежатъ такому наказанію, котораго избѣжать человѣку невозможно никакимъ образомъ, — въ родѣ того, какъ нарушители постановленныхъ людьми законовъ избѣгаютъ возмездія то скрытностію, то насиліемъ. — Отъ какого же возмездія, Сократъ, не 22.
могутъ избѣжать ни родители, соединившіеся съ дѣтьми, на дѣти соединившіеся съ родителями? — Отъ самаго тяжкаго, говорилъ Сократъ, потому что можетъ ли человѣкъ, производящій дѣтей, понести наказаніе большее, чѣмъ наказываясь преступнымъ дѣторожденіемъ? — Какимъ же образомъ они раждаютъ дурныхъ 23.
дѣтей, когда имъ ничего не мѣшаетъ, чтобы они, будучи сами прекрасными людьми, и дѣтей раждали прекрасныхъ? — Потому что производящіе дѣтей должны быть взаимно не только хорошими людьми, но и во цвѣтѣ тѣлесныхъ силъ. Или ты думаешь, что одинаковое сѣмя и у тѣхъ, что во цвѣтѣ силъ, и у тѣхъ, что не дозрѣли, и у тѣхъ, что перезрѣли? — Разумѣется, не одинаково. — Но у которыхъ лучшее? — Очевидно, что у находящихся во цвѣтѣ силъ. — А у не цвѣтущихъ не годно? — Я думаю. — Слѣдовательно, тогда не должно быть и дѣторожденія? — Конечно, нѣтъ. — И раждающіе тогда дѣтей раждаютъ такъ, какъ не должно? — Я думаю. — Гдѣ же болѣе дурное дѣторожденіе, какъ не здѣсь? — Я согласенъ съ тобой въ этомъ 24.
вопросѣ, сказалъ Гиппій. — Дальше. Не повсюду ли принято, чтобы платить благодарностью своимъ благодѣтелямъ? — Да, принято. но и это нарушается. — Но не получаютъ ли возмездія и эти нарушители, когда остаются безъ добрыхъ друзей и принуждены бѣгать за своими ненавистниками? Не дѣлаются ли добрыми друзьями тѣ, которые благодѣтельствуютъ обращающихся къ нимъ? и непризнательные къ своимъ благодѣтелямъ не подвергаются ли за непризнательность ненависти послѣднихъ, и въ силу великихъ выгодъ отъ сношеній съ благодѣтелями не бѣгаютъ ли они всячески за своими благодѣтелями? — Да, Сократъ; все это указываетъ на боговъ. Уже то, что сами законы заключаютъ въ себѣ наказаніе для нарушителей ихъ, на мой взглядъ, есть

25. дѣло законодателя высшаго, чѣмъ человѣкъ. — И такъ, думаешь ли ты, Гиппій, что боги постановляютъ справедливость, или же ты думаешь, что они постановляютъ нѣчто иное, чѣмъ справедливость? — Разумѣется, они не постановляютъ чего либо инаго. Едвали кто другой могъ бы установить правду въ законахъ, кромѣ бога, отвѣчалъ Гиппій. — Значитъ, Гиппій, и богамъ угодно, чтобы законное и справедливое было одно и тоже, сказалъ Сократъ.

Такъ говоря и такъ поступая, онъ дѣлалъ своихъ собесѣдниковъ гораздо справедливѣе.

## ГЛАВА ПЯТАЯ.

О необходимости воздержанія для практической жизни.

Теперь я буду говорить о томъ, какимъ образомъ Сократъ дѣлалъ своихъ собесѣдниковъ людьми болѣе практическими. Зная, что обладаніе воздержаніемъ составляетъ благо для человѣка, готовящагося къ практической дѣятельности, Сократъ, какъ это извѣстно его ученикамъ, болѣе чѣмъ всякій другой упражнялся въ этой добродѣтели. Затѣмъ онъ въ своихъ бесѣдахъ болѣе
2. всего побуждалъ своихъ учениковъ къ воздержанію. Онъ постоянно думалъ о томъ, что полезно въ вопросѣ о добродѣтели, и напоминалъ объ этомъ всѣмъ своимъ собесѣдникамъ. Я помню слѣдующій его разговоръ съ Евтидемомъ.

Евтидемъ, спросилъ онъ, считаешь ли ты свободу прекраснымъ и величественнымъ достояніемъ какъ для человѣка, такъ для государства? — Въ высочайшей степени, отвѣчалъ Евтидемъ. —
3. Признаешь ли ты свободнымъ того человѣка, которымъ управляютъ тѣлесныя удовольствія и который въ слѣдствіе этого не можетъ поступать какъ лучше? — Ни въ какомъ случаѣ. — Потому что ты, вѣроятно, признаешь свободнымъ поступать какъ лучше, и, значитъ, не свободнымъ — имѣть препятствія въ своихъ
4. дѣйствіяхъ? — Именно такъ. — Значитъ, ты положительно признаешь, что невоздержные не свободны? — Я думаю, что такъ. —

Но думаешь ли ты, что невоздержные получаютъ противодѣйствіе только въ совершеніи прекраснаго, или-же они принуждены совершать и постыдное? — Я думаю, что они ни сколько не менѣе чувствуютъ принужденіе, какъ и встрѣчаютъ противодѣйствіе. — Какого же ты мнѣнія о господахъ, противодѣйствующихъ въ самомъ хорошемъ и принуждающихъ къ самому дурному? — Это самые дурные господа, какіе только есть, отвѣчалъ Евтидемъ. — А какое рабство ты считаешь самымъ низкимъ? — Рабство у самыхъ низкихъ господъ. — Значитъ, невоздержные находятся въ самомъ низкомъ рабствѣ? — Я думаю, что такъ, сказалъ Евтидемъ. — Не находишь ли ты также, спрашивалъ Сократъ, что невоздержаніе, отчуждая людей отъ добродѣтели, этого величайшаго блага, повергаетъ ихъ въ противоположное: что невоздержаніе, своимъ влеченіемъ къ пріятному, съ одной стороны мѣшаетъ стремиться къ полезному и изучать его, съ другой ошеломляетъ человѣка, понимающаго доброе и дурное, и дѣлаетъ то, что онъ вмѣсто лучшаго, берется за худшее? — Да, бываетъ это. — Кому, мы скажемъ, менѣе прилична умѣренность какъ не невоздержному? Вѣдь, дѣйствія умѣренности и дѣйствія невоздержанія совершенно противоположны? — Да, я согласенъ, съ этимъ. — Думаешь ли ты, что есть что либо болѣе противодѣйствующее заботамъ объ обязанностяхъ, чѣмъ невоздержаніе? — Нѣтъ ничего. — Что ты находишь болѣе худшимъ для человѣка, чѣмъ то, что побуждаетъ его предпочитать вредное полезному, влечетъ думать о первомъ и пренебрегать послѣднимъ и заставляетъ поступать иначе, чѣмъ поступаетъ здравомыслящій? — Да, нѣтъ ничего хуже. — Не естественно ли, что воздержаніе для человѣка служитъ источникомъ дѣйствій, противоположныхъ дѣйствіямъ невоздержанія? — Разумѣется. — Естественно, значитъ, что и причина этихъ противоположныхъ дѣйствій самая лучшая? — Непремѣнно. — Слѣдовательно, воздержаніе для человѣка есть самое лучшее? — Само собою разумѣется. — Но думаешь ли ты, Евтидемъ, когда либо и

5. 6. 7. 8. 9.

о томъ, что къ удовольствію, къ которому, намъ кажется, ведетъ человѣка невоздержаніе, само невоздержаніе не можетъ довести, тогда какъ воздержаніе болѣе всего ведетъ къ удовольствію? — Какимъ это образомъ? — Невоздержаніе не допускаетъ переносить голодъ, жажду, наслажденія любви, бдѣніе; между тѣмъ какъ только посредствомъ этого можно съ пріятностью ѣсть, пить, отдаться любви, отдохнуть: такъ какъ человѣкъ ждетъ и воздерживается, пока это будетъ наиболѣе пріятно. Такимъ образомъ невоздержаніе мѣшаетъ правильному удовлетворенію самыхъ необходимыхъ и самыхъ естественныхъ потребностей. Но воздержаніе заставляетъ сдерживаться во всемъ упомянутомъ и только оно одно заставляетъ всѣмъ этимъ наслаждаться цѣлесообразно. — Ты совершенно
10. правъ, сказалъ Евтидемъ. — Кромѣ того воздержные испытываютъ удовольствіе отъ изученія прекраснаго и добраго и отъ всецѣлой преданности тому, посредствомъ чего человѣкъ можетъ хорошо развить своего тѣло, устроить свой домъ, быть полезнымъ для друзей и для государства и одолѣть враговъ, и откуда проистекаетъ не только величайшая польза, но и величайшее удовольствіе; тогда какъ невоздержные чужды всего этого. Можешь ли ты сказать, что какому другому человѣку менѣе свойственно только что сказанное, какъ не такому, который занятъ
11. служеніемъ первой прихоти? — Евтидемъ отвѣчалъ: Сократъ, кажется, ты утверждаешь, что человѣку, служащему чувственнымъ удовольствіямъ, положительно чужда всякая добродѣтель? — Да, Евтидемъ. Развѣ человѣкъ невоздержный отличается чѣмъ либо отъ самаго безразсуднаго животнаго? Какая разница между безсмысленнымъ животнымъ и тѣмъ человѣкомъ, который не имѣетъ въ виду того, что нравственно, и всячески ищетъ того, что пріятно? Только воздержный имѣетъ въ виду нравственный поступокъ. Онъ и на дѣлѣ и на словахъ распредѣляетъ поступки по ихъ родамъ и за хорошіе принимается, а отъ дурныхъ удаляется.

Такимъ-то образомъ, думалъ Сократъ, люди дѣлаются лучшими, счастливыми и способными для разсужденія. Онъ говорилъ что и слово *διαλέγεσθαι* происходитъ отъ того, что люди сходятся и сообща *разбираютъ* предметы по ихъ родамъ. Потому, говорилъ онъ, человѣкъ долженъ приготовить себя къ этой добродѣтели какъ можно лучше и всячески о ней заботиться, такъ какъ отсюда выходятъ и люди нравственные, и способные къ управленію, и искуснѣйшіе діалектики.

## ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Діалектическій разговоръ съ Евтидемомъ о понятіяхъ: благочестіе, справедливость, мудрость, благо, красота, мужество, царство, тираннія, аристократія, плутократія и демократія.

Я постараюсь изложить и то, какъ Сократъ дѣлалъ своихъ учениковъ искуснѣйшими діалектиками. Онъ говорилъ, что люди понимающіе въ чемъ состоитъ данный предметъ, могутъ и другимъ объяснить и что нѣтъ ничего удивительнаго, что люди не понимающіе и сами сбиваются, и другихъ сбиваютъ. Поэтому онъ безпрестанно разбиралъ съ своими собесѣдниками, въ чемъ состоитъ данный вопросъ. Трудно было бы привести всѣ его опредѣленія, но я сообщу только то, чѣмъ, какъ надѣюсь, выясню его методу изслѣдованій.

Прежде всего вопросъ о *благочестіи* онъ разсматривалъ 2.
такимъ образомъ. Евтидемъ! говорилъ онъ: какъ ты думаешь о благочестіи? — Я думаю, что это высокая добродѣтель, отвѣчалъ тотъ. — Можешь ли ты сказать, кто благочестивъ? — Я полагаю тотъ, кто почитаетъ боговъ. — Но можно ли почитать боговъ такъ, какъ кому хочется? — Нѣтъ, есть уставы, по которымъ это нужно исполнять. — Значитъ, тотъ, кто знаетъ эти 3.
уставы, знаетъ, какъ слѣдуетъ почитать боговъ? — Я думаю. — И значитъ знающій *какъ* почитать боговъ убѣжденъ, что это нужно дѣлать не иначе, а такъ, *какъ* онъ знаетъ. — Конечно, не иначе. — А почитаетъ ли кто либо боговъ иначе, чѣмъ какъ

4. онъ самъ признаетъ нужнымъ? — Я думаю, что нѣтъ. — Слѣдовательно, знающій божественные уставы, почитаетъ боговъ согласно уставамъ? — Непремѣнно. — Слѣдовательно, почитающій согласно уставамъ почитаетъ, какъ слѣдуетъ? — Не иначе. — А почитающій, какъ слѣдуетъ, благочестивъ? — Безъ всякаго сомнѣнія. — Слѣдовательно, человѣка, знающаго божественные уставы, по всей справедливости, можно назвать справедливымъ? — Да, я думаю.

5. Можно ли относиться къ *человѣку* такъ, какъ кому хочется? — Нѣтъ, и въ этомъ отношеніи знающій существующіе законы, на которыхъ основываются взаимныя отношенія, будетъ человѣкъ законный. — Значитъ, тотъ кто относится сообразно съ этимъ, относится какъ слѣдуетъ? — Не иначе, — Значитъ, тотъ кто относится какъ слѣдуетъ, относится хорошо? — Безъ всякаго сомнѣнія. — Значитъ, тотъ кто относится къ ближнимъ хорошо, хорошо исполняетъ и обязанности, касающіяся ближнихъ? — Я думаю. — Слѣдовательно, тотъ кто слѣдуетъ законамъ, дѣй-

6. ствуетъ справедливо? — Безъ всякаго сомнѣнія. — А ты знаешь, что значитъ *справедливое?* — Это то, чего требуетъ законъ. — Слѣдовательно, исполняющіе требованія закона поступаютъ справедливо и какъ слѣдуетъ? — Не иначе. — Значитъ, поступающіе справедливо справедливы? — Я полагаю. — Думаешь ли ты, что кто либо повинуется законамъ, не зная требованій закона? — Нѣтъ. — Думаешь ли ты, что нѣкоторые, зная то, что должно дѣлать, полагаютъ, что этого должно *не* дѣлать? — Нѣтъ, не думаю. — Но ты знаешь такихъ, которые дѣлаютъ иначе, чѣмъ какъ признаютъ должнымъ дѣлать? — Нѣтъ. — Слѣдовательно, знающіе законы, касающіеся человѣка, поступаютъ справедливо? — Безъ всякаго сомнѣнія. — Слѣдовательно, поступающіе справедливо справедливы? — Именно. — Слѣдовательно мы, опредѣляя понятіе о справедливомъ человѣкѣ, вѣрно опредѣлимъ, что справедливъ тотъ, кто знаетъ законы, касающіеся человѣка. — Да, я такъ думаю.

Что мы скажемъ о *мудрости?* Отвѣть мнѣ, считаешь ли 7.
ты мудрыми мудрыхъ въ томъ, что они знаютъ, или же есть
мудрые въ томъ, чего они не знаютъ? — Конечно, въ томъ что
знаютъ. Какимъ образомъ человѣкъ будетъ мудръ въ томъ, чего
онъ не знаетъ? — Слѣдовательно, мудрые мудры знаніемъ? —
Развѣ можетъ человѣкъ быть мудрымъ чѣмъ либо другимъ, кромѣ
знанія? — Считаешь ли ты мудрость чѣмъ либо противоположнымъ
тому, чѣмъ мудры мудрые? — Нѣтъ, не считаю. — Слѣдова-
тельно, знаніе есть мудрость? — Я думаю. — Но думаешь ли
ты, что человѣкъ въ силахъ знать всѣ предметы? — Нѣтъ, онъ
не въ силахъ знать и малѣйшей части ихъ. — Слѣдовательно,
человѣку невозможно быть мудрымъ во всемъ? — Разумѣется,
что нѣтъ. — Слѣдовательно, что кто знаетъ, въ томъ онъ и
мудръ? — Я думаю, что такъ. — Евтидемъ, не слѣдуетъ ли та- 8.
кимъ образомъ разсмотрѣть и *благо?* Думаешь ли ты, что
одно и тоже полезно для всѣхъ? — Конечно, нѣтъ. — Стало
быть, не находишь ли ты, что полезное для одного для другаго
можетъ быть вредно? — Даже очень часто. — Но скажешь ли ты,
что благо есть иное, чѣмъ полезное? — Нѣтъ. — Слѣдова-
тельно, полезное есть благо для того, для кого оно полезно? —
Кажется, такъ.

Относительно *красоты* можешь ли ты иначе выразиться, 9.
чѣмъ называя краснвымъ тѣло, сосудъ или что бы тамъ ни было,
что ты знаешь краснвымъ во всѣхъ отношеніяхъ? — Да, не
иначе. — И что для чего полезно, въ томъ хорошо и пользо-
ваться имъ? — Конечно. — Но данное есть ли по отношенію
къ чему другому красивое кромѣ того, въ чемъ хорошо пользо-
ваться имъ? — Нѣтъ, не по отношенію къ другому. — Слѣдо-
вательно, полезное красиво по отношенію къ тому, гдѣ оно по-
лезно? — Я думаю, что такъ. — Признаешь ли ты, Евтидемъ,
*храбрость* принадлежащею къ тому, что прекрасно? — Я
признаю ее самымъ краснвымъ качествомъ, отвѣчалъ Евтидемъ. 10.
— Значитъ, ты не признаешь храбрость полезною для того, что

совсѣмъ маловажно? — Разумѣется, только для очень важнаго. — Но думаешь ли ты, что въ отношеніи грознаго и опаснаго полезно не знать ея? — Нисколько. — Значитъ, кто не боится этого потому, что не знаетъ въ чемъ оно состоитъ, не есть храбръ? — Конечно; въ такомъ случаѣ найдется много храбрыхъ и среди сумасшедшихъ и трусовъ. — Какъ же ты думаешь о тѣхъ, которые боятся даже не страшнаго? — Конечно, они еще менѣе храбры. — Слѣдовательно, ты считаешь храбрыми тѣхъ, которые хороши въ отношеніи грозныхъ и опасныхъ обстоя-
11. тельствъ, а трусами тѣхъ, которые дурны? — Конечно. — Но думаешь ли ты, что хорошіе въ этомъ отношеніи не тѣ, которые умѣютъ какъ слѣдуетъ справиться съ опаснымъ положеніемъ. — Именно эти. — Значитъ, дурные тѣ, которые въ состояніи дурно справиться? — Да, это дурные. — Но каждый справляется такъ, какъ считаетъ необходимымъ? — Конечно, не иначе. — Но знаютъ ли какъ слѣдуетъ справиться тѣ, которые не умѣютъ хорошо справиться? — Разумѣется, нѣтъ. — Значитъ, знающіе какъ слѣдуетъ справиться одни и умѣютъ? — Только они. — А тотъ, кто не попадаетъ на ложную дорогу, дурно ли справляется съ этими обстоятельствами? — Я думаю, что нѣтъ. — Слѣдовательно попадаютъ на ложную дорогу тѣ, которые дурно справляются? — Разумѣется. — Значитъ, храбры тѣ, которые умѣютъ хорошо справляться съ грознымъ и опаснымъ положеніемъ, а трусы тѣ, которые въ этихъ случаяхъ попадаютъ на ложную дорогу? — Дѣйствительно такъ.

12. Относительно *царства* и *тираніи* онъ думалъ, что и то и другое есть власть, но что они различаются одно отъ другаго. Власть, основывающуюся на волѣ народа и на государственныхъ законахъ, онъ называлъ *царствомъ*, а власть противъ воли народа и основывающуюся не на законахъ, а на произволѣ правителя, называлъ *тираніей*. Затѣмъ, если управленіе исходитъ отъ такихъ лицъ, которые исполняютъ законы, то такое устройство онъ называлъ *аристократіей*; если оно исходитъ отъ бо-

гатства — *плутократіей;* если же оно исходитъ отъ воли всѣхъ — *демократіей.*

Если съ нимъ спорили о комъ либо и не могли представить 13.
основаній и бездоказательно утверждали, что въ такомъ-то болѣе ума, государственныхъ способностей, храбрости и т. п., то онъ слѣдующимъ образомъ направлялъ рѣчь на самую суть вопроса. Ты утверждаешь, что тотъ, о комъ ты говоришь, 14.
лучшій гражданинъ, чѣмъ тотъ, о комъ я говорю? — Да, я утверждаю. — Такъ отчего же намъ не разсмотрѣть сперва, что составляетъ свойство хорошаго гражданина? Напр., въ дѣлѣ управленія государственными доходами не тотъ ли будетъ выше, кто доставитъ государству больше доходовъ? — Безъ всякаго сомнѣнія. — А въ военномъ отношеніи тотъ, кто сдѣлаетъ его сильнѣе надъ противниками? — Не иначе. — И въ дипломатіи тотъ, кто вмѣсто враговъ доставляетъ союзниковъ? — Разумѣется. — И въ отношеніи народнаго собранія тотъ будетъ выше, кто прекращаетъ смуты и внушаетъ согласіе? — Непремѣнно. — При такомъ веденіи рѣчи истина открывалась сама собою и для возражателей. Когда онъ самъ разбиралъ 15.
какой либо вопросъ, то приступалъ къ нему путемъ общепринятыхъ истинъ, считая это основаніемъ рѣчи. Оттого-то, когда онъ говорилъ, у него болѣе всѣхъ, на сколько я знаю, оказывалось соглашающихся слушателей. Онъ говорилъ, что и Гомеръ потому придалъ Одиссею славу надежнаго оратора, что тотъ умѣлъ вести рѣчь путемъ общепризнанныхъ истинъ.

## ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Сократъ побуждалъ своихъ слушателей къ изученію практическаго знанія.

Думаю, что изъ вышесказаннаго видно, что Сократъ безъискуственно выражалъ свои мнѣнія предъ своими слушателями. Теперь я скажу о томъ, что онъ заботился, чтобы они съ достаточными силами брались за соотвѣтствующія занятія. На сколько я знаю, онъ болѣе всѣхъ старался узнать, что соб-

ственно изучилъ такой-то его собсѣдникъ изъ предметовъ, необходимыхъ для человѣка вполнѣ образованнаго. Тому, что онъ самъ зналъ, онъ училъ съ величайшей готовностью, а въ чемъ
2. самъ былъ несвѣдущъ, отводилъ къ знающимъ. Особенно онъ внушалъ имъ, до какой степени слѣдуетъ достигать знанія всякаго предмета человѣку, воспитанному надлежащимъ образомъ. Напр., онъ говорилъ, что *геометрію* нужно изучать, до тѣхъ поръ пока человѣкъ будетъ въ состояніи, въ случаѣ надобности, посредствомъ правильнаго измѣренія отнять часть земли, отдать, подѣлить, представить чертежъ; что это можно такъ хорошо изучить, что тотъ, кто внимателенъ къ измѣренію, усвоитъ знаніе и величину даннаго участка, и самыхъ способовъ его измѣренія.
3. Но изученія геометріи, простирающагося до непонятныхъ опредѣленій, онъ не одобрялъ, потому что, какъ онъ говорилъ, онъ не видѣлъ, какая изъ этого польза, хотя самъ хорошо зналъ эту область. Онъ говорилъ, что на это можно употребить цѣлую жизнь и уклониться отъ многихъ другихъ полезныхъ занятій.
4. Онъ совѣтовалъ имѣть знакомство съ *астрологіей* и именно — умѣть распознавать время ночи, мѣсяца, года — для путешествія, для плаванія, для карауловъ; и въ случаѣ что придется дѣлать въ теченіе ночи или въ теченіе мѣсяца, года, умѣть различать времена и имѣть для этого указанія. Это, говорилъ онъ, легко изучить у ночныхъ охотниковъ, кормчихъ и у многихъ другихъ,
5. которымъ до этого есть дѣло. Но онъ всячески отклонялъ изученіе *астрономіи*, простирающееся до того, чтобы узнавать небесныя тѣла, находящіяся внѣ опредѣленнаго круговращенія, планеты, блуждающія звѣзды, и тратить время на отыскиваніе разстоянія ихъ отъ земли, ихъ круговращенія и причинъ всего этого. Онъ говорилъ, что не видитъ въ этомъ никакой пользы, хотя онъ и это изучилъ. Онъ говорилъ, что на это можно посвятить
6. цѣлую жизнь и уклониться отъ многихъ полезныхъ занятій. Но быть изслѣдователемъ небесныхъ явленій, того, что̀ и какъ устраиваетъ богъ, онъ положительно отклонялъ. Онъ былъ убѣжденъ,

что это открыть человѣку невозможно, и полагалъ, что тотъ и богамъ непріятенъ, кто допскивается того, что они положили не открывать. Сократъ утверждалъ, что человѣкъ, изслѣдующій это, рискуетъ впасть въ безуміе, совершенно такъ, какъ Анаксагоръ, который дошелъ до величайшей дерзости объясненіемъ устройства божественныхъ твореній. Онъ, напр., утверждалъ, 7.
что огонь и солнце одно и тоже, но онъ не зналъ того, что люди легко смотрятъ на огонь, но не могутъ смотрѣть на солнце; что предметы, освѣщаемые солнцемъ, получаютъ черный цвѣтъ, а освѣщаемые огнемъ этого не получаютъ. Не зналъ онъ и того, что изъ земныхъ растеній ни одно не можетъ расти безъ солнечныхъ лучей, тогда какъ все гибнетъ отъ теплоты огня. Утверждая, что солнце есть раскаленный камень, онъ не зналъ и того, что камень въ огнѣ не свѣтитъ и не можетъ тамъ долго оставаться, между тѣмъ солнце постоянно оказывается самымъ блестящимъ изъ всѣхъ тѣлъ.

Онъ совѣтовалъ изучать *счисленіе,* но и здѣсь, какъ и въ 8.
другихъ предметахъ, совѣтовалъ избѣгать напраснаго труда. Самъ онъ изслѣдовалъ только полезное, и съ другими занимался тѣмъ-же.

Онъ сильно настаивалъ также, чтобы его ученики заботи- 9.
лись о *здоровьи,* частью изучая полезное у людей знающихъ, частью путемъ самонаблюденія въ теченіе всей жизни, какая пища полезна, питье, трудъ и какъ пользоваться всѣмъ этимъ, чтобы быть здоровымъ. Онъ говорилъ, что если человѣкъ такимъ образомъ наблюдаетъ за собой, то трудно найти врача, который зналъ бы лучше полезное для его здоровья, чѣмъ онъ самъ.

Если же кто желаетъ помочь себѣ больше, чѣмъ это въ 10.
предѣлахъ человѣческаго знанія, тому онъ совѣтовалъ обращаться къ мантикѣ. Потому что, по его словамъ, человѣкъ, знающій тѣ пути, которыми боги дѣлаютъ указанія относительно человѣческихъ вопросовъ, никогда не останется безъ совѣта боговъ.

## ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Опроверженіе обвиненія противъ Сократа относительно вопроса о божествѣ, дававшемъ ему указанія. Заключеніе.

Быть можетъ нѣкоторые думаютъ, что Сократъ оказался лжецомъ относительно божества, такъ какъ онъ говорилъ, что божество дѣлаетъ ему указанія, что онъ долженъ дѣлать и чего не долженъ, а между тѣмъ судьи присудили его къ смертной казни. Пусть они сперва подумаютъ о томъ, что Сократъ въ это время былъ уже въ такомъ возрастѣ, что онъ все равно умеръ бы, если не тогда, то немногимъ позже. Затѣмъ, что этимъ Сократъ освободился отъ самаго тяжелаго періода жизни, когда всѣ люди теряютъ здравый разсудокъ. Вмѣсто этого Сократъ выказалъ величіе души и стяжалъ славу. Свою защиту онъ высказалъ съ величайшей правдивостью, благородствомъ и доказательностію, а смертный приговоръ выслушалъ съ невѣроятнымъ
2. спокойствіемъ и мужествомъ. Всѣ согласны, что никто никогда изъ всѣхъ тѣхъ, о комъ сохранилась память, не перенесъ смерти болѣе величественно. Послѣ приговора ему пришлось еще жить 30 дней, такъ какъ въ этотъ мѣсяцъ пришлись Делій, а законъ, не дозволяетъ публичной казни, пока праздничное посольство не возвратится изъ Делоса. Въ это время всѣ его ученики увидѣли, что онъ жилъ нисколько не иначе, какъ жилъ въ прежнее время, а между тѣмъ во все прежнее время онъ постоянно заслуживалъ всеобщее удивленіе своимъ спокойствіемъ
3. и свѣтлостію душевною. Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ умереть выше, чѣмъ онъ? Какая смерть можетъ быть прекраснѣе и при какой смерти можно умереть съ большимъ величіемъ? Да и какая смерть счастливѣе величественной и какая болѣе пріятна
4. для боговъ, чѣмъ смерть величественная? Я разскажу то, что слышалъ о немъ отъ Гермогена, сына Гиппоника. Онъ разсказывалъ слѣдующее. Когда Мелитъ подалъ обвиненіе противъ Сократа, то онъ, Гермогенъ, видя, что Сократъ гораздо болѣе бесѣдуетъ о чемъ другомъ, чѣмъ о своемъ процессѣ, напомнилъ

ему, что слѣдуетъ подумать о защитѣ, но Сократъ тогда же отвѣчалъ: Развѣ ты не согласенъ съ тѣмъ, что я всю жизнь провелъ въ этомъ занятіи? — Когда онъ спросилъ Сократа, въ какомъ именно, Сократъ сказалъ, что онъ все время ничѣмъ другимъ не занимался, какъ только разборомъ справедливаго и несправедливаго, дѣйствовалъ справедливо и удалялся отъ несправедливаго; что это онъ считаетъ самымъ лучшимъ приготовленіемъ къ защитѣ. Гермогенъ тогда спросилъ его: Сократъ, 5.
развѣ ты не знаешь, что аѳинскіе судьи, увлекаясь рѣчами, казнили многихъ, ни въ чемъ не виновныхъ, и оправдали многихъ положительно виновныхъ? — Гермогенъ! отвѣчалъ Сократъ. Увѣряю тебя, что когда я началъ обдумывать защитительную рѣчь къ судьямъ, мое божество воспротивилось этому. Гермогенъ сказалъ: Это удивительно. — Ты удивляешься тому, за- 6.
мѣтилъ Сократъ, что божеству угодно, чтобы я положилъ конецъ этой жизни? Развѣ ты не знаешь, что до остальнаго времени я никому не уступалъ въ жизни болѣе лучшей и болѣе пріятной? Я полагаю, что наилучше живутъ тѣ, которые особенно заботятся о томъ, чтобы быть прекрасными людьми, а наиболѣе пріятно живутъ тѣ, которые болѣе и болѣе сознаютъ, что они дѣлаются лучше. До настоящаго времени я сознавалъ, что это мнѣ удается 7.
и, встрѣчаясь съ другими и приравнивая себя къ нимъ, я постоянно былъ о себѣ такого мнѣнія. Не только я самъ, но и мои друзья постоянно были такого же мнѣнія обо мнѣ; и не потому, что они меня любятъ, — въ такомъ случаѣ и тѣ, что любятъ другихъ, также думали бы о своихъ друзьяхъ, — но потому, что они думали, что въ моемъ обществѣ сами дѣлаются лучше. Если 8.
же я проживу дольше, то, быть можетъ, мнѣ придется заплатить дань старости: меньше видѣть, меньше слышать; слабѣе думать, быть непонятливѣе, забывчивѣе, и вообще быть хуже въ томъ, въ чемъ я прежде былъ лучше. Если бы я этого не сознавалъ, то не стоило бы и жить такою жизнью, но когда я сознаю, то развѣ не придется жить хуже и съ меньшей пріятностью?

9. Кромѣ того, если я умру невинно, то это навлечетъ стыдъ на тѣхъ, которые казнили меня невинно, потому что, если обида постыдна, то развѣ не постыдно дѣлать что бы то ни было несправедливо? Но для меня нисколько не составляетъ стыда, если другой въ отношеніи меня не въ состояніи знать правды и
10. поступать справедливо. Я вижу также, что и по отношенію къ прежде существовавшимъ людямъ, какъ къ обидчикамъ, такъ и къ обиженнымъ, не одинаковая слава остается у потомковъ. И я увѣренъ, что если я теперь умру, то получу признательность не одинаковую съ моими убійцами, потому что знаю, что всегда будутъ за мной свидѣтельства того, что я никогда никого не обидѣлъ и не сдѣлалъ хуже, а всегда старался дѣлать своихъ учениковъ
11. лучше. — Такъ онъ говорилъ Гермогену и другимъ. Изъ тѣхъ, которые знали, каковъ былъ Сократъ, всѣ преданные добродѣтели, до сихъ поръ чувствуютъ по немъ великую тоску, считая его въ высшей степени благодѣтельнымъ въ стремленіи къ добродѣтели. Мнѣ онъ казался такимъ, какъ я описалъ: на столько благочестивымъ, что ничего не дѣлалъ безъ соизволенія боговъ; настолько справедливымъ, что никому не нанесъ ни малѣйшаго вреда, а приносилъ величайшую пользу тѣмъ, которые обращались къ нему; настолько воздержанъ, что никогда не предпочиталъ пріятнаго честному; и наконецъ настолько разсудителенъ, что не дѣлалъ ошибокъ между выборомъ лучшаго и худшаго. Ни въ комъ онъ не нуждался, и при сужденіи о предметахъ для него достаточно было собственнаго знанія. Кромѣ того онъ имѣлъ способность не только логически изложить и точно опредѣлить предметъ, но и выспросить другихъ, указать ошибки и побудить ихъ къ добродѣтели, къ доброму и къ прекрасному. Онъ казался мнѣ такимъ, какой только можетъ быть человѣкъ лучшій и счастливый. Если кто не согласенъ съ этимъ, пусть противоставитъ этимъ качествамъ другую личность и тогда судитъ.

# ПРИМѢЧАНІЯ.

## КНИГА ПЕРВАЯ.

Гл. I. 1) **обвинители Сократа.** Главные обвинители, представившіе (весной 399 г. до Р. Хр.) формальное обвиненіе противъ Сократа, были: драматическій писатель Мелитъ, ораторъ Ликонъ и кожевенный торговецъ, вліятельный демагогъ Анитъ — всѣ трое, ненавидѣвшіе Сократа за тѣ обличенія, которыми онъ преслѣдовалъ ихъ дѣйствія. Ср. Apol. Socr. 23 e. Ксенофонтъ говоритъ объ этомъ процессѣ со словъ другихъ, потому что самъ онъ въ это время предводительствовалъ войскомъ Десяти Тысячъ-совершая знаменитое отступленіе этого отряда, и весной 399 г. находился во Ѳракіи и Мисіи, гдѣ долженъ былъ сдать войска лакедемонскому полководцу Ѳиврону.

3) **человѣческому голосу.** Какъ особенный примѣръ указанія воли боговъ посредствомъ человѣческаго голоса представляетъ Гомеръ въ Одисс. XVII, 116. XX, 100 и сл. Ср. Herod. IX, 91.

6) **отсылалъ спросить боговъ гаданіями.** Ксенофонтъ говоритъ объ этомъ какъ самъ пользовавшійся совѣтами Сократа. См. Анаб. III, 1, 4 и сл.

10) **въ мѣста для гулянья и въ гимнасіи.** Первые были крытые переходы, гдѣ собирались аоиняне для защиты отъ жары или отъ дождя, или же просто потолковать о новостяхъ дня. Такими крытыми переходами особенно изобиловало аоинское предмѣстье Пирей. Гимнасій въ Аоинахъ было три — Академія, Ликей и Киносаргъ, и здѣсь философы, не менѣе чѣмъ въ крытыхъ ходахъ, собирали слушателей. — **Площадь была полна народа.** Главная аоинская площадь, Агора, особенно наполнялась народомъ отъ 10 до 12 ч. утра, потому что въ это время происходила покупка и продажа товаровъ и рѣшались судебныя дѣла.

11) **о природѣ вещей — другихъ (философовъ).** Это былъ предметъ изслѣдованія всѣхъ философовъ такъ называемой іонійской школы, отъ Ѳалеса до Анаксагора, учителя Сократа.

12) **разборомъ вопросовъ о сверхъестественномъ.** Подъ этимъ древніе разумѣли устройство неба и звѣздъ, движеніе планетъ, физическія явленія и вообще все то, что нынѣ составляетъ предметъ астрономіи и физики.

14) **одни — признаютъ единое сущее, другіе** и пр. Ученіе о томъ, что все существующее составляетъ единое цѣлое и что всѣ предметы суть части этого Единаго, принадлежало такъ называемымъ Елейскимъ философамъ и представителю ихъ Ксенофану (VI в. до Р. Хр. См. діалогъ Платона „Пар-

менидъ"). Противоположное этому ученіе іонійскихъ философовъ — Анаксимандра, Анаксимена (VI в. до Р. Хр.).

16) **расуждалъ о вопросахъ, касавшихся человѣка.** Ср. Cic. Tusc. V, 4: Socrates autem primus philosophiam devocavit e coelo, et in urbibus collocavit, et in domos etiam introduxit, et coëgit de vita et moribus rebusque bonis et malis quaerere.

18) **участвовалъ въ сенатѣ — епистатъ дема.** Аѳинскій сенатъ, по числу десяти колѣнъ (филъ), состоялъ изъ десяти отдѣленій (пританей). Всѣ пританеи, по заранѣе опредѣленному жребію, правили дѣлами городскими 35 или 36 дней и имѣли 10 еженедѣльныхъ предсѣдателей, изъ которыхъ опять выбирался предсѣдатель на каждый день, епистатъ, предсѣдательствовавшій въ народномъ собраніи. — **Ѳрасилла и Ерасинида.** Объ этомъ противозаконномъ осужденіи полководцевъ, побѣдителей при Аргинусскихъ островахъ, см. подробный разсказъ въ IV вып. соч. Ксенофонта — „Исторія Греціи" I, 6—7.

Гл. II. 2) **учениками Критій и Алкивіадъ.** Критій — членъ правительства тридцати тиранновъ, существовавшаго въ Аѳинахъ по взятіи этого города Лисандромъ въ 405 г. и ознаменовавшаго себя жестокостями. Образъ дѣйствій, характеристику и судьбу этого правительства см. IV. вып. соч. Ксен. „Истор. Греціи" II, 3—4.

20) **подтверждаетъ и поэтъ** — Ѳеогнисъ (VI в. до Р. Хр.), ст. 35. Кому принадлежитъ другое изреченіе, неизвѣстно.

24) **Критій бѣжалъ въ Ѳессалію** и пр. Объ этомъ см. въ обвинительной рѣчи Ѳирамена противъ Критія въ „Исторіи Гр." II, 3, 36.

29) **влюбленъ въ Евтидема.** Въ подлинникѣ далѣе слѣдуетъ: *καὶ πειρῶντα χρῆσθαι, καθάπερ οἱ πρὸς ταἀφροδίσια τῶν σωμάτων ἀπολαύοντες.*

32) **казнили многихъ гражданъ — сословія,** напр., Льва Саламинскаго, Никирата — сына знаменитаго Никія, Антифона и самаго Ѳирамена, который палъ жертвою жестокости Критія. См. „Ист. Греціи" II, 3. C. Nep. Thrasyb. I.

37) По поводу этого характера рѣчи Сократа, въ Платономъ діалогѣ „Горгіасъ" (491 a) Калликлъ замѣчаетъ Сократу: „Клянусь богами, ты, Сократъ, просто-таки безконеченъ съ своими башмачниками, валяльщиками, поварами да врачами, какъ будто о нихъ у насъ рѣчь". И въ „Пирѣ" Платона (221 e) Алкивіадъ въ своей похвальной рѣчи говоритъ о Сократѣ: „Кто захотѣлъ бы слушать разсужденія Сократа, тому они на первый разъ покажутся очень смѣшными: внѣшнею одеждою ихъ служатъ такія слова и выраженія, что походятъ на кожу насмѣшника сатира. Онъ толкуетъ о большихъ ослахъ, о какихъ-то мѣдникахъ, сапожникахъ, кожевникахъ, и повидимому всегда говоритъ то-же, такъ что надъ его рѣчами человѣкъ неопытный и поверхностный будетъ смѣяться."

44) **я беру назадъ.** Въ подлинникѣ — **переставляю,** выраженіе, заимствованное изъ игры въ кости или въ шашки, когда поправляется невѣрно сдѣланный шагъ.

48. **учениками Сократа были: Критонъ — и другіе.** О **Критонѣ,** одномъ изъ вѣрнѣйшихъ друзей и учениковъ Сократа, по имени котораго названъ одинъ

изъ діалоговъ Платона, ср. ниже II, 9, 1. **Херефонтъ** былъ особенно извѣстенъ во времена македонскаго царя Филиппа, какъ драматическій писатель своей драмой „Гераклиды". Ср. замѣчаніе о немъ Аристофана въ „Облакахъ" ст. 104. **Херекратъ** былъ младшій братъ. Объ ихъ отношеніяхъ см. ниже II, 3. О Гермогенѣ см. ниже II, 10, 3 сл. IV, 8, 4. Симія, Кевъ, Федондъ — ѳиванцы, оставившіе свой городъ для того только чтобы пользоваться сообществомъ Сократа. Отъ Кева, автора философскихъ разговоровъ, до насъ дошло небольшое и не полное, но прекрасное сочиненіе подъ заглавіемъ Πίναξ — „Картина". Подъ „другими" Ксенофонтъ разумѣетъ себя и Платона, о которомъ Кс. не упоминаетъ по причинѣ существовавшей, будто бы, между ними вражды.

56) **изъ Гезіода** — поэмы Ἔργα κ. Ἡμέραι, ст. 311.

58) **изъ Гомера** — Иліад. II, 188 сл. и 198 сл.

61) **въ Гимнопедіи** — особенно любимый спартанскій праздникъ, во время котораго мальчики, ефебы и красивѣйшіе мужчины, въ театрѣ, составляли военныя пляски. Праздникъ происходилъ въ мѣсяцѣ Гекатомбеонѣ (юлѣ — августѣ) и служилъ выраженіемъ поклоненія чѣловѣку въ его идеальной красотѣ. О томъ, на сколько спартанцы любили этотъ праздникъ, можно судить потому, что когда во время этого праздника принесено было ефорамъ извѣстіе о пораженіи при Левктрахъ, ефоры, присутствовавшіе тогда въ театрѣ при пляскѣ ефебовъ, „не распустили хоровъ и позволили кончить состязанія." Ист. Греціи VI, 4, 16.

Гл. III. 3) **хвалилъ и этотъ стихъ** — изъ Гезіода, въ томъ же его сочиненіи, 336.

7) **Цирцея превратила.** Гом. Одисс. X, 229 сл.

Гл. IV. 2) **съ Аристодемомъ.** Аристодемъ — ревностный слушатель Сократа. Упоминаемый ниже Меланшшидъ — современникъ Сократа, Софоклъ — извѣстный трагикъ (495—406), Поликлитъ, изъ Сикіона, и Зевксисъ, изъ Гераклеи, тоже современники.

Гл. VI. 15) **самъ не занимаясь государственными дѣлами.** За исключеніемъ того случая когда былъ предсѣдателемъ въ народномъ собраніи (см. выше I, 1, 18), Сократъ никогда не исполнялъ никакихъ общественныхъ должностей, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ Plat. Apol. 32 b.

---

## КНИГА ВТОРАЯ.

Гл. I. 1) **Аристиппъ**, въ послѣдствіи философъ, основатель такъ называемой киринейской философіи, которая высшее благо полагала въ наслажденіи. Изъ учениковъ Сократа онъ первый началъ преподавать философію за деньги.

5) **карѣ закона.** По законодательству Дракона и Солона, съ нарушителемъ супружеской чести можно было поступить по усмотрѣнію.

14) **Синниса, Скирона и Прокруста.** Плутархъ въ біографіи Ѳисея, гл. VIII, говоритъ: „на Коринѳскомъ перешейкѣ онъ (Ѳисей) наказалъ Синниса, нагибателя сосенъ, той же смертью, какой Синнисъ погубилъ многихъ".

Тамъ-же гл. X: „предъ вступленіемъ въ Мегарскую область онъ умертвилъ Скирона, бросивъ его со скалы, за то что грабилъ прохожихъ.“ Гл. XII: „умертвилъ Дамаста, прозваннаго Прокрустомъ, сравнивъ его съ длиною кровати, — что Прокрустъ дѣлалъ съ другими“.

20) **Гесіодъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ** — въ упомянутомъ выше сочиненіи Ἔργα κ. Ἡμ. ст. 287. — **и Епихармъ** — отецъ греческой комедіи, ок. 450 г. до Р. Хр., жившій большей частью въ Сиракузахъ, ученикъ Пиѳагора. Во времена Сократа изреченія Гесіода, Ѳеогниса, Епихарма считались правилами жителской мудрости.

21) **мудрецъ Продикъ,** изъ о—ва Коса, ученикъ Протагора и учитель Перикла, Сократа, Горгія, Еврипида, Исократа, Ѳирамена и др. знаменитѣйшихъ лицъ Греціи. Его сочиненіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, по свидѣт. схол. къ Aristoph. Nub. 360, носило названіе ὧραι, Времена года.

Гл. II. 1) **дурно обращается съ матерью.** По извѣстіямъ, сообщаемымъ древними, Сократъ имѣлъ двѣ жены — Ксантиппу, мать Лампрокла, и Мирто, мать Софрониска и Менексена. Diogen. L. II. 26.

13) **при испытаніи — архонта.** По законодательству Солона, кандидаты на должность архонта хотя избирались по жребію, но подвергались двойному испытанію — въ сенатѣ (анакрисисъ) и въ народномъ собраніи (докимасіа), при чемъ имъ, между прочимъ, предлагался вопросъ, не виновенъ ли въ непочтеніи къ родителямъ.

Гл. III. 1) **Херефонтъ и Херекратъ** — оба брата были друзьями Сократа. Херекратъ дожилъ до самаго процесса и былъ свидѣтелемъ со стороны Сократа. Plat. Apol. 21 a. Херефонту вѣщала Пиѳія на его вопросъ относительно мудрости Сократа.

13) **ксеноса.** Ксеносъ, лицо въ другомъ городѣ или государствѣ, принимавшее подъ свою защиту рекомендованныхъ и вообще знакомыхъ лицъ, пріѣзжавшихъ изъ другаго государства. См. „проксенъ“ въ объясн. техн. выраж. въ I вып. соч. Ксенофонта.

19) **на разстояніи оргіи.** Объ оргіи и прочихъ мѣрахъ см. объясн. техн. выр. въ I соч. Ксенофонта.

Гл. V. 1) **спросилъ Антисѳена.** Антисѳенъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ учениковъ Сократа, по смерти котораго сдѣлался основателемъ новой школы, полагавшей высшее благо въ независимости отъ внѣшнихъ условій.

2) **мину — полмины.** О стоимости мины и другихъ греческихъ монетъ см. Объясн. техн. выр. въ I вып. соч. Ксенофонта. — **Никій Никиратовъ,** по имени котораго названъ извѣстный миръ Никіевъ, имѣлъ громадныя богатства и между прочимъ серебряные рудники въ Лавріи (нынѣ Легрино).

Гл. VI. 11) **это мѣсто** — въ Одисс. XII, 184.

13) **обвязалъ,** какъ волшебникъ амулетами.

36) **отъ Аспасіи.** Аспасія, извѣстная своей образованностью аѳинянка, имѣвшая большое вліяніе на Перикла и другихъ современниковъ своимъ умомъ и великими дарованіями.

Гл. VII. 1) **Аристархъ,** какъ и упоминаемый ниже Керамонъ, лица неизвѣстныя.

2) **было возстаніе,** именно подъ предводительствомъ Ѳрасивула, свергнувшаго господство Тридцати тирановъ, которые управляли Аѳинами по взятіи ихъ Лисандромъ. Ист. Грец. II, 2, 3.

5) **хитоны, хламиды, эксомиды.** См. Объясн. техн. выр. въ I вып. соч. Ксен. „Хитонъ".

6) **ставитъ литургіи.** Литургіи были введенныя въ обычай обязанности богатаго аѳинскаго сановника, имѣвшія цѣлью пріобрѣтеніе народнаго расположенія и состоявшія въ постановкѣ на собственный счетъ гимнастическихъ состязаній (гимнасіархія), хоровъ для театральнаго представленія (хорегія), въ снаряженіи корабля (тріерархія), въ угощеніи и т. п. расходахъ. Упомянутыя здѣсь лица неизвѣстны.

Гл. VIII. 1) **къ концу войны.** Вѣроятно, говорится о концѣ пелопоннесской войны, 404 г., когда аѳиняне потеряли всѣхъ союзниковъ и всѣ владѣнія внѣ Аттики. Евѳиръ лицо неизвѣстное.

Гл. IX. 1) **жалобы Критона** — извѣстнаго ученика Сократа. Какъ богатый землевладѣлецъ, Критонъ могъ въ своихъ торговыхъ дѣлахъ дѣлать нѣкоторыя нарушенія противъ извѣстныхъ узаконеній и потому подвергался преслѣдованіямъ аѳинскихъ доносчиковъ, потому что въ Аѳинахъ, какъ и въ Римѣ, судьи, въ случаѣ правонарушенія, не были обязаны сами подвергать виновныхъ отвѣтственности и ожидали обвиненій.

4) **у Сикофанта.** Сикофантъ, собственно, значитъ — „указатель смоковницы". По древнему закону, въ случаѣ дороговизны припасовъ, запрещалось вывозить изъ Аѳинъ плоды смоковницы. Лица, доносившія на нарушителей этого закона, назывались сикофантами. Въ послѣдствіи это названіе распространилось на всякаго рода злонамѣренныхъ доносчиковъ, классъ которыхъ былъ особенно многочисленъ во времена аѳинской олигархіи.

---

## КНИГА ТРЕТЬЯ.

Гл. I. 1) **прибылъ Діонисодоръ** — братъ Евтидема, изъ о—ва Хіоса, изучавшій въ ю. Италіи и затѣмъ въ Аѳинахъ софистику и военныя науки. См. діалогъ Платона „Евтидемъ".

4) **Гомеръ — важнымъ.** Собственно, такъ выражается Пріамъ. Гом. Иліад. III, 170.

5) **таксіархомъ или лохагомъ.** См. Объясн. техн. выр. въ I вып. соч. Ксенофонта.

Гл. II. 1) **Гомеръ — народовъ.** Ил. I, 263; II, 243. — **объ Агамемнонѣ** ibid. III, 179.

Гл. III. 1) **быть гиппархомъ** — начальникомъ конницы. Въ Аѳинахъ ихъ было два.

6) для конскихъ военныхъ упражненій земля усыпалась пескомъ, — оттуда аммодромъ.

12) **посылаемомъ на Делосъ.** Рѣчь идетъ о праздникахъ, такъ называемыхъ Дeліяхъ, на которые, черезъ каждые 4 года, іонійскіе города посылали на о—въ Делосъ ѳеоріи — торжественныя посольства съ хорами,

состоявшими изъ лучшихъ пѣвцовъ города. Установленіе этого обычая принадлежитъ древнѣйшему времени и посвящено воспоминанію избавленія Θисеемъ о—ва Крита отъ чудовища минотавра. Аѳинское посольство отправлялось на кораблѣ „Θеоридъ“, или „Дeліасъ“ — на томъ самомъ, на которомъ ѣздилъ Тезей, и который по свидѣтельству Плутарха сохранился до временъ Димитрія Фалерейскаго. На все время путешествія, въ Аѳинахъ пріостанавливалось дѣйствіе уголовныхъ законовъ, и потому Сократъ (см. ниже IV, 8, 2) долженъ былъ 30 дней ожидать исполненія смертнаго приговора. Подробнѣе объ этихъ ѳеоріяхъ см. Платона Федон. 58 a. — **прекрасныхъ мужчинъ** — „евандрія“, къ которой принадлежали только отличнѣйшіе мужчины — молодые и старые — для участія въ тѣхъ-же ѳеоріяхъ и особенно для праздника Панаѳиней, на которомъ они, во время священныхъ ходовъ, несли священныя оливковыя вѣтви (ѳаллофоры).

Гл. V. 1) **съ Периклом**ъ. Этотъ Периклъ былъ третій сынъ знаменитаго Перикла, усыновленный имъ послѣ смерти двухъ первыхъ сыновей. Послѣ сраженія при Аргинусскихъ островахъ онъ казненъ былъ вмѣстѣ съ Ѳрасилломъ и Ерасинидомъ (см. выше I, 1, 18 прим.). Описываемый разговоръ происходилъ, вѣроятно, незадолго передъ выборами этихъ полководцевъ.

5) **при Левадеѣ — при Делiи.** Сраженіе при Левадеѣ или Коронеѣ (въ Беотіи), 447 г. до Р. Хр., было несчастливо для аѳинянъ и имѣло слѣдствіемъ то, что они потеряли свое вліяніе въ средней Греціи. Въ сраженіи при Делiи (тоже въ Беотіи), 424 г., участвовалъ Сократъ, при чемъ спасъ жизнь Ксенофонту, потерявшему лошадь, и вынесъ его на своихъ плечахъ съ поля битвы.

10) **о томъ судѣ боговъ, который** и пр. Здѣсь говорится о томъ спорѣ, который былъ между Аѳиной и Посидономъ — кому быть богомъ хранителемъ Аѳинъ. Кекропсъ рѣшилъ споръ, предоставивъ эту честь тому, кто произведетъ болѣе полезный для людей даръ; и когда Посидонъ произвелъ коня, а Аѳина масличное дерево, Кекропсъ отдалъ преимущество Аѳинѣ, и по ея имени городъ сталъ называться Аѳинами. — **Ерехѳея.** См. Иліад. II, 547. Ему-же принадлежало въ аѳинскомъ акрополѣ святилище совмѣстно съ Аѳиной. Упоминаемыя здѣсь войны велись съ ѳракійцами, которые поэтому должны были выселиться на сѣверъ.

11) **боролись противъ народа.** Говорится о войнахъ съ персами, когда аѳиняне боролись или сами — въ битвахъ при Мараѳонѣ и при Саламинѣ, или съ помощью лакедемонянъ — платейская битва и при Микале.

14) **подражали тѣмъ — передовыми.** Здѣсь Кс. имѣетъ въ виду лакедемонянъ, къ которымъ симпатіи его были извѣстны.

20) **совѣтъ въ Ареопагѣ** — высшее судилище въ Ареопагѣ, но его права болѣе и болѣе ограничивались демократическими учрежденіями, такъ что во время Перикла (отчасти благодаря тому-же Периклу. См. Исократа Areopag.) онъ вѣдалъ дѣла только о смертоубійствѣ. Поступавшіе въ члены Ареопага подвергались предварительному испытанію — **докимасія.**

21) **борцы и панкратіасты.** См. Объясн. технич. выраж. въ I в. соч. Кс. „Гимн. состязанія.“

25) **высокія горы** — Киѳеронъ и др. Внутри Аттики: Парнесъ, Ликаветтъ, Пентеликонъ, Гиметтъ и др.

26—27) **мисійцы и писиды.** См. Анаб. III, 3, 23. — **аѳиняне — вооружены.** Отъ 18 до 20 лѣтняго возраста каждый аѳинянинъ долженъ былъ служить въ военной службѣ какъ „периполосъ“ — охраняя границы Аттики.

Гл. VI. 1) **Главконъ, сынъ Аристоновъ.** Этотъ Главконъ былъ братъ Платона и двоюродный дядя упоминаемаго ниже, младшаго Главкона. — По аѳинскимъ законамъ, право на занятіе должности начиналось съ 18 лѣтъ.

14) **о такомъ количествѣ семействъ.** Народонаселеніе Аѳинъ вмѣстѣ съ Пиреемъ составляло тогда ок. 180,000 чел. Böckh. Staatshaush. d. Ath. I, 7. — **Поднять одинъ талантъ.** Аттическій талантъ вѣсилъ болѣе полтора пуда. См. „талантъ“ въ Объясн. техн. выр. въ I вып. соч. Ксен.

Гл. VII. 1) **на состязаніяхъ, награж. вѣнками.** Состязанія были двухъ родовъ: *ѳεματικοὶ* и *στεφανῖται*. Въ первомъ случаѣ выдавались опредѣленныя награды, во второмъ побѣдители награждались вѣнками. Послѣднія считались выше.

Гл. VIII. 1) **Аристиппъ.** См. выше I, 2, 60 и II, 1, 1.

4) **на акоптія.** См. Объясн. техн. выр. въ I вып. соч. Кс.

Гл. X. 1) **къ живописцу Паррасію.** Паррасій, знаменитый живописецъ, изъ Ефеса, жившій постоянно въ Аѳинахъ, молодой современникъ Сократа. О немъ съ величайшей похвалой отзывается Плиній въ Hist nat. XXXV, 10: Primus symmetriam picturae dedit, primus argutias vultus, elegantias capilli, venustatem oris, confessione artificum in lineis extremis palmam adeptus etc.

6) **кулачныхъ б., панкратіастовъ.** См. Объясн. техн. выр. въ I вып. „Гимн. состязанія.“

Гл. IX. 1) **по имени Ѳеодота.** Ѳеодота, по Аѳинею (574 e), въ послѣдствіи была любимицей Алкивіада, и когда послѣдній былъ убитъ, покрыла его своимъ платьемъ и съ трупомъ Алкивіада бросилась въ пламень. Плутархъ (Alc. XXXIX) тоже лицо называетъ Тимандрой.

17) **Аполлодоръ и Ант.** Аполлодоръ, ученикъ Сократа, особенно ему преданный и ставившій Сократа выше всѣхъ. См. отзывъ о немъ самаго Сократа въ Платоновомъ „Пирѣ“ p. 173 c. Объ Антисѳенѣ см. выше II, 5, 1. О Кевѣ и Симіи I, 2, 4, 8. — **Вертошейка,** символическая птица древнихъ, которую влюбленные дѣлали изъ воска, гадали ею и привораживали. См. наше примѣч. къ II, 17 идилліи Ѳеокрита.

Гл. VIII. 2) **Акуменъ** — извѣстный аѳинскій врачъ, современникъ и другъ Сократа, отецъ нерѣдко упоминаемаго у Платона врача Ерикcимаха.

3) **около Асклепія,** т. е. около храма Асклепія, находившагося въ Аѳинахъ при источникѣ, которымъ пользовались больные. — **около Амфіарея** — т. е. около храма Амфіарея, въ Беотіи, при Оропѣ, съ священнымъ источникомъ.

Гл. XIV. 1) **на ужинъ — приносили.** По греческимъ обычаямъ, каждый изъ участвовавшихъ въ складочномъ пирѣ вносилъ свою часть или деньгами, или же приносилъ самыя кушанья, особенно приправы: салатъ, капусту, стручковые плоды, лукъ, чеснокъ, которые составляли любимыя

кушанья — **деньги на покупку приправъ.** Сократъ, у Аѳинея VI, 274, на покупку приправъ не позволялъ тратить болѣе $2^1/_2$ драхмъ.

2) **опсофагомъ.** Греческое „опсофагъ", хотя и принято въ смыслѣ обжоры, но значитъ, собственно, „кушающій опса", всякаго рода **приправы** къ хлѣбу, будетъ ли это зелень или рыба или мясо. Herm. Gr. Privatalth. § 25.

7) Первое значатъ — угощаться, или благодушествовать; второе — кушать; третье — благо, въ пору. Athen. p. 363 b.

---

## КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Гл. I. 1) **Сократъ, и когда шутилъ.** Прекрасный образчикъ бесѣды Сократа въ этомъ родѣ представляетъ Ксенофонтъ въ своемъ „Пирѣ". См. V вып. соч. Кс.

Гл. II. 3) **когда оно предложитъ — вопросъ.** Послѣ предложенія вопроса на обсужденіе народнаго собранія, глашатай вызывалъ желающихъ высказать свое мнѣніе, при чемъ сперва выступали имѣвшіе болѣе 50 лѣтъ, а за ними говорили младшіе.

10) **геометромъ, какъ, напр., Ѳеодоръ** — изъ Кирены, знаменитый математикъ своего времени и учитель Сократа.

18) **но я переставлю.** См. примѣч. къ I, 2, 44.

24) **надпись:** Γνῶθι σαυτόν, т. е. познай себя.

33) **не слышалъ о Дедалѣ, что Миносъ** и пр. Дедалъ, знаменитый художникъ древности, построившій лабиринтъ на о—вѣ Критѣ и заключенный въ немъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Икаромъ, откуда они бѣжали благодаря изобрѣтеннымъ ими восковымъ крыльямъ. Но во время бѣгства Икаръ, не смотря на предостереженія отца, поднялся выше чѣмъ слѣдовало, такъ что крылья отъ солнечнаго зноя растаяли, вслѣдствіе чего онъ упалъ въ море, — откуда и море „Икарійское". Ovid. Metam. VIII, 159 сл. — **О страданіяхъ Паламеда.** Евбейскій царь Паламедъ, герой троянскихъ сказаній, открылъ притворное безуміе Одиссея и въ послѣдствіи, по интригамъ Одиссея, былъ казненъ какъ предатель.

Гл. IV. 2—3) **противозаконнаго голосованія.** См. выше I, 1, 18. — **на казнь одного (аѳинянина)** — именно, богатаго аѳинскаго гражданина Льва, названною Саламинскимъ, который бѣжалъ въ Саламинъ отъ преслѣдованія олигарховъ, казнившихъ гражданъ и конфисковавшихъ ихъ имущество. Сократу вмѣстѣ съ другими 4 гражданами поручено было доставить Льва въ Аѳины. См. IV вып. соч. Кс. „Ист. Гр." II, 3, 29. Plat. Ap. S. 32 c.

5) **съ Гиппіемъ, изъ Елиды.** Объ этомъ Гиппіи, блестящемъ софистѣ, славившемся всесторонней образованностью, Цицеронъ, de Orat. III, 32, говоритъ: Hippius Eleus, cum Olympiam venisset, maxima illa quinquennali celebritate ludorum, gloriatus est, cuncta paene audiente Graecia, nihil esse ulla in arte rerum omnium, quod ipse nesciret: nec solum has artes, quibus liberales doctrinae atque ingenuae continerentur, geometricam, musicam, litterarum cognitionem et poëtarum atque illa, quae de naturis rerum, quae de hominum moribus, quae de rebus publicis dicerentur; sed annulum, quem haberet, pallium, quo amictus, soccos, quibus indutus esset, se sua manu confecisse.

Гл. VI. 15) **Гомеръ — оратора.** Этого мѣста въ Одиссеѣ нѣтъ. Ученые относятъ эту ссылку къ Одисс. VIII, 171, гдѣ Одиссей говоритъ вообще о качествахъ оратора.

Гл. VII. 5) **и это изучилъ.** Учителемъ Сократа въ астрономіи былъ Архелай, ученикъ Анаксагора.

6) **какъ Анаксагоръ** — изъ Клазоменъ, натуръ-философъ, современникъ и учитель Перикла, обвиненный въ послѣдствіи въ безбожіи и изгнанный изъ Аѳинъ.

Гл. VIII. 1) **Сократъ — возрастѣ.** Ему было тогда около 70 лѣтъ.

2) **пришлись Делій.** См. прим. къ III, 3, 12.

10) **получу признательность — свидѣтельства.** Въ послѣдствіи аѳиняне дѣйствительно сознали крайнюю несправедливость осужденія Сократа, такъ что назначенъ былъ по немъ трауръ, Мелитъ присужденъ къ смерти, а Анитъ бѣжалъ въ Гераклею, но и тамъ граждане отказали ему въ убѣжищѣ; на видномъ мѣстѣ Аѳинъ Сократу была поставлена мѣдная статуя и его имени воздвигнуто святилище. Прочихъ участниковъ и виновниковъ приговора постигла участь всеобщаго презрѣнія и отчужденія.

# I.

# УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.


Агамемнонъ, царь III, 1, 4; III, 2, 1—2.
Азія II, 1, 10; III, 5, 11.
Акуменъ, врачъ III, 13, 2.
Алкивіадъ I, 2, 12 и сл.; сынъ Алкивіада I, 3, 8 и 10.
Амфіарей, богъ III, 13, 3.
Анаксагоръ, философъ IV, 7, 6—7.
Антисѳенъ, ф—фъ II, 5, 1 и сл.; III, 4, 1; III, 11, 17.
Антифонтъ, софистъ I, 6, 1 и сл.
Аполлодоръ, аѳ—нъ III, 11, 17.
Ареопагъ, совѣтъ III, 5, 20.
Аристархъ, аѳ—нъ II, 7, 1.
Аристиппъ, ф—фъ II, 1, 1; III, 8.
Аристодемъ, аѳ—нъ I, 4, 2 и сл.
Аристонъ, аѳ—нъ III, 6, 1.
Архедемъ, о—въ II, 9, 4 и сл.
Асклепій, богъ III, 13, 3.
Аспасія, аѳ—нка II, 6, 36.
Аттика, страна II, 8, 1; III, 5, 4.
Аѳиняне. Ихъ особенности: III, 3, 12 и сл.; сравненіе съ беотійцами: III, 5, 2 и сл.; испорченность III, 5, 13 и сл.
Беотійцы. Сравненіе ихъ съ аѳинянами III, 5, 2 и сл.
Беотія III, 5, 4.
Гесіодъ I, 2, 56; II, 1, 20.
Гера IV, 2, 9; IV, 4, 8.
Гераклиды III, 5, 10.
Геркулесъ, II, 1, 21 и сл.
Гермъ, богъ I, 3, 7.
Гермогенъ, аѳ—нъ I, 2, 48; II, 10, 3; IV, 8, 4 и сл.
Гиппій, софистъ IV, 4, 5.
Гиппократъ, полководецъ III, 5, 4.
Гипоникъ, аѳ—нъ IV, 8, 4.
Главконъ, аѳ—нъ III, 6, 1.
Гомеръ I, 2, 58; I, 4, 2; III, 1, 4; III, 2, 1; IV, 2, 10; IV, 6, 15.
Дедалъ IV, 2, 33.
Деліи, праздникъ III, 5, 4.
Делосъ, о—въ III, 3, 12.
Делфійскій богъ IV, 3, 13.
Делфы IV, 2, 24; надп. въ Дельфахъ ibid.
Демей, аѳ—нъ II, 7, 6.
Діодоръ, аѳ—нъ II, III, 10, 1 и сл.
Діониссодоръ III, 1, 1 и сл.
Европа II, 1, 10; III, 5, 11.
Евтидемъ, аѳ—нъ I, 2, 29; IV, 2, 1; IV, 5, 2 сл.
Евѳиръ аѳ—нъ II, 8, 1 сл.
Египетъ 1, 4, 17.
Елида IV, 4, 5.
Епигенъ, аѳ—нъ III, 12, 1 сл.
Епихармъ, поэтъ II, 1, 20.
Ерасинидъ, полк—цъ I, 1, 18.
Ерехѳей III, 5, 10.
Зевксисъ, живописецъ I, 4, 2.
Карѳагеняне II, 1, 10.
Кевъ, ѳиванецъ I, 2, 48; III, 11, 17.
Кекропсъ III, 5, 10.
Керамонъ, аѳ—нъ II, 7, 3.
Киревъ, аѳ—нъ II, 7, 6.

Клитонъ, ваятель III, 10, 6 и сл.
Критій, аѳ—нъ I, 2, 12 и сл.
Критовулъ, аѳ—нъ I, 3, 8 и сл.; II, 6, 1.
Критонъ, аѳ—нъ I, 2, 48; I, 3, 8; II, 9, 1 и сл.
(Ксантиппа II, 2, 1 и сл.)
Ксенофонтъ, аѳ—нъ I, 3, 9 и сл.
Лакедемоняне III, 5, 4; ихъ качества: III, 5, 15; III, 9, 2.
Ламproклъ, аѳ—нъ II, 2, 1, и сл.
Левадея, въ Беотіи III, 5, 4.
Левъ Саламинскій IV, 4, 5.
Ливія II, 1, 10.
Ливійцы II, 1, 10.
Лидійцы II, 1, 10.
Ликургъ, законодатель IV, 4, 15.
Лихасъ, лакед—нъ I, 2, 61.
Македонія III, 5, 11.
Мегаряне II, 7, 6.
Меланиппидъ, поэтъ I, 4, 2.
Мелитъ, аѳ—нъ IV, 4, 4; IV, 8, 4.
Менонъ II, 7, 6.
Меотійцы II, 1, 10.
Миносъ IV, 2, 33.
Мисійцы III, 5, 28.
Навсикидъ II, 7, 6.
Никій, полководецъ II, 5, 2.
Никиратъ аѳ—нъ II, 5, 2.
Никомахидъ аѳ—нъ III, 4.
Одиссей I, 2, 58; I, 3, 7; II, 6, 11; IV, 2, 33; IV, 6, 15.
Олимпія въ Елидѣ III, 12, 1; III, 13, 5.
Паламедъ IV, 2, 33.
Парразій, живописецъ III, 10, 1.
Периклъ старшій I, 2, 40 и сл.; II, 6, 13; III, 5, 1; его стратегическія познанія: III, 5, 22.
Периклъ — сынъ III, 5, 1 и сл.
Персы II, 1, 10; ихъ могущество: III, 4, 5, 11.
Пирей, гавань II, 7, 2.
Писиды III, 5, 25.
Пистій, панцырникъ III, 10, 9 и сл.
Пиѳія I, 3, 1.
Платонъ, ф—фъ III, 6, 1.
Поликлитъ, ваятель I, 4, 2.
Продикъ, ф—фъ II, 1, 21.
Прокрустъ II, 1, 14.
Симій, ѳиванецъ 1, 2, 48; III, 11, 17.
Синисъ II, 1, 14.
Сирены II, 6, 11 и 31.
Сирійцы II, 1, 10.
Сицилія 1, 4, 17.
Скиронъ II, 1, 14.
Скиѳы II, 1, 10; III, 9, 2.
Софоклъ, поэтъ 1, 4, 2.
Спарта IV, 4, 15.
Сцилла II, 6, 31.
Тирановъ тридцать 1, 2, 31; IV, 4, 3.
Толмидъ, полководецъ III, 5, 4.
Федондъ, ф—фъ I, 2, 48.
Фригійцы II, 1, 10.
Хариклъ, аѳ—нъ I, 2, 31 и сл.
Хармидъ, аѳ—нъ III, 6, 1; III, 7, 1.
Херекратъ, аѳ—нъ I, 2, 48; II, 3, 1.
Херефонтъ, аѳ—нъ I, 2, 48; II, 3, 1.
Царь персидскій III, 5, 25; IV, 2, 33.
Цирцея I, 3, 7.
Эллада II, 1, 28; III, 5, 12.
Эроты I, 3, 13.
Ѳесей III, 5, 10.
Ѳемистоклъ, полководецъ II, 6, 13; III, 6, 2; IV, 2, 2.
(Ѳеогнисъ, поэтъ I, 2, 56.)
Ѳеодоръ, киринеецъ IV, 2, 10.
Ѳеодота, аѳ—нка III, 2, 1 и сл.
Ѳессалія 1, 2, 24.
Ѳиванцы, ихъ высокомѣріе III, 5, 2; III, 11, 17.
Ѳрасиллъ, полководецъ I, 1, 18.
Ѳракійцы III, 9, 2.

# II.
# УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТОВЪ.


Актеры II, 2, 9.
Апетитъ, его возбужденіе III, 13, 2.
Аристократія IV, 6, 12.
Астрологія IV, 7, 4.
Астрономія IV, 7, 5.
Барыши 1, 2, 22.
Басня о собакѣ II, 7, 13.
Беззаконіе 1, 2, 44.
Безобразное III, 8, 7.
Безуміе III, 9, 6.
Благо III, 8, 2; IV, 6, 8.
Благочестіе IV, 6, 2.
Благополучіе III, 9, 14.
Бобы (при выборахъ) 1, 2, 9.
Богатство IV, 2, 35.
Богатые IV, 2, 37.
Боги знаютъ все: 1, 1, 19; I, 4, 17—19; угожденіе богамъ: IV, 3, 16; богопознаніе: IV, 3.
Борцы 1, 2, 24; III, 5, 21.
Борьба III, 5, 22; III, 8, 7.
Братъ. Значеніе брата II, 3, 1 и сл.
Бѣгъ III, 8, 4.
Бѣдные IV, 2, 37.
Введеніе II, 2, 9.
Варвары покупаются для работъ II, 7, 6.
Вертошейка III, 11, 17 и 18.
Воздержаніе III, 9, 4.
Война. Цѣль войны: III, 2, 1; обязательная военная служба: III, 4, 1; срокъ службы: III, 5, 27; военныя упражненія: III, 12, 5.
Возстаніе въ Аѳинахъ II, 7, 2.
Война Пелопоннесская II, 8, 1.
Войско. Построеніе войска III, 1, 8 и сл.
Воспитаніе II, 1, 1 и сл.
Врачъ. Должность врача: IV, 2, 5; врачебное искуство: IV, 2, 5.
Всадники III, 3, 9 и сл.
Выборы 1, 2, 9; III, 4, 1.
Выселенія изъ Эллады III, 5, 12.
Выступленіе съ рѣчью предъ народомъ III, 6, 1.
Вѣтры IV, 3, 14.
Галереи III, 8, 9.
Геометрія, IV, 7, 2.
Гимнасіи 1, 1, 10.
Гимнопедіи 1, 2, 61.
Гиппархъ. Обязанности III, 3.
Голосованіе I, 1, 18.
Гражданинъ. Качества хорошаго гражданина: IV, 6, 14.
Грамматикъ IV, 2, 20.
Гробовъ украшеніе II, 2, 13.
Дань старости IV, 8, 8.
Даровитость IV, 1, 3.
Дѣлія IV, 8, 2.
Демократія IV, 2, 36, 6, 12.
Демосъ IV, 2, 37.
Деньги 1, 6, 3, 5, 11; фальшивыя III, 1, 9.
διαλέγεσθαι IV, 5, 12; IV, 6.
Діалектикъ IV, 5, 12; IV, 6.
Дипломатія IV, 6, 14.
Дионрамбъ 1, 4, 2.
Добро IV, 2, 31.
Добродѣтель II, 1, 27 и сл. III, 8, 5.
Домъ. Количество домовъ въ Аѳинахъ: III, 6, 14. Постройка дома III, 8, 8 и сл.
Досугъ III, 9, 9.
Дрессировка собакъ IV, 1, 3.
Другъ II, 4.
Дружба II, 4. Оцѣнка друзей II, 5, 2; охота на друзей II, 6, 28 и сл.
Душа IV, 3, 14.
Дѣти въ отношеніи родителей II, 2, 3 и сл.; рожденіе дѣтей II, 2, 4;

въ соединеніи съ родителями IV, 4, 20.
Единомысліе IV, 4, 16.
Епистатъ I, 1, 18; IV, 4, 2.
Женщины. Женскія сѣти III, 11, 10; женскія работы II, 7, 10; III, 9; 9, 11, ж. публичныя 1, 5, 4.
Жертвы 1, 3, 3; умилостивит. II, 2, 13; приглащеніе на жертвы II, 3, 11.
Жертвенниковъ мѣсто III, 8, 10.
Живопись III, 10.
Зависть III, 9, 8.
Заговоры III, 11, 16.
Законъ 1, 2, 40 и сл.; IV, 4, 13; законъ и справедливость IV, 4, 12 и сл. Законы неписанные IV, 4, 19.
Здоровье IV, 7, 9.
Здравствуй III, 13, 1.
Зло III, 8, 2; IV, 2, 31.
Знаніе IV, 2, 33.
Игра въ кости 1, 2, 5, 7, 1, 3, 2; III. 9, 9.
Искуство начальствованія надъ войсками III, 1, 1.
Испытаніе архонта 2, 2, 13.
Каѳедра III, 6, 1.
Киѳара III, 7, 4.
Киѳаристъ 1, 2, 27; III, 5, 21; IV, 2, 6.
Конница III, 3.
Космосъ, 1, 1, 11.
Красота IV, 2, 35; IV, 6, 9.
Красоты продажа 1, 6, 13.
Кровати качающіяся III, 1, 30.
Ксеносъ, II, 3, 13.
Кушанья III, 14.
Литургіи II, 7, 6.
Лохагъ III, 1, 5; I, 4, 1.
Любовь 1, 3, 8; I, 4, 7 и 12; животныхъ II, 3, 4; обращеніе съ влюбленными III, 11, 10 и сл.; возбужденіе любви. См. вертошейка.
Любощи III, 11, 16 и 17.
Мантика 1, 1, 3; I, 4, 2.
Мать. Заботы о дѣтяхъ II, 2, 5; неуваженіе къ матери II, 2, 14.
Метода Сократа IV, 6, 1 и сл.
Младшій уступаетъ старшему II, 3, 16.
Молитва 1, 3, 2; II, 10; III, 8, 10; III, 14, 3; IV, 2, 26.
Молнія IV, 3, 14.
Моряки III, 5, 6.
Мудрость III, 9, 4; IV, 6, 7.
Мужество III, 9, 1.
Мужчины вмѣсто женщинъ II, 1, 30; достоинство мужчины II, 6, 35.
Надсмотрщики въ рудникахъ II, 5, 2.
Насиліе I, 2, 45.
Натурщицы III, 11, 2.
Наѣздники IV, 2, 6.
Неблагодарность II, 2, 1 и сл.
Незнаніе III, 9, 6.
Обжора III, 14.
Обманъ 1, 7, 5.
Объявленіе II, 10, 2; III, 1, 1.
Обѣты II, 2, 10.
Огонь давать II, 2, 12.
Око божье 1, 4, 17.
Олигархія 1, 2, 43.
Опса III, 14, 2 и сл.
Органы чувствъ 1, 4, 5; IV, 3, 11.
Охота на друзей II, 6, 28 и сл. III, 11, 15; на зайцевъ III, 11, 8 и сл.; на пауковъ III, 11, 6.
Панкратіасты III, 5, 21.
Панцырь III, 10, 9 и сл.
Партіи IV, 4, 8.
Паукъ. Сравненіе съ поцѣлуемъ 1, 3, 12.
Плата за уроки 1, 2, 6, 60; III, 1, 11.
Платье II, 7, 5.
Плутократія IV, 6, 12.
Подруги Сократа III, 11, 16.
Поклоненіе 1, 1, 14.
Покупка во время II, 10, 4.
Порокъ II, 1, 26.
Поцѣлуй I, 3, 11 и сл.
Правитель III, 9, 10; IV, 4, 15.
Прекрасное III, 8, 4.
Привороты II, 3, 11, 13; II, 6, 10.
Приправы III, 14.

Присяга 1, 1, 18; IV, 4, 16.
Пѣніе III, 4, 4.
Пѣсни II, 6, 10.
Птицегаданіе II, 3, 4; I, 1, 3, 4.
Рабская душа IV, 2, 22.
Рабство самое позорное IV; 5, 5.
Рапсоды, IV, 2, 10.
Разумъ всемірный 1, 4, 17.
Рудники серебряные III, 6, 12.
Самообладаніе 1, 5, 1 и сл.
Самонезнаніе III, 9, 6.
Самопознаніе IV, 2, 24 и сл.
Самоувѣренность III, 5, 5.
Свахи II, 6, 36.
Свобода II, 1, 11; IV, 5, 2.
Свинья 1, 2, 30; I, 3, 7.
Связать отца 1, 2, 49.
Сенатъ I, 1, 18; 1, 2, 35.
Сикофантъ II, 9, 4, 5; IV, 4, 11.
Сила IV, 2, 35.
Скипетръ III, 9, 10.
Слово III, 3, 11; IV, 3, 12.
Смертная казнь 1, 2, 62; II, 2, 3.
Собаки для охоты III, 11, 8 и сл.; дрессировка собакъ IV, 1, 3; басня о собакѣ II, 7, 13.
Собраніе народное III, 7, 6.
Совѣты старшинъ IV, 4, 16.
Собственность, забота о ней III, 4, 12.
Состязанія, награждаемыя вѣнками III, 7, 1, вообще: III, 12, 1.
Солнце. Его благодѣянія IV, 3, 8; ученіе о солнцѣ Анаксагора IV, 7, 7.
Софистъ I, 6, 13.
Сочиненія древнихъ 1, 6, 14; IV, 2, 1, 8; врачей IV, 2, 10.
Справедливость III, 9, 5; IV, 4; IV, 6, 6.
Старшій даетъ начало II, 3, 16.
Стратегія III, 1, 5; II, 5, 22.
Стратегъ. Обязанности III, 1, 6 и сл. 2; III, 5, 1; III, 5, 24.
Стрѣлки верховые III, 3, 1.
Судъ богобъ III, 5, 10; суды въ Аѳинахъ IV, 4, 4, 8; IV, 8, 5.
Суевѣріе 1, 3, 1.
Счисленіе IV, 7, 8.
Счастіе 1, 6, 10; II, 1, 26; III, 9, 14, IV, 2, 34.
Сѣти женскія III, 11, 10; пауковъ 16, 6; охотниковъ 16, 8.
Таксіархъ III, 1, 5; III, 4, 1.
Тактика III, 1, 5, 7 и сл.
Танцоры III, 5, 21.
Тираннія IV, 6, 12.
Трагедія 1, 4, 2, 11; II, 2, 9.
Тѣла устройство 1, 4, 5, 6, 8.
Тѣлесныя упражненія. Значеніе ихъ III, 12.
Ужинъ III, 14.
Ученіе, плата за ученіе III, 5, 23. См. плата. Обученіе лошади или вола IV, 4, 5.
Фила III, 4, 5.
Флейтистъ 1, 2, 27; I, 7, 2; IV, 2, 6.
Хвастовство 1, 7.
Хозяинъ и полководецъ III, 4.
Хорегъ III, 4, 6.
Хоровое дѣло III, 4, 4.
Хоры III, 3, 12; III, 4, 3; III, 5, 6.
Храбрость IV, 6, 10.
Царь вообще III, 9, 10; царская добродѣтель IV, 2, 12.
Царство IV, 6, 12.
Чары II, 6, 11.
Человѣкъ въ отношеніи къ человѣку IV, 6, 5.
Шорная мастерская IV, 2, 1.
Шуты III, 9, 9.
Эротическія наклонности II, 6, 28.
Явленія 1, 1, 3, 13; небесныя явленія IV, 7, 5, 6.

Байрон изд. Гербеля

ст. Шерръ - Веселовск.

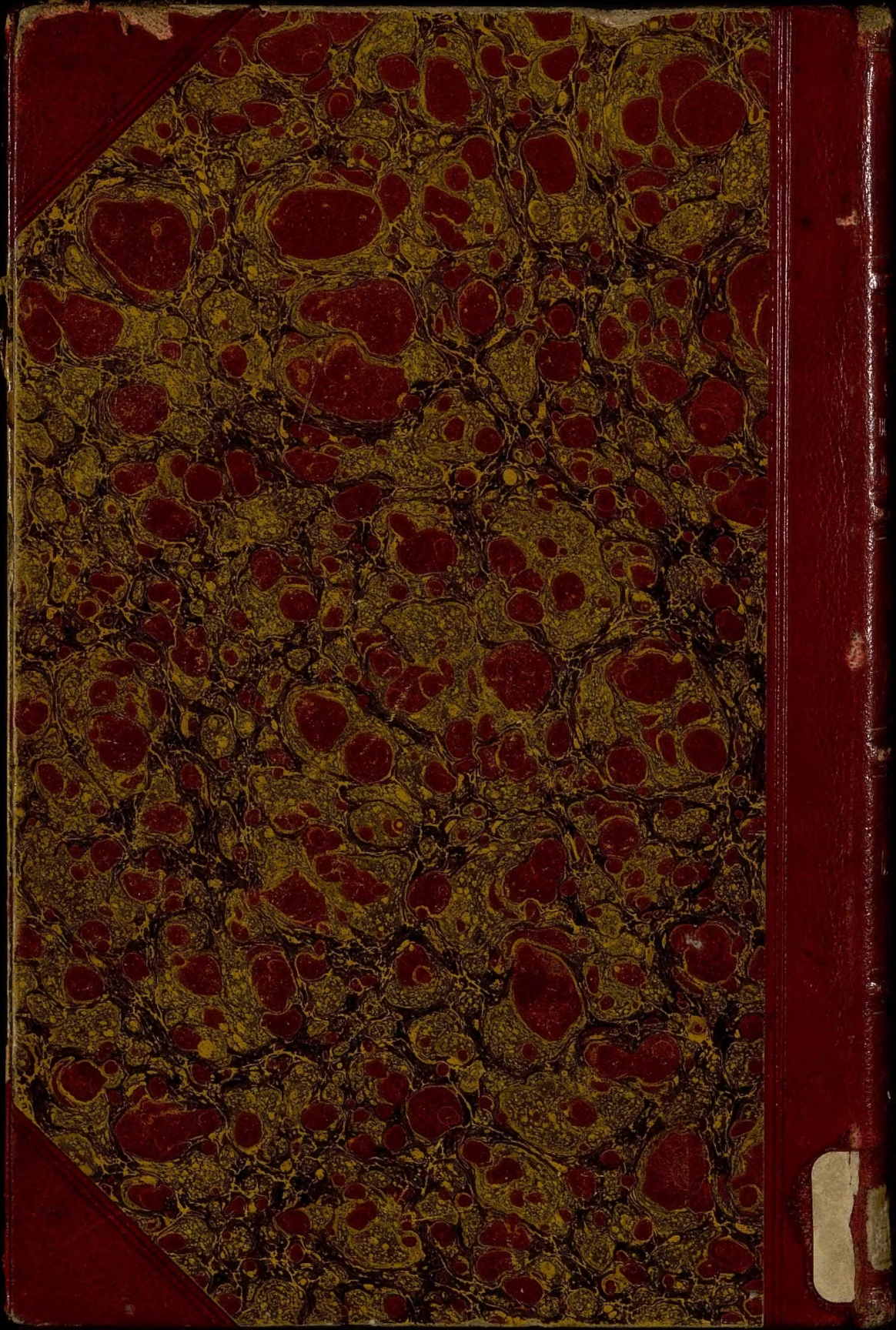
Все рифмы мужские монотонно

Муза Байрона с эпохи

(Брандес)

[3=]

Лирич. поэмы - Еврейские мелодии.

Восточн. поэмы - Абидосская невеста

Экзотич. обст. гармонир. с настроением